

Идол как у манси

Мансийская песенка

пристрастия к вечному? Ведь ценность культуры народа измеряется не только Великими Пирамидами. Многие исчезают, не успев оставить для нас что-то вещественное, чем мы могли бы гордиться и дорожить.

Вот наглядный пример из истории индейцев архипелага Огненная Земля. Великий Чарльз Дарвин не оценил их, назвав «бедными, жалкими созданиями....с безобразными лицами». Уничжительная оценка крупнейшего учёного могла привести к тому, что мы и не слышали бы ничего об этих племенах. Но другой учёный-этнограф и фотограф Мартин Гусинде – посвятил огнеземельцам часть своей жизни. От него мы узнали, что племён было три (селькнамами или она, ямана или ягана, халаквулупу или алакулуфы), познакомились с их жизнью, бытом, мировоззрением, космогонией и проч. Благодаря Мартину Гусинде остались несколько десятков фотографических пластинок, запечатлевших лица индейцев, их воинов, шаманов, постройки, быт... Но, к сожалению, кроме записок этнографа и фотоснимков индейцы Огненной Земли ничего нам не оставили. А ведь их культура была самобытной и чрезвычайно любопытной.

Не лучше дела обстоят и у нас. С каждым годом материальная культура народа манси ис-

чезает прямо на наших глазах. Всего несколько традиционных родовых поселений (паулей) манси сохранилось в верховьях Пельма, на Лозьве, Поме, Лепле и Тохте. В каждом из них были свои сумьяхи – лабазы или амбары. Они различались как хозяйственные и ритуальные или ура-сумьяхи, построенные для проведения культовых обрядов и хранения культовых предметов. В каждом сумьяхе «обитал» божок (пупынг) или несколько. Эти идолы создавались по общим канонам, но с большим количеством вариаций. Ведь каждый по-своему видит этот мир. Ритуальные сумьяхи, как правило, старались установить в укромных уголках, доступных только посвященным. Иначе любой пришелец мог осквернить их. Порой и места для проведения культа выбирались непростые, труднодоступные. Ура-сумьяхи чаще всего устанавливали на одной или двух «ногах», реже на четырёх. А вот хозяйственные лабазы, вмещавшие массу утвари, стояли на четырёх, шести, иногда даже на восьми опорах.

Именно сумьяхи вызывают у меня ощущение правдивости русских сказок: в них есть всем известный персонаж – избушка на курьих ножках. Так вот, в русских сказках всё правда. Есть такие избушки. И прототипом их являются сумьяхи. Манси,

В КАРАГАЙСКОМ БОРУ!

СКИДКИ 10% ПЕНСИОНЕРАМ И БЮДЖЕТНИКАМ

ПУТЕВКИ ВЫХОДНОГО ДНЯ от 660 р./сут.

ПРОКАТ СПОРТ-ИНВЕНТАРЯ МНОГО-ЛЕЧЕНИЕ

СКИДКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ до 40%

ЛЮКС БЕЗ ЛЕЧЕНИЯ от 1000 р.

ОТДЫХ от 600 р.

СУТКИ С ЛЕЧЕНИЕМ от 900 р.

СТЕПНОЙ КЛИМАТ + СОСНОВЫЙ ВОЗДУХ

ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТЫЙ РАЙОН

МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА «КАГАЙСКИЙ БОР»

БАССЕЙН 25 м

САУНА

ТУРЕЦКАЯ БАНЯ

КОМИССИЯ ТУР - АГЕНСТВАМ УВЕЛИЧИНА!

БАССЕЙН 25 м

ВОДА «КАГАЙСКИЙ БОР»

МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА

ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТЫЙ РАЙОН

Лиц. ФСНЗ № 9901-000-771
Цены даны на дату публикации

(351) 260-25-87
г. Челябинск,
ул. Цвиллинга,
51а, оф. 311

(35143) 2-37-01, 8-351-900-78-01
Челябинская обл.
Верхне-Уральский р.
Санаторий
«Карагайский бор»

как правило, срезали верхнюю часть деревьев на уровне полутора метров от земли и выше, а затем на этом основании устанавливалась сама избушка. В том случае, если одной «ноги» не хватало, ее вкапывали. Получались удачные опоры для лабазы. Чтобы даже малые зверьки не лазали, манси вырезали на «ногах» сумьяха конус с отрицательным углом – ни одна мышь не могла проникнуть по ним в лабаз! Позднее «ноги» стали обивать куском железа или полиэтилена.

Лесенку для сумьяха делали из одного бревна, вырезая в нём ступени. Так хитроумно и просто выходили из ситуации манси.

Со временем «ноги» сумьяхов обнажались – проступали корни. Они-то и вызывали ощущение, что у избушки «курьи лапы», и она вот-вот сама пойдёт! Или из неё выйдет знакомый всем с детства персонаж – Баба Яга... Настоящая сказка!

Ещё практичные сооружали манси в лесу небольшие по объёму, но схожие постройки – чамью или шамью, в зависимости от наречия. Эти небольшие лабазы были необходимы для хранения мяса лосей, оленей. Как правило, целого лося сложно было увезти на себе в пауль. Для временного

хранения мяса и строились лабазы, чтобы уберечь часть добычи от хищников. И прежде всего, от росомахи – уж больно хитрый и наглый зверь!

Свои святилища манси, конечно, старались и стараются не показывать – инородцы для них чужаки. Но мне, как исследователю, всякий раз хочется узнать что-то новое из их исчезающего мира. Но это непросто – позиция манси такова: пусть мир сокровенного уйдёт вместе с ними...

Дома манси сильно изменились за последние столетия. Теперь это в основном русские избы с железными печами. Традиционных чувалов (каминов из длинных жердей, обмазанных глиной) сейчас не найдёшь. Разве что в музеях. Хотя мы смогли найти полуразрушенный дом с остатками чувала. Один, всего один.

Поэтому вряд ли по современным домам манси можно представить быт этого народа – время неумолимо стирает черты и особенности каждого этноса, попадающего в «цивилизацию».

В паулях ещё остаются несколько традиционных типов небольших построек. Одна из них – манькол, или маленький домик. Домик для роженицы. Первоначально эти домики предназначались

Существует версия, что слово «курья» первоначально означало «обожженная», «обкуренная» (от старослав. коурити – курить, дымить) – для долговечности и недоступности зверью. – Ред.

для пребывания женщин в критические дни и для родов. Это было обусловлено необходимостью, обычаями и условиями жизни в пауле. При этом ничего унижающего в изолированном пребывании женщины не было. В советское время манькол стали рассматривать как некую форму дискредитации женщины-туземки. Уже в тридцатых годах XX века мансийки стали рожать в роддомах или специализированных отделениях. Необходимость построек «домиков для рожениц» стала отпадать. Их практически не осталось.

Очень редко, но можно найти нянь-кур, или хлебопечку. Ранее их собирали из камней, сверху покрывая дёрном. Затем на смену природному компоненту пришли кирпич и рубероид. Цивилизация! Но даже видоизменённые эти печки – диковинка для нас, жителей мегаполисов. Да и сохранились-то считанные единицы – некому теперь хлеб печь!

Манси стремительно исчезают. Исчезает их мир, зарастают охотничьи тропы, даже целые посёлки, оставаясь только на редких фотографиях. И

духовный мир лесных людей тоже становится всё более призрачным.

Так что же мы сможем через пять-десять лет показать подрастающему поколению? На мой взгляд, только сумьяхи. Именно эти избушки на курьих ножках, как никакая другая постройка, могут олицетворять мир манси и их идолов. Но и они рушатся из-за отсутствия внимания к наследию уральских первооткрывателей. Разрушились и падают на землю никому не нужные сумьяхи Суй-ват-пауля, Кимг-чупа-пауля, Вершины. А сколько их, неведомых нам, сгорело и сгнило в лесах, унеся в небытие интереснейший мир манси! На севере Свердловской области таких сумьяхов осталось не больше полутора десятка! Они ещё продолжают упрямо держаться за землю в далёких «медвежьих» углах, как и подобает настоящим «избушкам на курьих ножках».

Остаются лишь фотографии, на которых неизвестные фотографы запечатлели жителей таёжной цивилизации и их диковинные избушки. Как некогда успел это сделать Мартин Гусинде на островах архипелага Огненная Земля.

Дверь в сумьях

Хлебопечка у Семёна Курикова

Мань-кол в пауле у Хандыбиных

май 2010

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

veter@uralstalker.com

Народ, живший когда-то в горах Урала

А. СЛЕПУХИН
 Н. БЕРДЮГИНА

Сумьяхи – избушки на курьих ножках ... 2 пол. обл.

Молодые имена

В. ОСИПОВ

Волшебная строка – 2010.....6

АЭЛИТА

aelita@uralstalker.com

Координаты чудес

Д. ФЕДОРОВ

Инструмент влияния 13

Повод для улыбки

О. КОЛОТОВА

Слезы дракона.....27

РЕКА ВРЕМЕНИ

reka@uralstalker.com

Тропой поиска

Ю. ГОРБУНОВ
 В. ПРЫТКОВ
 Д. ЩЕРБИНА

Писательницы России (продолжение) 49

В Каунасской крепости 29

Последний «адрес»

графини Стенбок - Фермор..... 61

Юбилей

Ю. ГОРБУНОВ

Четверо в лодке, не считая Снукки.....30

Далекое - близкое

И. ПЛОТНИКОВ

«Деревянная война» и священник Бोगоявлинский 35

Маршруты «Уральского следопыта»

О. МОРОЗОВ
 Е. ДОЛЖЕНКО

От села до села..... 38

День Победы

Ю. КОНЬШИН
 И. ПЛОТНИКОВ
 Н. ЕРОФЕЕВА
 Т. НЕМШАНОВА
 В. ГУБАЧЕВ

Полвека разлуки – еще не век жизни..... 42

Экзамен держала наука 48

«Какой госпиталь! Будем лечиться на месте» ... 54

История двух семей в пламени войны..... 63

Копатель Николай Шевченко 68

Портреты

А. КОЗЛОВ

«Нёркирдык» – уральские шахматы..... 46

Краеведческая копилка

В. СУРЕНКОВ

Река и рыбка Железенка 50

Камни Урала

В. АВДОНИН

Платина – металл вечности..... 76

Человек и природа

М. ФОНОТОВ,
 В. САДЫРИН

Белый цветок на воде..... 3 пол. обл.

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов,

Б.А. Долинго

Худ. редактор, верстка – М. Ю. Шафикова

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Т. В. Сергеевко.

Рекламная служба –

com@uralstalker.com

Интернет – Е. Марков

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Редакция, издатель – общественная организация

«Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет –

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,

Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич,

Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов,

Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

• Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»,

• Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников

России,

• Семен Спектор, заслуженный врач России,

• Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.

• Виктор Байдуков

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620014, г. Екатеринбург, а/я 479

тел. (343)295-61-27, (343) 295-61-28

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору

в сфере связи, информационных технологий и массовых

коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, вы-

дано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом

на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются от-

печатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30

строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть

подписана автором. Обязательно прилагать информацию об

авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте

журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую

очередь рассматриваются рукописи, дополненные электрон-

ной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за

предоставление материалов и иллюстраций, обремененных

правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправ-

лении электронных сообщений обязательно заполнять поле

ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается

только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт».

Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского

следопыта» и отмеченные знаком публикуются на

правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

– Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП,

подписной индекс 31646

– Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413

– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

– Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА»

в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Розничная продажа:

– в магазинах «ЖИВОЕ СЛОВО»

– в магазине «100 000 книг»

– в Почтовых отделениях Свердловской области

Лидер
 Уральского
 Турбизнеса
 2007

26 марта 2010 года в Екатеринбурге состоялись заключительные мероприятия III Всероссийского фестиваля литературного творчества детей и юношества «Волшебная строка-2010».

Учредитель Фестиваля – Министерство культуры и туризма Свердловской области, а организаторы – Екатеринбургское отделение Союза писателей России и Свердловская областная библиотека для детей и юношества. Журнал «Уральский следопыт» уже несколько лет выступает в роли информационного спонсора Фестиваля и публикует лучшие работы победителей конкурса «Волшебная строка».

В литературном конкурсе приняло участие 456 юных авторов из 32 областей и 8 национальных республик Российской Федерации и из Украины. Они соревновались в номинациях «Поэзия», «Сказка и фантастика», «Проза» и «Гениальный читатель», представив на суд жюри более 3000 работ. Отдельно оценивались произведения, посвященные 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Все победители и дипломанты «Волшебной строки» получили сборник со своими лучшими работами. Сегодня «Уральский следопыт» знакомит читателей с несколькими работами из этого сборника и желает юным литераторам новых творческих успехов.

Осипов В.В. – председатель жюри конкурса; поэт, заместитель председателя правления Екатеринбургского отделения Союза писателей России; доцент УралГАХА; член редакционного совета журнала «Уральский следопыт», лауреат Всероссийской литературной премии имени П.П. Бажова.

Я горжусь, что живу в одном городе с Калашниковым

Сделал всё, что мог.
Кто сможет, пусть сделает лучше.
Огюст Роден

(девиз Михаила Тимофеевича Калашникова)

Считается, что оружие – зло. Но оно всё-таки может быть мирным, может нести народам защиту и спокойствие.

Ижевск! Сколько у тебя славных сыновей и дочерей! Это и известные музыканты, художники, изобретатели, политики, военные, талантливые мастера, писатели, да и просто честные труженики, которыми ты гордишься.

У нашего города есть ещё один сын, известный по всему миру. Это – гениальный изобретатель и конструктор оружейного и стрелкового оружия Михаил Тимофеевич Калашников, который считает себя просто тружеником, честно выполняющим гражданский долг перед Родиной.

Наш город – город оружейников. Уже в начале XVIII века на Ижевских заводах стали производить оружие. В музеях нашего города можно увидеть уникальные образцы винтовок, которыми была вооружена Русская армия в Отечественной войне 1812 года. Знаменательно, что именно сюда Михаил Тимофеевич был командирован в 1948 году для изготовления войсковой партии автоматов. Калашников не только помог упрочить, но и увеличил оружейную славу Ижевска. Благодаря ему наш город стал известен всему миру.

Сейчас очень многие пишут статьи «Из чего сложился феномен Калашникова». Кто-то предполагает,

что этому помогли изобретательская жилка, интерес к оружию. Другие утверждают, что идеи Михаила Тимофеевича «попали в благодатную почву».

У меня другое мнение. Постигнув ужасы войны, молодой солдат Михаил Калашников страстно желал защитить свою Родину и свой многострадальный народ от врагов, спасти от войн.

Для кого-то это звучит странно: «оружие, чтобы спасти страну от войн».

Вот что говорит сам Михаил Тимофеевич: «Я создавал его не для международных конфликтов, а для защиты рубежей нашего Отечества. Это – оружие защиты».

Я горжусь, что живу в городе Михаила Тимофеевича Калашникова. Человека, чьё оружие защищает нас.

Особенно бывает приятно, когда приезжаешь в другой город или страну, говоришь: «Я из Ижевска». Сразу на лицах людей появляется восторженное изумление: «Из города, где живёт Калашников?!» Получается, что Михаил Тимофеевич Калашников стал своеобразным символом нашего города. Когда в Ижевск приезжают гости, они первым делом идут в музей Михаила Тимофеевича – не только в России, но и по всему миру восхищаются его оружием.

Автомат Калашникова используется в символике некоторых стран. Например, на гербе и флаге Мозамбика, на гербе Зимбабве и Буркина Фасо. Недавно я узнала, что на берегу Синайского полуострова в Египте ему воздвигнут памятник. К 60-летию изобретения легендарного оружия новозеландский монетный двор отчеканил монеты с гравировкой АК-47, достоинством в два новозеландских доллара.

Популярные рок-музыканты заказывают гитары только в форме автомата, а британская компания AudioBooksForFree.Com выпустила плеер АК-МРЗ, выполненный в виде магазина для автомата Калашникова.

Не забывают люди и самого конструктора. Во многих африканских племенах считается честью дать ребёнку имя «Калаш».

Известен такой интересный случай: однажды американский философ и специалист по оружию Эдвард Клинтон Эзел послал знаменитому конструктору письмо с таким адресом: «СССР. Михаилу Тимофеевичу Калашникову». Как ни странно, послание дошло. Несмотря на то, что в стране очень много Калашниковых, работники почты сразу поняли, о ком идёт речь.

Даже писатели-фантасты в своих произведениях отдают дань оружию Михаила Тимофеевича. Например, в трилогии Б.А.Долинго «Странник по граням» победить биороботов не может ни одно фантастическое оружие будущего. Восхищённый мастерством гениального конструктора и способностями его автомата, писатель даёт возможность главному герою спасти нашу Землю от монстров с помощью знаменитого АК.

Автомат знаменитого оружейника изображён на юбилейной монете, выпущенной Центробанком к 450-летию присоединения Удмуртии к России.

Михаил Тимофеевич нравится мне не только как уникальный изобретатель, но, прежде всего, как человек. Особенно восхищает его необыкновенная скромность и патриотизм. Меня покорили его слова:

«Главное – это признание на Родине, ради защиты которой работал всю жизнь».

На мой взгляд, молодым людям необходимо прислушаться к этим словам и следовать его примеру.

Мне нравится рассматривать оружие, сконструированное Калашниковым. Как хорошо, что оно есть в музее, и мы можем вживую познакомиться с ним. Отрадно, что дети Михаила Тимофеевича продолжают его славное дело.

Замечательно, что именем выдающегося конструктора назван проспект. Маленькие ижевчане, проходя по нему, вспоминают рассказы родителей, воспитателей и учителей. С самого детства в их сердцах растёт любовь, уважение к Михаилу Тимофеевичу Калашникову и гордость за то, что они его земляки.

С гордостью и радостью я узнала, что на ижевском водохранилище собираются построить конгресс-центр «Калашников». На мой взгляд, Михаил Тимофеевич заслужил народное признание. И ещё: чем больше в Ижевске будет мест с памятными названиями, тем лучше для граждан. Народ должен помнить своих героев!

В ноябре две тысячи девятого года Калашников отметил 90-летие. Я очень хочу пожелать ему здоровья и долголетия, чтобы он продолжал радовать россиян своими новыми изобретениями!

В подарок я посвящаю Михаилу Тимофеевичу своё небольшое стихотворение.

Гордится Город Мастерами,
Их «оружейными» руками.
Веками здесь ковалась слава:
Вы – их преемник полноправный!
Так, к Автомату от винтовки,
Приобретали Вы снаровку.
На страже Мира Вы стояли –
От войн Россию защищали.
Навек запомнила Отчизна
Ваш славный труд во имя Жизни!

*Сергеева Злата, 14 лет
г. Ижевск
3 место*

Семья

Я стану мужчиной, и будет мой дом
Наполнен улыбкой детей и теплом,
И запахом хлеба с парным молоком.
Но всё это будет, конечно, потом!

Ну, а сейчас, только солнце проснётся,
Отец подмигнёт мне и мать улыбнётся,
Сестрёнка ко мне подбежит босиком –
И это сегодня, а не потом!

Предки

Мой пра-пра-пра был офицер,
Он Родине служил,
За веру, отчий дом, царя
Себя не пощадил.
Так повелось в моей семье:
За честь сочтя мундир,
Служили все своей стране
И не жалели сил.
Герои были, как один,
И Родине служа,
Одни дожили до седин,
Других взяла война.

Булычёво

Убегает в лес тропинка,
Шмель мохнатый на цветке,
И качается росинка
На лазоревом листке.

Пахнет мёдом, пахнет мятой,
Пахнет сдобой из печи.
Головой качнув рогатой,
Пьют коровы из реки.

Скоро вечер... И – в ночное!
Там костёр. Уха и хлеб.
В мире лишь с самим собою
Будет счастлив человек!

*Булгаков Артем, 12 лет
г. Нижний Новгород
1 место*

* * *

Когда в вагонном стекле отразятся
Всей своей толщею – банки, бутылки,
Пакетики чая, яблока четверть,
Вилки и ложки – дорожная утварь,
Преображённая в сумерках сизых,
В отсветах от облаков водянистых,
В хрупкой графитовой тени деревьев,
В стеблях травы, по-ночному ленивой, –
Ты вдруг заметишь, что в пыльные окна
Смотрят, как в зеркало, жёлтые пятна
Сигнальных огней, убегая обратно.
Их никогда не вернёшь, не поймашь.
То, что течёт сквозь твоё отражение,
Вдруг осязаемым стало в движении.
Может быть, так же выглядит время,
Через тебя ускользаая бесследно?

*Горшкова Александра, 17 лет
г. Челябинск
Диплом
«За философский натюрморт в стихах»*

* * *

Уже в тополях, невысоких подростках,
Зеленая кровь забуридила по ножкам,
Я глажу мохнатые красные ветки,
И в вязаных варежках жарко ладошкам.

Дорога, что щедро посыпана солью,
Дымится чуть-чуть, как ржаная горбушка...

И можно, как в детстве, вдруг стать великаном,
Сосну потрепав по мохнатой макушке!

Пуанты

– Разувайся сейчас же – куда по асфальту?
Наказание мамино! Что за позор!
А она из подъезда вдруг вышла в пуантах,
Потому что над нею смеялся весь двор.

Первоклассник Валерка – и тот ее выше!
Даже мячика ей ни за что не поймать.
И не верит никто из противных мальчишек,
Что ее в балерины хотят принимать.

А ботинки, в которых и ноги не гнутся, -
Неужели они, покачнувшись слегка,
Как две бабочки белых, смычку повинуюсь,
Все смелей и смелей полетят на носках?

Да! Увидев ее в этих ловких пуантах,
Все мальчишки ей с гордостью руку пожмут...
А она, как по стеклам, идет по асфальту.
Ну, куда ты, глупышка. Вернись – засмеют.

* * *

А паруса, как в старину,
Доверчивы, а дали мглысты.
В морскую злую синеву
Опять влюбляются туристы.

Я столько видела морей!
Прощаясь, в каждое привычно
Без счету сыпала монет...
И вот теперь осталась нищей.

Теперь моря других манят
Своими синими волнами,
И корабли не для меня
Уходят вдаль под парусами.

*Колесниченко Елена, 16 лет
Омская обл., р.п. Полтавка
1 место*

* * *

Мы с тобою две ноты в мелодии,
Две звезды одного созвездья.
Друг за другом ноты стоять должны,
Но фальшивит мелодия в песне.

Звезды людям любовь предсказать хотят,
А предсказывают одиночество...
Мне так хочется вместе с тобою быть.
Так изменим же это пророчество!

Кувшинки

Ты подаришь мне три кувшинки,
Когда вынырнем мы из речки.
Искупавшись, замерзнем сильно
И усядемся возле печки.

И пошлем мы с тобою к черту
Все цветочные магазины,
Где стоят в громадных вазонах
Розы, пахнущие бензином.

Ты обнимешь меня так крепко,
И распустятся все кувшинки.
Замерцают над нами звезды,
Пролетят мотыльки-невидимки.

*Осипова Александра, 14 лет
г. Петрозаводск
3 место*

В конце августа

Солнце кутается в дымку,
Шепот листьев все тревожней,
На дороге – пыль столбом:
Ветер был неосторожен.

Убыл день не так заметно:
Он немного стал короче;
Слушать хриплый лай собак,
Если честно, страшно ночью.

Ложкой пенку я с варенья
Что-то черпаю без радости...
Сливы – это не клубника.
Сливы спеют в конце августа.

*Павлова Анна, 16 лет
Свердловская обл., г. Новая Дяля
3 место*

А небесные, чистые птицы в раю,
Там, наверно, весна, а, быть может, и лето.
Я не птица. И вот, в бездорожном краю
Ошибаюсь, звоню, ожидаю ответа.
По расквашенным, в бурой трясине дорогам,
Прохожу в полудреме и путаю глушь
С городишком обычным, заброшенным Богом.
Там бессильны все истины. Строй или рушь!
Это вечная повесть и главный завет.
Бездорожье, распятыя, снежинки, как пух...

Мы решаем и строим, но выхода нет,
Аппарат телефонный по-прежнему глух.
Балансирую, падаю, вновь поднимаюсь.
По горам босиком – путь опасен и крут.
Тишина пред грозой, и я просыпаюсь,
А небесные птицы из рая идут.

Каблуками стучу по дороге,
Заплетаются косами фразы.
Не хотелось исчезнуть ни разу,
А теперь словно горы, пороги.

И обманом казались дурманным
Это облако, эти афиши.
Подчиняюсь законам столь странным,
Что считаюсь не третьей, но лишней.

Забываю вчерашнюю скуку,
Bester Sommer прощается с нами.
Мы недавно играли веками
Да случайно поранили руки.

*Пашина Ольга, 13 лет
г. Пермь
1 место*

Воспоминание

Ты узнаешь городок этот послевоенный?
Май. Озорница-черемуха лезет в окно.
Дробью – звонок.
С ним вливается в школьные стены
Голос Марлен, неразлучный с немецким кино.

Вновь, с саксофоном не сладив, хрипит радиола.
Туфли беспечных подружек мелькают легко...
Как этот танец далек еще от рок-н-ролла,
Что рок-н-ролл! – и до твиста ему далеко...

Мальчик, возвращенный на «хэви», –
тебе ли понять их
В эру неистовых ритмов и яростных нот?
Кто нам они – эти ангелы в ситцевых платьях?
Просто девчонки танцуют трофейный фокстрот.

Новое время скупое на счастливые шансы.
Музыка вряд ли сорвет с нас остатки оков.
Встань же, взглядишь –
может, в этом бесхитростном танце
Кроются все рок-н-роллы грядущих веков...

*Размыслова Мария, 17 лет
г. Сыктывкар
2 место*

Инструкция

По утрам, попивая теплое молоко вприкуску с ломтиком сырокопченой колбасы и покачиваясь в кресле-качалке, я люблю просматривать почту. Мне нравится читать рекламные проспекты, перелистывать красочные буклеты, но иногда почтальон приносит и другие, не менее любопытные, образчики человеческой глупости.

Вот и сейчас, кроме воскресной газеты и пары счетов, в корреспонденции оказалась небольшая брошюрка: «Инструкция «Защити себя от кота». Уважаемые котовладельцы, пожалуйста, дочитай-те до конца, это очень важно!».

Я ненавижу котов. Я знаю, что сейчас вы покрутите пальцем у виска и скажете, что коты милейшие создания, их надо любить и жалеть. Я тоже так думал. До тех самых пор, как сам не захотел завести кота. Сначала все было замечательно, но потом... Ну, в общем ладно. Буду последователен... Привожу в этом послании ко всему человечеству страницы собственного дневника и парочку интересных документов.

«11.09. Я собираюсь завести кота. Да, завести кота в наше время не так-то уж просто. Это огромная ответственность. Но я попытаюсь, так как у меня есть несколько веских причин. Вот они:

Я, Джимм Халвелл, могу завести кота потому что...
имею неплохую заработную плату. 1.
имею добрую душу и прекрасный характер. 2.
мне не хватает заботы и любви. 3.

Завтра же побегу в уютный центр Джейсона и оформлю «Любовный договор» *примечание: как вам известно, всемирно принятый договор о приюте животных.

«12.09. С почином! Сегодня утром сходил в контору Джейсона и подписал «Любовный договор». Хочу запомнить этот момент и поэтому вкладываю в дневник договор:

«Любовный договор» Джимма Халвелла.

Данное лицо, Джимм Х., соглашается с условиями приюта Джейсона Керти и обязуется их выполнять:

Джимм Х. обязуется любить своего питомца и обращаться с ним, как с 1. младшим братом своим.

Джимм Х. обязуется ежедневно кормить своего питомца не хуже себя 2. самого.

Джимм Х. обязуется покупать своему питомцу игрушки и водить на 3. прогулку не реже одного раза в день. Конечно же, это все должно быть в удовольствие питомцу, а не во вред.

Джимм Х. обязуется следить за здоровьем своего питомца и обращаться 4. в приют, если требуется медицинская помощь.

Джимм Х. обязуется выплачивать определенную сумму приюту каждый 5. месяц.

Джимм Х. обязуется звать питомца по имени, данному приютом, а не 6. выдумывать клички.

Уважаемый Джимм Х., надеемся, что Вы будете соблюдать условия приюта и беспрекословно их выполнять. В противном случае – мы имеем право на изъятие питомца из Вашего дома. Получите удовольствие от содержания питомца. И помните: питомец ничем вас не хуже и заслуживает любви.

Первоначальный взнос: 200 евро»

В тот момент я думал, что иметь кота – это прекрасно. Но нет. Оказывается... Хотя, читайте сами.

«13.09. Ура! Сегодня мне принесли кота. Имя у него, правда, странное – мистер Керри. Нет, не странное. Очень даже милое. Насыплешь в миску корма и зовешь: «Мистер Керри! Иди кушать!»

Но сегодня Мистер Керри заболел. Я иду с ним в приют».

Итак, в тот день я захлопнул дневник, сунул под мышку Керри и пошел к Джейсону, владельцу приюта.

– Здравствуйте, Джим. – Джейсон сидел за столом и копался в груде бумаг, которых было так много, что из-за них едва было видно его лысую макушку.

– Привет, Джейсон. Мистер Керри заболел. – Я положил кота на стол и отошел. – Он отказывается от еды. Я купил ему все сорта корма, пробовал давать рыбу и мясо. Но он не притрагивается к пище вот уже почти два дня.

– Ну ладно, Халвелл, выйди на минутку, погуляй по приюту. Я осмотрю кота и позову тебя. – И Джейсон Керти вытолкнул меня за двери своего кабинета. – Это не займет много времени. – Крикнул Керти и захлопнул дверь.

Я прошелся по коридору туда и обратно, но звать меня не спешили. Потеряв терпение, я подошел к двери и хотел ее было толкнуть, но... Но за дверью я услышал голоса. Два голоса.

– Чем Вы не довольны на этот раз, мистер Керри? – раздраженно спросил Керти своего невидимого собеседника.

– Мняю. Я недоволен всем. Вы помните, что написано в договоре? – ответил ему чей-то грудной, бархатистый голос.

– Ну да, конечно. Вот договор нашего приюта: Ваш раб должен кормить

Вас каждый день, играть с Вами, и выводить на прогулку, и...

– И называть меня мистер Керри! – взвизгнул неизвестный. – Мняю. А этот, кхм, раб зовет меня малышом Керри, Керричкой и, только представьте себе, Керрирусенькой!

– Я поговорю с Вашим рабом и разьясню ему, что к чему, – вздохнул Джейсон Керти. Как видно, ему не раз приходилось улаживать проблемы такого рода. – Но почему Вы отказываетесь от еды?

– В знак протеста. – гневно и в тоже время гордо воскликнул незнакомец.

– Но это не слишком разумно...

– Я клиент, а клиент всегда прав! Я буду делать то, что я считаю разумным, а не вы, глупые людишки! В конце концов, придя в Ваш офис «Рай на Земле» я думал, что обслуживание Ваше пятизвездочное, а не четырех, как оказалось. А то и двух. И вообще, мое правительство на моей стороне и считает, что Вы должны мне выплатить неустойку.

– Но, мистер Керри. Вы, как любой нормальный чело... – Джейсон со страхом взглянул на кота и захлопнул рот ладонью.

Это настолько заинтересовало меня, что я попытался чуть-чуть приоткрыть дверь. То, что я увидел, не поддается описанию.

– Ну-ну. Договаривайте. – мистер Керри спокойно посмотрел на Джейсона и дернул хвостом.

– Человечный кот – неуклюже закончил тот.

–Мняю. Неплохо сказано – с усмешкой посмотрел кот на директора приюта. Или все же отеля?

Я не мог этого больше терпеть. Все во мне клокотало и взрывалось. Испытывая праведный гнев, я распахнул дверь и заорал:

– Что все это значит?! Я не раб кота! Он мое домашнее животное!

– Какого черта Вы вошли? – Джейсон с ужасом посмотрел на меня.

– О боже, – пробормотал кот и закрыл морду лапами.

– Джимми, успокойся. Все это тебе приснилось, – ласково сказал Мистер Керри мне. Я оглянулся на Джейсона. Последнее, что я помню в тот день – это Джейсона Керти, целящегося мне в грудь какой-то непонятной трубкой.

Проснувшись на следующий день с невероятной головной болью, я подумал, что чуток перебрал, и все это мне приснилось. Но на столе лежало письмо. Белый новый конверт с печаткой приюта животных. В письме аккуратным почерком Джейсона было написано следующее:

Дорогой мистер Халвелл!

К нашему сожалению, Вы не смогли ответственно подойти к делу, и мы изъяли из Вашей семьи мистера Керри.

Всего Вам хорошего.

С любовью, Джейсон.

На этом я заканчиваю мой рассказ. Сделайте из всего этого вывод, люди! Выбросьте своих котов на улицу, пинком под зад. А лучше в окно!»

– Что за идиотская брошюра! В помойку! – Сказал я и сразу сделал. Взяв в лапы мерзкую газетенку, я подошел к мусорному ведру и с удовольствием выкинул.

– Мняю. Какой только ерунды не понапишут!

Русакова Татьяна, 16 лет

Свердловская обл. г. Верхняя Тура

Диплом «За сказочный взгляд на человека глазами братьев наших меньших»

День рождения старой тучи

Швейцария – это горная страна, и там, в ее горах, происходят необыкновенные события. На самой высокой вершине этой страны отмечается день рождения – не поверите чей? – тучи.

Старая, старая туча отмечает здесь свое 739-летие. Двенадцать туч собрались на этот день рождения. А еще одна тучка очень любит спать, и поэтому ее используют в качестве стола.

Но пока еще гости не сели за стол, туча рассказывает им про свою молодость.

– Я родилась вон на том маленьком холмике, – показала туча своим белым пальчиком, – была милым, маленьким облачком, которое отправилось в путь. Я пролетала над Францией, над Парижем, потом летала над Лондоном, летала в Россию, в Иран. Там, когда я лежала и отдыхала в пустыне, на меня наступил верблюд. В Индии меня пытался засосать в свой хобот большой глупый слон. Но больше всего я не любила летать в Австралию, там очень жарко и живут очень странные кенгуру, с сумками на животе, а это как-то неправильно.

Всю свою жизнь я провела в путешествиях, но поскольку я летала не только над чистыми городами, но и над комбинатами, над станциями, которые выбрасывают в воздух всякий мусор и дым, я стала грязной, мои легкие стали плохо работать и мне стало тяжело летать. Я видела все чудеса мира, а сейчас я стала старая и поселилась здесь, чтобы отдохнуть на моей родине, в самой прекрасной стране – Швейцарии.

– Неправда! Неправда! – закричали другие тучки. – Ты совсем не старая! Нас у тебя всего 540 детей и 1383 внучки, мы все тебя любим. Сейчас мы все съедем и выпьем, а потом все дружно полетим исправлять погоду над Европой. А то, пока ты здесь отдыхаешь и поливаешь здешние поля, там жуткая жара и засуха, от которой страдают все жители. Ты еще послужишь людям. Ведь пока ты кому-то нужна – ты будешь всегда молода.

Черкасов Егор, 12 лет

Челябинская обл. г. Магнитогорск

3 место

Снежная королева. 2101 год.

– Хорошо проснуться снова. После двухсотлетнего сна я полна сил и смогу натворить такого! – воскликнула снежная королева, проснувшись. Тёплый ветер дул ей в спину. Корона Королевы начала таять, по её лицу стекала вода. – Да что это такое? Я же заснула, когда здесь, в России, была зима, и проснуться я должна зимой. Где снег?! Лёд?! Холодная метель?! – Королева была в недоумении. Ей было неизвестно, что на Земле – глобальное потепление. Снежная Королева приняла решение лететь в Антарктиду.

Но, когда Королева прилетела в Антарктиду, лучше ей не стало. Её здоровье подтаяло, когда она пролетала над экватором и тропиками, и превратилось в воду, когда Королева увидела, что в Антарктиде пингины ходят без перьев, люди на станциях одеты лишь в спортивные куртки, а лёд и снег лежат лишь в центре бывшего снежного материка. Именно в этом центре Снежная Королева и поселилась.

Но здоровье её замёрзло лишь наполовину. Так как всё время дули тёплые ветры, свою корону Королева спрятала в ледяной погреб. При ветрах её волосы становились ручейками, а когда ветер прекращался, ручейки сковывались льдом и напоминали сосульки.

Снежная Королева очень хотела навредить людям, но, только она начинала вылетать из центра, как тут же её шея подтаивала, и голова повисала за спиной. В таком состоянии Королеве было трудно творить плохие дела, поэтому она ждала холодов. Но холода не наступали. Снежная Королева начала расстраиваться и хотела заснуть, но однажды ей на глаза попала человеческая пластина льда, и на этой льдинке показывали людей, непохожих на тех, которые жили на станции. Люди из льдины были похожи на тех, которые жили в середине Земли, ещё на тех, которые жили в России, но не двести лет назад, а сейчас. Кроме этого, какой-то мужчина («Явно Король» – думала Снежная Королева) говорил. От этих слов Королеве стало очень приятно, её тело стало крепким льдом. Этот «король» говорил о том, как плохо сейчас живут люди. Королева была рада, что ей не нужно ничего делать, чтобы навредить людям, люди и так живут плохо. Электричество то и дело даёт сбои, когда все включают вентиляторы, чтобы охладиться. Не хватает Антарктиды, чтобы всех разместить. Культурные растения гибнут из-за засухи или гниют из-за частых дождей. Многие животные гибнут из-за непривычного климата.

Королева была в восторге от таких слов, и даже здоровье у неё начало холодеть. Но через несколько дней, хоть плохие новости не прекращались, здоровье Снежной Королевы стало опять таять.

Но снова Королева увидела полезное в показывающей льдинке. «Король» говорил о том, что люди в российском городе Космосон запускают в космос на космическую станцию у Плутона ракету со льдом и снегом, чтобы размножить лёд и снег и снова привезти на Землю. Снежная Королева не знала слов КОСМОС, ПЛУТОН и РАКЕТА, но она хорошо видела эту самую ракету со льдом и снегом, и решила туда лететь.

Город Космосон находился недалеко от Москвы, и Королева его легко нашла. Невзирая на полностью растаявшее здоровье и отваливающиеся от тела голову, руки и ноги, Снежная Королева чувствовала себя радостно. Она увидела комнату со льдом и снегом и быстро залетела в неё. Здоровье Королевы сразу же заledenело, голова, руки и ноги приросли к телу. Королева захотела посмотреть на несчастных людей, но вдруг кто-то закрыл дверь комнаты. Раздался голос: «Десять, девять, восемь, ... , два, один. ПУСК!». Снежная Королева почувствовала толчок. Она стала сидеть тихо. У самого Плутона Снежной Королеве стало любопытно, что происходит снаружи. Она увидела отверстие и подошла посмотреть в него.

Когда Королева коснулась отверстия, она почувствовала жар. Снежная Королева хотела убрать лицо от отверстия, но было поздно. Всё её тело превратилось в воду и утекло в отверстие. Таким образом, Королева вылилась из ракеты в неизвестный ей космос. Своими раскисшими глазами далеко-далеко она увидела жаркое солнце и полетела подальше от него. Тело Королевы стало приобретать форму шара. Ей стало труднее лететь, и Королева остановилась. Её тело стало леденеть. Сил лететь у неё не было, но почему-то она двигалась, только не улетала от солнца, а летела на одном расстоянии от него, как будто по кругу. Вдруг она заметила ту самую комнату со льдом и снегом. Королева с грустью посмотрела на эту комнату, которая прикрепилась к комнате побольше.

Эта большая комната была космической станцией. На ней люди смотрели в телескоп и увидели новую планету. По предположению людей, эта планета была изо льда и снега. Люди обрадовались такой находке и решили отвезти планету на Землю. На земле они покрыли льдом Северный Ледовитый океан, Гренландию и Антарктиду. Теперь большинство солнечной энергии стало отражаться обратно, и климат на Земле стал таким, каким он был сто лет назад.

Так Снежная Королева не только не навредила людям, но и помогла им!

Межурецкий Артём, 14 лет

Ленинградская обл., г. Бокситогорск

Диплом «За способности к построению фантастических аллегорий и метафор»

Денис ФЁДОРОВ

Инструмент влияния

1.

Мальчик жил в городе. Его домишко ничем не отличался от десятков подобных, составляющих узкие улочки бедных окраин, разве что одну из стен строения украшала большая трещина.

На втором этаже дома располагались три комнаты.

В первой проживал одинокий старик. Комната с облупленными стенами была крохотной и едва вмещала продавленную кровать и обшарпанный резной шкаф, гордо выставивший потрепанные корешки книг на деревянной груди, будто старый солдат – поблекшие военные ордена. От давящего ощущения тесноты немного спасало прямоугольное окно без штор с видом на улицу и полусухой геранью в глиняном горшке на деревянном подоконнике.

Старик, серьезный и задумчивый, мог просидеть несколько часов кряду, не отрывая прищуренных серых глаз от какой-нибудь выщерблены в дощатом полу. При этом в каморке стояла мёртвая тишина без намека на живое присутствие.

Но в иные дни старый квартирант являл собой полную противоположность – он садился у окна и с надеждой вглядывался в улицу. Старик ждал мальчика.

Одиночество – страшная вещь, особенно для тех, кто не прочь поговорить. Отчасти старика спасали собранные многими годами книги, составляющие, пожалуй, единственную действительно ценную его собственность, не считая футляра со скрипкой, черневшего в углу комнаты.

Книга – хорошая собеседница, но с одним серьезным изъяном: она замечательно рассказывает, но никогда не слушает. Она не улыбается твоей колкой шутке, не удивляется мистическому рассказу. Книга – самая необычная выдумка человека, все же не способна заменить живой беседы.

Старик любил рассказывать мальчику интересные истории из своей долгой жизни. Тот всегда слушал внимательно и никогда не перебивал. Молчаливый слушатель – вот чего недоставало фокуснику. Благо, хозяину каморки имелось, о чем поведать, а мальчик никогда

не бывал вне городских стен. Старик исколесил все пределы государства и повидал немало чудес. Да что там – он сам когда-то творил магию!

Так узнал мальчик о жизни бродячего театра, в труппе которого и состоял когда-то теперешний старик. В ту пору дела актеров шли хорошо. Труппа насчитывала более десятка человек самых разнообразных занятий: волшебников, жонглеров, музыкантов, театралов и клоунов. Случилось им выступить даже перед самим королем!

Почему старик оставил театр, мальчик не знал. Бывший актер часто рассказывал о своих выступлениях, но никогда – об уходе из труппы. Мальчик не смог бы спросить его об этом. Он подозревал, что такой поворот в судьбе старика связан с несчастным случаем на репетиции очередного фокуса, повлекшим за собой, по словам рассказчика, смерть его единственного отпрыска.

Бывало, старик по забывчивости своей, непременно атрибуту преклонного возраста, начинал вновь историю, уже рассказанную ранее. В таких случаях, она часто имела совершенно иную развязку, но мальчика это нисколько не смущало, и старик не мог усомниться в сосредоточенности слушателя. Столь замечательные черты характера юнца расположили к себе пожилого человека. В благодарность старик учил мальчика игре на скрипке, и был немало удивлен его быстрым успехам: стоило учителю всего однажды показать нужные движения и позиции, и ученик в точности повторял их.

– Ты напоминаешь мне сына, – говорил старик в минуты, когда мальчику особенно удавалась игра, и непонятно было, кто из них более рад произнесенным словам.

Старик очень дорожил инструментом. Это явствовало из того, как осторожно он вынимал скрипку из футляра, всякий раз лаская ее поверхность, будто нежную кожу любимой женщины после долгой разлуки. При этом сам он никогда не играл, а только иногда восклицал:

Федоров Денис Сергеевич родился в 1987 году в городе Ростове на Дону. В 2009 году окончил физический факультет Ростовского государственного университета (ныне Южный федеральный университет). Специализировался на кафедре физики космоса, основное направление деятельности – звездная спектроскопия. В настоящее время работает инженером на одном из предприятий Ростова.

– Эх, если бы меня не подводили мои старые трясущиеся руки, я показал бы тебе игру настоящего мастера!

Его худые плечи при этом сникали, а из груди вырвался глубокий вздох. Мальчик не находил ничего лучше, как виновато улыбнуться, принимал инструмент и брался за игру.

Старик пробовал обучить мальчика грамоте, но после месяца героических усилий и упреков, которые мальчик выдержал в стоическом сосредоточенном молчании, актер осознал невозможность мероприятия. Юнец старался изо всех сил, вглядываясь в черные ряды слов на бумаге, но ничего не понимал, и, в конце концов, старик решил более не возвращаться к занятию чтением.

– Малыш – молчун и, кроме того, неспособен к грамоте, – вслух говорил старик самому себе, не стесняясь присутствия мальчика. – Но легко воспринимает тебя, моя скрипка. Я почти уверен, что когда-нибудь ты станешь его голосом.

2.

Мальчику было восемь лет, когда старик поселился в комнате напротив. Ребёнок с интересом разглядывал нового жильца в поношенном сером костюме. Седые волосы покрывал высокий, давно вышедший из моды цилиндр. Старик имел нищенский вид и гладко выбритый подбородок. В одной руке он держал деревянный футляр, другой прижимал к телу маленький темнокоричневый чемодан без ручки и перевязанные верёвочкой книги. На коричневых и зеленых корешках отчетливо выделялись желтые буквы, выстроенные в имена авторов, но мальчик не умел читать.

– Привет, малыш, – произнес старик твердым, совсем не старческим голосом, – не сможешь открыть дверь?

Так началась их дружба.

Несмотря на не слишком представительный вид, вскоре выяснилось, что старик имеет стабильный доход и исправно платит в городскую казну за комнату. Слухи ходили разные – говорили, будто актёра содержат состоятельные родственники, которых, впрочем, никто никогда не видел. Но одно было достоверно известно: старик решался покинуть свою каморку лишь при крайней необходимости, не более одного раза в четыре недели и всегда вовремя оплачивал проживание. И после каждой подобной прогулки верхняя полка шкафа пополнялась купленной книгой, а забытый под кроватью чемодан – некоторым количеством новых свечей, необходимых для вечерних посиделок.

Жильцам тихий и неприметный сосед пришёлся по вкусу. Правда, дружбы с ним никто заводить не спешил – только малыш пропадал вечерами в уютной каморке.

Семья мальчика жила скромно, но не впроголодь. Мать прислуживала в одном состоятельном доме, готовила завтрак, обед и ужин, убиралась, отец с утра до вечера изготавливал обувь в сапожном цехе. Заработка хватало на проживание в просторной комнате.

– Единственное, в чем всегда уверен настоящий сапожник, так это в своей обуви, – часто шутил отец, похлопывая сына по плечу и сотрясая черной густой бородой в легкой усмешке.

Мальчик кивал, показывая, что оценил шутку, и грустно улыбался.

Любой родитель желает своему чаду лучшей доли. Отец мальчика прекрасно осознавал, что не способен научить его чему-либо, кроме сапожного дела, и всячески потворствовал его занятиям грамотой и музыкой. Так старый актер, по существу, стал личным педагогом юнца, и каждый получал свое: старик – общество, ребенок – умения.

Не слишком довольной оставалась только съемщица третьей, дальней комнаты – женщина лет сорока по имени Адель. Она часто жаловалась, что её нервирует скрипка, почти ежедневно ноющая и ясно слышимая в коридоре. Так ли было это на самом деле, или же жалобы являлись свойством женского кокетства, свойственного почти всем, даже самым замкнутым особам, трудно было сказать.

Разнообразные настойки – снотворные, слабительные, успокаивающие, – приготовленные руками проверенной целительницы, всегда пользуются спросом. Особенно при условии, что цена ниже аптечной, а Адель никогда не просила более положенного для жизни.

Мальчик знал Адель всегда – она принимала его при рождении. Но даже он никогда не видел, что скрывает дверь ее комнаты. По своей замкнутости травница легко могла спойти со стариком: ни покупатель, ни сосед – никто не был вхож в мир Адель.

Худощавое, стройное тело, всегда скрытое простым платьем, непременно с длинными рукавами, осталось привлекательным, черты лица вкупе с приятным мелодичным голосом, располагали к мягкости и ласке, но извечно спутанные длинные волнистые волосы и уставшие, красные, воспаленные глаза отторгали.

Тем не менее у хозяина каморки случались вспышки интереса к соседке. Ни с того ни с сего, он мог неожиданно спросить своего юного друга, нет ли у Адель круглой чаши на высокой треноге, или, к примеру, не носила ли она когда-нибудь на запястье браслета из деревянных тетраэдрических бусинок. Мальчик только руками разводил: он и словато такого не знал – «тетраэдрических».

Удовлетворить любопытство актера мог лишь один человек, но старик не был с ним знаком. Кажется, его звали Виктором. Подтянутый и строгий, с молодыми тонкими усами, острым носом и докторским саквояжем в руке, Виктор появлялся неожиданно и направлялся прямым ходом на второй этаж.

Адель не встречала его доброй непринужденной улыбкой, как прочих клиентов, но без лишнего разговора пропускала к себе. Свидания длились не больше получаса, и гость уходил.

После посещения Виктора Адель долго оставалась мрачной и раздражалась по любому поводу.

Глаза ее воспалялись сильнее, словно она вовсе прекращала спать.

3.

В конце концов, с Адель произошёл ужасный, нелепый случай.

В тот вечер актер, как обычно, занимался мальчиком – в коридоре второго этажа слышна была скрипка. Внезапный грохот оборвал музыкальную идиллию. Стены затряслись, книги покинули насиженные места и посыпались с полок шкафа. Мальчик выронил скрипку, а старик, сидевший подле, уцепился за спинку кровати. На голову посыпались куски штукатурки. Старик и мальчик в испуге уставились друг на друга, и в следующее мгновение оба бросились в коридор.

Там густой едкий дым застилал глаза. Актер сделал несколько шагов, споткнулся о сорванную с петель дверь. Он влетел в комнату Адель – под ногами хрустели разбитые колбы, валялись какие-то вещи. Стол разнесло в щепки, опрокинуло массивный комод. Удивительно, но открытого огня не было, только дымил тлеющий матрац.

В рассеивающейся дымке старик нашел лежащую в дальнем углу Адель. Она поджала к груди порезанные стеклом руки и бормотала что-то о плохо очищенных веществах. «Я знал, что добром это не кончится», – подумал старик, увидев рядом опрокинутую металлическую чашу, спаянную с высокой треногой, и рассыпанные обугленные деревянные бусинки тетраэдрической формы. Он осторожно поднял Адель на руки и перенес в свою комнату.

Не прошло и часа, как в доме появились бесцеремонные гости – два молчаливых представителя столичной Академии в сопровождении нескольких слуг правопорядка. Они осмотрели сначала комнату пострадавшей, затем саму Адель.

– Мы забираем ведьму, – властно заявил человек, бывший, видимо, главным.

В свете свечей его строгий костюм отливал серебром. На сюртуке со стороны сердца красовался светлозеленый стеклянный значок с изображением дирижабля – это означало, что в Академии человек занимал высокую должность. Он стукнул тростью о пол и вышел. Вслед за ним последовали остальные, а двое полицейских увели Адель.

К утру весь город только и говорил, что о вечернем взрыве в квартале бедняков. Целый месяц после злополучной ночи перед домом собирались зеваки и разглядывали окна логова ведьмы.

Следствие продолжалось около трех недель. За это время опросили несколько десятков человек, постоянных посетителей злополучной квартиры. Все признавали, что стали жертвами жестокого обмана и покупали ведьминские зелья, сами того не подозревая.

В защиту женщины выступил лишь одинокий старик, ее сосед, но его признали слегка умалишенным, хотя и провели обыск в каморке для полноты протокола. Пока шли допросы, судебные слушания и заседания в канцелярии городского представительства Сто-

личной Академии, старик почти каждый день навещал женщину, приносил продукты, успокаивал ласковыми словами.

Когдато людей, уличенных в незаконном колдовстве, сжигали на кострах. Нынешнее общество, далеко шагнувшее по бескомпромиссному пути прогресса, подобное варварство не поощряло. Современная процедура казни колдуна предполагала помещение одного в прозрачный куб из огнеупорного материала, наполовину заполненный специальным горючим алхимическим составом. Согласно последним научным исследованиям, форма куба позволяла удержать черную душу ведьмы, ибо иначе в течение трех ночей после смерти та могла вселиться в любого человека, оказавшегося поблизости.

Казнь Адель проводили согласно всем предписаниям закона. За пару дней до праздника на центральной площади города перед зданием представительства Столичной Академии Алхимиков соорудили деревянный помост, а в газете в разделе намечаемых событий поместили объявление, чтобы привлечь как можно больше зрителей – не так уж часто прилюдно умерщвляют колдунов.

Мальчик пришел на площадь вместе с родителями, но давно потерял их в толпе, оставшись почти у самого края площади. Здесь было просторней – большинство людей стремилось подойти ближе к месту казни – многие верили, что услышанные крики сжигаемой ведьмы помогают от болей в пояснице и коленях, исцеляют множество недугов.

Казнь по каким-то причинам сильно задерживали, но вот искры волнительного шепота наполнили воздух – дело сдвинулось с мертвой точки. Первым на помост взшел высокий мужчина в строгом костюме с серебристым отливом. На груди его, с левой стороны сюртука, поблёскивал светлозеленый стеклянный значок.

– Господин Бейль, старший алхимик Академии, – произнес вслух один из зевак, стоявших рядом с мальчиком.

В сопровождении двух служителей Академии появилась Адель. Если бы ее не поддерживали за руки, она мешком повалилась бы на деревянный пол – одного взгляда на прозрачный куб оказалось достаточно. Адель все дни заключения только тихо плакавшая, разразилась дикой истерикой, так, что служители едва не сломали ей руки, пытаясь удержать.

– Смотрите! Смотрите, как беснуется! – кричала толпа, завывая и улюлюкая.

К одной из сторон куба приставили широкие сходы. По ним подмастерья затащили Адель и бросили внутрь. Сверху огромный сосуд запечатали квадратной крышкой со множеством широких круглых отверстий для доступа воздуха.

Бейль зажег факел, и площадь победно взревела. Не спеша, чеканя каждый шаг и не опуская руки с факелом, старший Алхимик поднялся по ступеням и разразился гневной тирадой.

Мальчик не слышал его. Он неотрывно глядел на бьющуюся о прозрачные стенки куба женщину. Моль-

бы её не долетали до ушей, но петардами разрывались в сердце.

Бейль вскинул вверх свободную руку и опустил факел в центральное отверстие крышки. Сотни глоток завопили на площади, словно подбадривая занявшееся пламя, как будто тысячи людей бросили свои дела и собрались вместе, чтобы насладиться болью одного.

Сейчас больше всего на свете мальчик мечтал остановить это безумие, ведь бедная женщина ни в чем не повинна! Но он не мог даже выкрикнуть слова презрения к зрителям, грудь теснило от собственного бессилия, поэтому лишь повернулся и стал выбираться из толпы.

– Ведьма! Гори, ведьма! – скандировали со всех сторон.

Стены куба покрылись изнутри копотью, там уже никто не извивался. Белые хлопья осеннего снега тоннули в черном столбе густого дыма. Площадь продолжала неистовствовать – из кричащих ртов вырывалось теплое дыхание. Казалось, будто из множества клоак сочится наружу убийственное зловоние ненависти.

Мальчик не видел салюта в честь победы над ведьмой: когда на площади люди только начинали расходиться, он уже подходил к своему дому.

На улицах зажигали фонари, а в доме никого не было. Только старик, отказавшийся от праздника, сидел в своей каморке. Мальчик молча вошел в комнату и присел рядом. Прошло около получаса, но никто не проронил ни слова. Наконец старик, опираясь на костлявые руки, выпрямился, подошел к прислоненному к стене футляру, вынул скрипку, протянул инструмент мальчику и громким, твердым голосом произнес:

– Играй!

Голова гудела, изо всех сил пытаясь осознать смысл случившегося сегодня. Мальчик напоминал объемный сосуд, доверху наполненный пузырящимися противоречиями. Менее всего ему сейчас хотелось тешить старика. Но тон, каким тот произнёс единственное за вечер слово, не оставлял надежды на сопротивление.

Юнец и старик поменялись местами. Мальчик встал и приготовился к игре. Руки, весь день безвольно опущенные под грузом бессилия и несправедливости, обрели осознанную твердость. Смычок, естественным образом слившись с рукой, умело тронул струны. Заполняя все углы пространства комнаты, из самого сердца мальчика брызнули музыкальные слезы.

Старик потрясенно застыл, не в силах что-либо сказать – он не умел так играть!

Он не мог научить тому, чего не умел – юнец сам, сам рождает свою музыку! Невидимая, великая сила, заключенная в худом подростке, сквозь трещины уязвленной души просочилась наружу. Но это были лишь едва заметные блики огромного пожара. Внутренняя плотина все еще крепко сдерживала немислимую толщу горечи, до краев наполнившую её хранилище – мальчика. Но появившиеся трещины уже определили судьбу преграды – достаточно оказалось одного меткого удара.

– Прекрати! – заорал старик, – О ком ты плачешь?! О старой ненужной ведьме! Тварь получила своё! Жаль, я слишком стар, иначе обязательно сходил бы посмотреть, как горела ее плоть!

Музыка перестала наполнять комнату грустью.

Мальчик оторопел, глядя на трясущиеся сжатые кулаки друга. Смычок оторвался от струн. Слова молнией пронесли в голове, оставив ожег. Смятение сменилось злобой. Волна негодования затопила материк уважения к сидящему напротив. Он больше не будет играть. Он больше никогда не будет играть для этого ужасного человека! Колба, с утра кипевшая на медленном огне, лопнула. Ее содержимое затопило разум, но не могло излиться словами, и слепой инстинкт направил поток в единственно возможное русло.

Мальчик со всей возможной силой кисти сжал смычок и быстрым, рассчитанным движением ударил по струнам. В коротком прикосновении не было фальши: одним невероятно болезненным сокращением юное сердце исторгло обиду, и она разящей стрелой устремилась к ясно определенной цели.

Но скрипка не зазвучала – даже намёк на звук не коснулся слуха находившихся в комнате.

Однако тишина господствовала не больше четверти мгновения. Затем старик застонал и откинулся на кровать. Много выдавшие глаза закатились. Актер лежал без движения и тяжело дышал.

Мальчик не понял, что произошло. Ясно было одно: он только что чуть не погубил своего учителя. Не зная, что делать, юнец с безмолвной мольбой наблюдал муки друга. Отяжелевшие пальцы выпустили скрипку. Гулко ухнув, она коснулась пола. Рядом ударился смычок.

Прошло несколько долгих минут, и дыхание старика выровнялось. С трудом опираясь на руки, он сел на кровати и поглядел в чистые зеленые глаза мальчика. Радость актера заполнила комнату с той же легкостью, с какой ее недавно наполняла грусть скрипки.

Подросток находился в полной растерянности. Он не понимал причины столь искреннего смеха. «Не сошел ли он с ума?» – пронеслось в юной голове.

– Я испытал твою обиду! – не перестав смеяться, закричал актер. – Мне показалось, что я умер, но игра стоила свеч! Теперь я уверен в твоём таланте. Не произнесший за целую жизнь ни слова, может иной раз сказать больше, чем кто-либо другой!

Мальчик не на шутку испугался за разум старика. Его мысли только подтверждались необычным весельем актера.

– Ты не понимаешь! Я тебе все объясню. Этот инструмент, – старик ткнул указательным пальцем в футляр, – эта скрипка создана для тебя. Благодаря ей, неграмотный и немой, ты имеешь право голоса. Приглядишься: все говорят, но никто не слушает. Такова природа человека – слова, вырванные из глотки, редко долетают до сердца! Но, не имея возможности громко крикнуть, ты незаметен и безоружен.

Старик перевел дыхание и продолжил:

– Я врал, когда говорил, что мог бы показать тебе, как играет мастер. Даже впервые коснувшись струн, ты сделал это лучше. Ты знаешь нотную грамоту? Нет! Я только показал, как правильно водить смычком! Откуда же тогда музыка? Мои сомнения развеяны. Прости, милая Адель, что ради этого мне пришлось порочить твоё имя! Я горюю о тебе не меньше малыша.

Мальчик поставил футляр со скрипкой в обычное место – дальний пыльный угол.

– Теперь у волшебной вещи есть законный хозяин, – сказал актёр. – Да, мой мальчик, я не более чем оруженосец, хранящий чужую утварь. Теперь эта скрипка – твоя.

Но, вопреки всем заверениям старика, мальчик воспротивился передаче скрипки. Он не поверил в свалившуюся на него исключительность. Произошедшее событие казалось ему шуткой. «Мой друг – неплохой актер, он просто мог все это разыграть, чтобы ободрить и развлечь меня», – думал юнец.

Наконец старик сдался.

– Ладно, – молвил он, – я могу еще некоторое время постеречь твой удивительный голос. Но я уверен, что скоро ты просто не сможешь без него обойтись.

4.

Мальчику исполнилось четырнадцать, и мать нашла ему работу. Находясь в хороших отношениях со своими работодателями, она сумела пристроить сына в одну из лучших семей города – господин Чарути владел одной из трёх крупных местных фабрик, имел влияние в городском совете.

Просторный дом господина Чарути располагался в лучшем районе города, уютно устроившись за высоким узорчатым забором. Ухоженный добросовестным садовником садик служил настоящей прелюдией со вкусом вылепленному фасаду – внешняя красота совершенно естественно предполагала внутреннюю роскошь.

Мальчик исполнял функции личного слуги хозяина. Умение молчать – немаловажное искусство в тайных делах. Именно этим в первую очередь руководствовался богач, оставляя при себе молодого человека, и вскоре мальчик понял, что основная его обязанность – доставка разнообразных письменных посланий. В городе господин Чарути считался человеком чести и примерным семьянином, а со столь верным и неприятзательным слугой мог быть уверен в сохранности своих тайн.

Адресатами оказывались разные персоны: владельцы парфюмерных и ювелирных магазинов, члены городского совета, представители столичной Академии, странные люди неопределенного рода деятельности, несколько красивых женщин, в том числе замужних. Последние доставляли слуге более всего хлопот – ведь чтобы передать очередной даме письмо, приходилось долго околачиваться на улице, дожидаясь, пока она выйдет на прогулку по парковой аллее.

Юнец сменил потертую уличную одежду на чистый наряд слуги и всегда мог рассчитывать на стабильное

денежное довольствие. В доме хозяина в отделении для слуг ему была выделена небольшая комната с кроватью, столом и шкафом. Новое место жительства оказалось намного приятней старой комнаты в потрескавшемся доме, и только одно огорчало мальчика: теперь редко удавалось навещать старика и родителей.

Дни проходили один на другой, и после смерти Адель незаметно минуло более двух лет. Пятнадцатилетний немой слуга беспрекословно выполнял приказы богатого хозяина. Мальчик жил судьбой господина Чарути, став тому незаменимым помощником.

Жена хозяина фабрики не забывала нагрузить слугу поручениями. Спозаранку, когда муж еще спал, она отправляла мальчика на главный рынок – место, где город встречал рассвет и начинал свой день.

В торговом деле мальчик не проявлял склонности к постоянству. Если сегодня он покупал яйца или мясо у одного торговца, то в следующий раз делал это у соседнего прилавка. И только помидоры юнец неизменно приобретал у Яна Грина, но не потому, что товар у этого дурнохарактерного обрюзгшего детины был более спелым и аппетитным, нежели у других.

– Привет, – молвила Кристина.

Мальчик кивнул в знак приветствия.

– Тебе как всегда? – голосок ее был тихим и нежным и робко терялся в рыночном шуме.

Немой собеседник снова кивнул и улыбнулся.

– Странный ты. Даже когда улыбаешься, все равно кажешься грустным, – сказала она, отмеряя с помощью гирек необходимый вес.

Каждый раз, когда мальчик видел Кристину, ему казалось, что вокруг становится светлее и его душу, томящуюся в безмолвном одиночестве, согревает тепло, исходящее из глаз девушки.

Он ещё раз улыбался Кристине и, оставив позади нескончаемую базарную сутолоку, наблюдал, как рождающееся солнце пронзает светом пустое пространство между каменными домами, а на фоне портового неба вздувается освещенный зарей огромный бок взлетающего дирижабля.

Ничего не могло быть приятней, чем встречать августовский рассвет мыслями о Кристине.

5.

Проторенной дорогой мальчик шел в кабак. Не тронутый теплом свежий утренний воздух колоческотал кожу под тонкой белой рубашкой, но чистое голубое небо над головой уже предвещало скорую дневную жару. Сегодня не нужно было идти на рынок за продуктами, и потому просыпаться слишком рано не пришлось.

Мальчик сунул руку в правый карман узких черных штанов и проверил наличие сложенного вчетверо письма, написанного рукой господина Чарути. Собственно, это являлось его единственным сегодняшним заданием – доставить важное сообщение одному «не слишком приветливому господину». Вручая письмо, хозяин сказал, что едет на фабрику по делам, вернется не раньше пяти, и до того времени слуга предоставлен

самому себе. Подобная новость взбодрила бы кого угодно, и мальчик, ощущая кончиками пальцев покоящееся в кармане письмо и вспомнив слова господина Чарути, окончательно проснулся и зашагал куда веселее прежнего. Эта смена душевных состояний пришлась совершенно кстати, ибо место, куда он собирался зайти по дороге, предполагало посетителя с приподнятым и возвышенным настроением.

Самый большой в городе цветочный магазин сохранил старый Генри, человек с огромными густыми седыми усами над плоской верхней губой. Когда мальчик впервые узнал название магазина, «Фиалка Генри», он, глядя на владельца, так и не сумел представить себе такую фиалку. Сейчас он забежал в магазин, чтобы ещё раз присмотреться и прицениться к замечательному букету, который собирался купить завтра на бережно откладываемую часть своего жалования. Букет был составлен из удивительно красивых бледнорозовых, красных и голубых цветов, опоясанных блестящей выщипанной лентой, и назывался «Нежная юность». Мальчик искренне надеялся, что еще никто и никогда не дарил Кристине ничего подобного.

Налюбовавшись на прекрасный букет и безмолвно выслушав пространные рассуждения цветочника Генри, мальчик отправился дальше – исполнить просьбу старика и купить десяток хороших свечей. Он занёс свечи домой, где сейчас никого не было, грустно взглянул на заколоченную дверь в комнату Адель и двинулся исполнять свою главную работу на сегодня – задание господина Чарути.

В кабаке «Вечерок» «не слишком приветливый господин» обычно сидел за дальним столом у окна, где светлее, медленно цедил вино и читал свежие газеты, или, если приходил с черной сумкой, раскладывал на столе канцелярские принадлежности и с задумчивым видом что-то писал.

Но этим утром адресата в трактире не оказалось, что спутало планы мальчика. Теперь он не знал, что делать дальше. Ждать здесь? А что если господин уже приходил сегодня, посидел немного, почитал газету, собрался и ушел? Но, возможно, он просто задержался.

Поэтому мальчик решил немного подождать, но как только он присел за свободный столик в углу, сын трактирщика, помогавший отцу, стал приставать к нему с требованием что-нибудь заказать. Делал он это столь назойливо и демонстративно, что мальчик не выдержал и за полчаса до полудня покинул «Вечерок», направившись по известному ему адресу.

Оказавшись у знакомых лакированных дверей, мальчик постучал, ему долго не открывали, но, наконец, после повторных стуков раздалось щёлканье замка.

К удивлению мальчика дверь открыла незнакомая ему молодая женщина в бледнорозовом платье с длинным, до запястий, рукавом.

– Привет. Ты к кому? – спросила она.

Из-за спины девушки выглядывал невысокий лысый мужчина средних лет, одетый в просторный коричневый балахон со свисающим за спину капюшоном.

Воцарилось неловкое молчание. Мигом по мощной дороге громко прокатился экипаж.

– А меня Анжелой зовут, – сказала девушка. – Проходи, незачем на улице стоять.

Мальчик вошёл и показал принесенную записку.

– Это нам? – сообразила девушка, но когда она попыталась взять письмо, мальчик быстрым движением убрал бумагу обратно в карман.

– Для Виктора, да?

Мальчик кивнул.

– И ты, вероятно, готов отдать это только Виктору?

Вновь получив утвердительный ответ, Анжела пригласила слугу подождать в гостиной и угостила его сладким чаем с пряниками.

Мальчик был польщен таким обращением и откровенностью. К тому же он очень любил пряники, однако ждать пришлось долго.

Наконец, когда большие напольные часы пробили четыре раза, в дверь позвонили. Анжела бросилась открывать. Из гостиной мальчик слышал ее голос.

– Виктор, где ты пропадал? Десять минут пятого, между прочим.

– Извини, Анжела, – отозвался мужской голос, – Важное дело. И, признаюсь, я вчера не удосужился о нем припомнить, когда приглашал вас на завтрак. Знаешь, у меня плохие новости. Где твой брат? Наверху? Маркус! Мне не терпится вам все рассказать.

– У меня для тебя тоже новость. Пришел мальчик, слуга. Принес письмо.

– Письмо? И где оно?

– У него. Со мной он даже разговаривать не стал. Уже часа четыре сидит в твоей гостиной и ждет тебя.

– Ну-ка пойдем, посмотрим.

Виктор сразу узнал юнца. В последние месяцы они виделись довольно часто. Он повернулся к мальчику и поманил указательным пальцем, как бы предлагая тому не тянуть с передачей послания. Слуга же только этого и ждал. Вручив «не слишком приветливому господину» заветную бумагу, он опрометью выскочил из гостиной, едва не сбив Анжелу с ног, а в следующее мгновение уже хлопнул парадной дверью.

Десять минут пятого! Вот вам и свободный день. Виктор – ужасный человек: заставил себя ждать несколько часов кряду! Тяжелое дыхание подогрело злость, но в районе рынка он позволил себе замедлить темп, и стал присматриваться к встречным девушкам. Конечно, в такой час уже никто не торговал, но ведь Кристина могла и задержаться по каким-либо причинам, и сейчас именно этой улицей возвращаться домой.

Происшествие на соседней улице заставило его забыть собственные мысли. Несколько дней назад здесь открылась новая кондитерская с большой стеклянной витриной, но сегодняшнее столпотворение у дверей магазина явно не было очередью за сладостями. В воздухе висел гомон голосов, из ко-

того мальчик уловил слова «безумец с ножом» и «бессмысленное убийство», представители правопорядка опрашивали свидетелей.

Из чужих разговоров явствовало, что здесь случилось убийство, и с его момента прошло не более часа. Убийца, по описанию – типичный рабочий, бежал прочь с места преступления с перекошенным безумным лицом.

Насколько сплетни соответствовали правде, никто сказать не мог, а у молодого слуги не возникло ни малейшего желания разбираться – его куда сильнее беспокоила гарантированная за опоздание взбучка, так как в шестом часу вечера хозяин фабрики должен был вернуться домой.

И, действительно, уже подбегая к дому, мальчик услышал голос господина Чарути, звавший его по имени.

6.

– Дрянной мальчишка, – заключил рассерженный Маркус, глядя вслед слуге, чуть не сбившему Анжелу с ног. – Может, догнать и надрать уши?

– Забудь о нем, – отмахнулся Виктор. – У нас много дел. Ты хочешь знать, где я пропадал полдня? Так вот, давеча вечером, когда отправлял вам пригласительное письмо, я действительно позабыл о назначенной на утро встрече с Рубеном, председателем союза рабочих кузнецов.

– Рубен?.. – задумчиво протянул Маркус. – А, это человек, который взялся посмотреть оружие?

– Именно, Маркус, именно! И знаешь, что он мне сегодня сказал? Что половину твоего арсенала можно выбросить!

– Не кричи, пожалуйста, – спокойно ответил Маркус. – Ты сам знал, что оружие не первой свежести. Но лучшего у нас нет, и не будет. Выкупить с армейских складов партию списанных ружей тайком – это все, что я сейчас могу. Сам знаешь, какое в стране положение. Любая оплошность – и в дверь уже стучат алхимики. Я жизнью рисковал, выкупая такое количество стволов!

Маркус выдержал паузу, пересек комнату и сел в кресло. Анжела уместилась рядом на подлокотнике и обняла брата за плечи.

– Или может, ты позабыл, как кончила Адель? – добавил Маркус.

Виктор вздрогнул.

– Извини, я вспылил, – невидящим взором он уставился в окно. – Но как теперь быть? Стрелять в советника из пальцев? Мы планировали не просто публичное убийство, а показательное выступление. А сегодня я узнал, что половину бойцов нам просто нечем вооружить. Акция теряет масштабность.

– Кто еще знает о твоём разговоре с Рубеном?

– Никто. Я ходил на встречу один. Это условие Рубена. Его сочувствие к нашему делу велико, но преследований закона он боится куда сильнее.

Маркус удовлетворенно улыбнулся и закинул ногу на ногу.

– Ну и прекрасно!

– Что прекрасно, Маркус?

– Не злись. Присядь и выслушай меня. Впервые, никому ни слова о том, что тебе сегодня сказал Рубен. Лишние волнения ребятам храбрости не прибавят. Вовторых, мы ведь еще не знаем, когда к нам пожалует высокий гость. Твой информатор не сообщил точного числа. Быть может, я успею что-нибудь придумать. К тому же я уверен, что стрелять в советника не придется. Анжела просто разорвет его вместе с каретой. – Он погладил ее руку, лежащую на его плече. – Кстати, сестренка, как твои успехи? Эти милые игрушки Адель слушаются тебя?

– Еще как слушаются! Я совсем с ними освоилась. Знаешь, Виктор, сегодня утром, когда Маркус еще спал, я гоняла их по дому, из одной комнаты другую. А один шарик я заставила просочиться в спальню Маркуса сквозь щель в полу и тихонько постучать в окно, чтобы он разбудил брата. А Маркус вскочил и начал ругаться последними словами. Представляешь, спросонья он решил, что это уличные бродяги бьют ему стекла!

Анжела залилась чистым девичьим смехом.

– Так это была ты... – ухмыльнулся Маркус.

– Ну конечно я! Только от этих тренировок у меня все запястья до сих пор огнем печет, – Анжела вдруг погрузилась. – Посмотрите, какие жуткие крестообразные ожоги. Из-за них я вынуждена в такую жару носить платье с длинным рукавом. Какое уродство!

Виктор не повел и ухом. Его лицо осталось сосредоточеннонапряженным. Он не смотрел на Анжелу. Его зрачки продолжали отражать движения улицы в оконной раме, обрамленной бледными прозрачными занавесками, но сам он находился далеко отсюда – он задумался о своём плане и даже не слышал, что Анжела ему что-то говорит.

– Ты не слышишь, меня, Виктор? – повторила девушка. – А что в письме, которое у тебя в руке?

– Да, Виктор, – к вопросу сестры присоединился и Маркус. – От кого это письмо?

Виктор стряхнул оцепенение.

– Извини, Маркус, я задумался. Письмо от господина Чарути, немой мальчишка – его слуга.

Он развернул бумагу и прочитал несколько коротких предложений, написанных ровным красивым почерком.

– А вот и точное число, мой друг! – воскликнул Виктор, пробегая глазами строчки. – Королевский советник появится через четыре дня. Приедет тайно, на одном из дирижаблей, маршрут его движения неизвестен... Ага, вот оно: советник проведет в городе двое суток и перед отъездом выступит с речью на празднике в честь дня основания города. До последнего момента будет сохранена интрига, пишет господин Чарути, людям скажут только, что в официальном торжестве примет участие очень важный гость.

Маркус был доволен.

– Это именно то, что нужно, – констатировал он.
– Чёткое выполнение плана поднимет силу духа наших бойцов!

Виктор с некоторым сомнением покачал головой:

– Сила духа – это хорошо, но всётаки у нас маловато средств...

Маркус встал с кресла и в лекторской манере начал прохаживаться по комнате.

– Средств у нас достаточно, если ты об оружии, – наставительно сказал он. – Анжела – вот наше главное оружие, а уж она не подведет. Мы ликвидируем советника, перебьем алхимиков – я уверен, с этим справится и половина группы. Ах, да, тебя волнует масштабность! В стране много недовольных, но они пока колеблются. Поэтому необходимо показать сомневающимся величину и размах нашего движения. Ну что ж, пожалуйста: мы пойдем на маленькую хитрость – вооружим всех! Каждый получит заряженное ружье, или пистолет и в нужное время выйдет на площадь, готовый к революционной борьбе. А вот у кого ствол выстрелит – это уже дело случая. Нашей же задачей будет проследить, чтобы случай оказался на стороне самых опытных и преданных бойцов. Понимаешь, о чем я?

– Кажется, да. Все равно многие из нас погибнут...

– Вот именно. Но как потом определяют число бунтарей? – прищурился Маркус.

– По количеству убитых с оружием в руках.

– Именно! Мы пожертвуем сотней, но в будущем пополним наши ряды тысячами!

– Перспективный у тебя план, – понимающе улыбнулся Виктор.

– Давайтека поужинаем в ресторане, – махнул рукой Маркус. – Что-то я проголодался.

7.

Мальчик не помнил такого прекрасного утра. Лица прохожих были веселы и простодушны – они подмигивали ему большими, блестящими глазами. И ни капли обычных надменности и высокомерия. Важные господа снимали шляпы в знак уважения и солидарности. Да, сегодня он вышел из дома куда раньше обычного, и в его карманах звенели честно заработанные монеты. Он отправился напрямик в «Фиалку Генри» и купил тот самый букет, «Нежную юность» из замечательных цветов, повязанных блестящими вьющимися лентами. Он нес букет в вытянутой руке, и люди, идущие навстречу, улыбались. Милые дамочки наигранно хмурили тонкие черные брови, будто сожалая, что эти цветы для другой девушки. Бородатый дворник пожелал ему удачи, а он благодарственно кивнул в ответ.

Как всегда в ранний час на рынке царил сутолока. Стоило огромных усилий пронести большой букет, не примяв ни единого цветка, но это была лишь

малая толика тех подвигов, которые мальчик был готов совершить ради Кристины.

Еще издали он услышал мерзкий визгливый голос Яна Грина, но только улыбнулся: этим утром даже этот голос его радовал. Он пошел на звук, через минуту оказался у знакомого лотка – и счастье его померкло: сегодня за прилавком на месте Кристины стоял светловолосый паренек, помощник торговца.

Ян Грин уставился на слугу.

– Тебе чего надо?

Тот совершенно растерялся, и, ошеломлённый, не зная, как все объяснить, попятился, бережно прижимая к груди букет.

Весь день он бродил по рыночной площади со своим букетом, но Кристина так и не пришла.

Пришёл мальчик на рынок и на следующий день. Букет почти не поблек – мальчик всю ночь держал его в кувшине с водой. Юноша кружил у прилавка с томатами, стараясь не попадаться на глаза Яну Грину. Торгаш время от времени покрикивал на своего помощника и несколько раз повторил, как ему не хватает этой девки, онато все с первого раза понимала, и что теперь придется искать новую дуру на ее место.

Задумчивый и угрюмый, мальчик вернулся в особняк ближе к вечеру, и господин Чарути, здорово его отругал, и даже хотел ударить пару раз, но тут в дело вмешалась госпожа, которая запретила мужу бить бедного мальчонку, а иначе она сильно обидится. Между супругами завязался нешуточный спор, победителем в котором стала, конечно же, расплакавшаяся жена, и господину Чарути ничего не оставалось, как уступить ей, а после успокаивать травяным чаем.

Но слугу все же наказали – теперь он вынужден был все время находиться подле хозяина. Спустя полчаса в доме воцарились тишина и спокойствие. Госпожа пила чай, ее муж читал утреннюю газету, а наказанный мальчик молча стоял у стенки и ждал какого-нибудь поручения.

– Представь, дорогая, дело об «убийстве у кондитерской» раскрыто. Преступник сам явился с раскаянием спустя всего несколько часов после совершенного злодеяния. Как и предполагалось, злодеем оказался доведенный до отчаяния недавно уволенный рабочий...

Господин Чарути стал читать вслух, и до мальчика дошёл весь ужас случившегося.

Позавчера, несправедливо уволенный рабочий, которому нечем стало кормить семью, решил выместить свою обиду на только что открывшемся магазине сладостей. Около четырех часов вечера он пришел к кондитерской, откупорил ножом банку с краской и стал демонстративно поливать новенькую витрину. Дальше произошло следующее – выбежал хозяин кондитерской и попытался остановить хулигана. Но тот разъярился до предела, и, перестав себя

контролировать, вытащил из кармана нож и замахал им во все стороны, не обращая внимания на прохожих. Его неконтролируемое буйство с бранью продолжалось несколько минут, по истечении коих он пришел в себя и, страшась собственной выходки, убежал. Хозяин злополучной кондитерской тоже изрядно перепугался, но чудом остался целехонек, и был настолько потрясен этим фактом, что даже не сразу услышал слабые стоны лежащей на тротуаре молодой девушки, судорожно зажимающей рану на животе.

Попавшей под нож оказалась пятнадцатилетняя Кристина, на рынке, и в тот роковой вечер возвращавшаяся домой после работы. Кондитер немедленно послал за доктором, но тот, прибыв, лишь констатировал смерть – Кристина умерла от кровотечения. Сегодня утром она будет похоронена на городском кладбище. Раскаившийся «убийца поневоле» заключен под стражу и ожидает суда.

– Фу, зачем ты читал эти ужасы? Теперь я точно до полночи не усну! – женщина надула губки, со звоном опустила маленькую чашечку на блюде и наигранно отвернулась.

Господин Чарути, прекрасно зная притворные капризы жены, стал так же наигранно утешать её. Супругам и в голову не могло придти, что именно в это мгновение, когда они оба забавляются таким образом, совсем рядом, в другом углу этой комнаты, с неслышим им грохотом и треском рушится чейто совершенный мир, хороня самого создателя под невыносимой тяжестью нежданного отчаяния.

Голова закружилась так внезапно, что мальчик даже не успел за что-нибудь ухватиться, а просто мешком повалился на пол. Супруги удивленно переглянулись, вскочили с кресел и дружно бросились к нему.

– Что с тобой? Ты заболел? – спросил встревоженный господин Чарути

– Дорогой, на нем лица нет. Видимо, переутомился. Говорила я тебе, не гоняй его целыми днями по городу. Посмотри, какие у него красные, воспаленные глаза! Ему нужно прилечь – пусть отдохнет в своей комнате.

– Да, да, милая, ты права. Конечно, ступай в свою комнату, – обратился он к слуге. – До утра ты свободен. Ступай и отдохни, как следует.

Мальчик с трудом поднялся на ноги и полпелся к себе. Отчаяние разрывало сердце. Быть может, это совпадение? Но и Ян Грин говорил, что она больше не вернется, что ему нужна новая помощница!

С трясущимися руками и дрожащим подбородком слуга сидел на полу у двери и ждал, пока хозяева вдоволь насмеются и покинут гостиную. Как только это случилось, он выскочил из своей комнаты и бросился вон из дома.

В городе было прохладно, пасмурно и тревожно, опускался сырой и промозглый вечер. Заморосил мелкий унылый дождь. Куда ему было идти?

Ноги сами понесли его на окраину, к кладбищу, но дойдя до него под всё усиливавшимся дождём, он вдруг с отчаянием сообразил, что кладбище большое, и он, не умея читать надписей, ни за что не найдёт в сгущающихся сумерках могилу возлюбленной

Вспухшие черные тучи висели над покойниками, дождь лил, не переставая, и, постояв у высокой металлической ограды, определяющую границы кладбища, мальчик повернул назад, не замечая, хлюпающей в башмаках воды, не обращая внимания, как вместе с холодными дождевыми каплями по щекам катятся жгучие слёзы.

Мокрые улицы города были пусты и одиноки, как сердце юного слуги. Уставшие лошади, сонно цокая, тащили сморщенные будки последних экипажей. Дорожные камни желтели отраженным светом горбатых фонарей. Редкие случайные группки прохожих стремились поскорее укрыться от дождя под крышей какого-нибудь дома. В глубине переулков жались голодные озябшие собаки – проходя мимо, мальчик отчетливо слышал, как они скулят.

Далеко за полночь ноги вынесли мальчика к дверям родного дома. Недолго думая, он решил переночевать у старика. Его родители, должно быть, крепко спали, и потому не слышали, как он поднялся на второй этаж, как скрипела лестница, как щелкал замок, как хлопнула, закрываясь, дверь напротив.

Закрывшись в комнате, мальчик снял мокрую одежду, лег на кровать, укутался одеялом, и сразу почувствовал обволакивающую худое тело теплоту. Еще несколько минут назад он метался в безысходности ярких образов и дрожал от холода, но теперь мысли стали вялыми и тяжелыми. Борьба с неожиданно навалившейся усталостью не осталось сил. Бесчувственный мрак принял его, и он провалился в тяжелый сон без сновидений.

Пробуждение оказалось невыносимым. Вернувшиеся воспоминания прошлой ночи чуть не заставили его кричать. Мгновенно проснувшись, мальчик еще долго лежал на спине и бездумно глядел, как от слез, наполняющих глаза, пузырится серый потолок. Когда он, наконец, поднялся, то увидел за окном позднее солнечное утро. О вечерней непогоде напоминали только подсохшие лужи.

В доме он был один. Родители спозаранку ушли на работу, вернуться должны только к вечеру. Он спустился на первый этаж, открыл окна и развесил свою мокрую одежду, которую ночью, раздевшись, просто бросил валяться на полу.

Лежа в кровати, он провел весь день. Вечером, перед самым приходом родителей, он спустился, надел высохшую одежду, закрыл окна и снова за-

перся в комнате старика, так что, те, вернувшись домой, даже не заметили следов его присутствия.

На следующий день в сумерках пришел какойто человек. Он разговаривал громко и невнятно, но мальчик узнал голос дворецкого господина Чарути. Похоже, его начали искать. Потом все трое, дворецкий господина Чарути и родители поднялись наверх, и мальчик стал различать слова. Дворецкий интересовался, куда мог запропасться слуга, да еще в тот самый момент, когда он так нужен господину Чарути, ведь найти другого, столь неболтливого и ответственного, не представляется возможным. Но родители ничем не могли помочь – они не знали об исчезновении сына. «Он иногда проводил время в комнате соседа» – растерянно сказала мать. Она несколько раз повернула ручку, но дверь не поддавалась.

«Чтото случилось! Чтото ужасное случилось с ним! Ведь он ни за что не посмел бы оставить службу! Прошу вас, найдите его» – сквозь выступающие слезы простонала взволнованная женщина. Отец чтото тихо бормотал, стараясь успокоить ее.

Неподвижно лежащий на кровати мальчик горько усмехнулся про себя. Чтото случилось! Ха! Да уж, случилось! Откуда им было знать, что их сын пропал навсегда той дождливой ночью, и вынужден вечно брести по призрачным улицам бесконечного города отчаяния. Мать продолжала стонать за дверью, отец и дворецкий господина Чарути всеми силами пытались успокоить ее, кто-то из них даже побежал вниз за стаканом воды.

Осторожно, чтобы не скрипнуть кроватью, мальчик отвернулся к стене и закрыл ладонями уши. Он не хотел никого слышать, предпочитая полутьму собственных размышлений. Но можно ли это выдержать? К утру, когда душа более всего уязвима, мальчик совсем потерял голову и тихо плакал от боли и одиночества, уткнувшись в подушку.

Однажды старик читал ему книгу. В ней говорилось о человеке, который «был мертв, но не умер». Тогда слуга подумал, что это какаято бессмыслица, и не может человек, не умерев, быть мертвым. До чего же хитры и безжалостны книги! Впервые он пожалел, что так и не научился читать. Быть может, тот человек ожил в конце? «Наверное, ожил, – подумал слуга, – Онто умел говорить, он рассказал о своей беде другим, и они излечили его. А что остается мне?..»

И тут он вдруг вспомнил о скрипке.

Рассветные лучи застали мальчика на пороге дома с черным футляром в руках. Его одежда была грязной и мятой. Он больше не походил на порядочного слугу, но вполне мог сойти за уличного оборванца.

Он направился к месту преступления. Именно там ему хотелось играть на своей скрипке. Но у кондитерской все время толпились дети. Одни, перебрав в пальцах несколько мелких монет, счастливые, бросались к дверям, другие вытягивали

загорелые шеи и поднимали вверх носы, пытались уловить запахи любимых булочек со сладкой начинкой. И во всем городе не находилось места его горю. В большом зеленом парке молодые люди любили друг друга и были счастливы. На площади весело клевали крошки суетливые голуби. В кабаках проходимцам запрещал грустить алкоголь.

Устав слоняться по улицам в поисках подходящего пристанища, мальчик сел у ближайшего фонарного столба, вытащил скрипку и заиграл чтото очень грустное.

Рядом остановился прохожий.

– Не знаю, кто тебя надоумил сидеть здесь со скрипкой, но играешь ты отвратительно, – заявил человек. – Я музыкант, и знаю, о чем говорю.

Мальчик не обращал на его слова внимания, и продолжал играть. Он не поднимал головы, и видел только ноги человека, обутые в черные кожаные туфли. Засунув руки, в карманы, незнакомец покачивался на носках, отчего кожа туфель периодически сморщивалась. Так они провели довольно много времени – мальчик сидел на тротуаре и играл, а музыкант, покачиваясь, стоял против него и слушал. Потом незнакомец достал из кармана монетку и бросил в раскрытый футляр скрипки.

Это было настолько неожиданным, что потрясенный юнец просто застыл, перестав водить смычком по струнам, и с немой обидой уставился на гулко жужжащий от быстрого вращения в футляре серебряный кругляшок.

– Неважно ты играешь, – повторил незнакомец. – Но монетку за старания и упорство, пожалуй, заслужил.

Человек улыбнулся, явно довольный столь широким жестом, и уже собирался продолжить свой путь, но тут пришла его очередь застыть от удивления и обиды. Мальчик вдруг оставил скрипку, подскочил к футляру, вытряхнул на землю монетку, и размашистым пинком отшвырнул ее.

– Ах ты, негодяй, – заревел взбешенный незнакомец, и, выставив вперед руку, двинулся на обидчика.

Дрожа от страха, и не отрывая глаз от противника, юный слуга, прижав к груди скрипку и смычок, попытался отступить, но уперся спиной в холодную стену дома. Бежать было некуда, музыкант огромной горой навис над ним.

«Ну и пусть...», – подумал мальчик.

Он устал от собственной беспомощности. Пусть громила убьет его, раздавит как таракана. По сути, он и был большим тараканом. Никто ни за что бы не поверил, что его худое тельце имеет собственные желания и чувства – ведь он не мог их выразить.

«Я пришел рассказать о своем несчастье, а меня угостили дурацкой монеткой. И через мгновение угостят хорошей оплеухой». Подумав так, он окончательно и бесповоротно возненавидел род людской. Ах, как он желал, чтобы человек, который уже занес крепкий кулак над его головой, вдруг понял,

до чего абсурдна и нелепа эта ситуация! Старик был прав – такова природа человека: если не можешь громко крикнуть, ты беззащитен и безоружен.

Ему вспомнилась Кристина. Смеясь, онаправляла непослушные волосы.

С тоской и отчаянием мальчик крепче вжался в стену, а музыкант медлил с ударом и ухмылялся – он решил, что парень жмет к стене от страха. Если бы он только знал, что сейчас творится в душе жалкого слуги!

«Больше всего на свете мне хочется, чтобы ты страдал, как я», – вдруг с холодным презрением подумал мальчик.

С кристальной ясностью он представил, как его боль пронзает чужое сердце. И тогда руки напряглись. Смычок потянулся к скрипке, одно движение, и он коснулся струн – но скрипка не зазвучала, она осталась безмолвной!

Зато его противник неожиданно изогнулся всем телом, запрокинул голову и взвыл, словно раненый зверь. Мальчик, будто во сне, видел, как слабеют мышцы его рук, как эти руки безвольно опускаются, и мужчина падает на колени. Его глаза увлажнились, а губы задрожали – он вдруг трепетно и понимающе уставился в испуганное лицо юноши.

– Тебе не нужны деньги! – понимающе зашептал незнакомец. – Ты потерял что-то неизмеримо более важное. Что ты сделал со мной? Я не плакал много лет. Мое сердце полно невыразимой тоски. Но что мне с ней делать? Прости, я не знаю, что с ней делать...

И музыкант зарыдал, обхватив голову ладонями. От его слов мальчик сам чуть не задохнулся от слез. Он не верил своим глазам и ушам. Да как такое возможно? Человек, чуть не учинивший над ним расправу, теперь просит прощения и плачет, словно ребенок.

Мальчик впервые с интересом прислушался к себе и вдруг обнаружил какое-то странное и решительное напряжение в руке, сжимавшей смычок. «Так уже было однажды», – подумал слуга и вспомнил вечер после казни Адель.

Тогда он играл на скрипке, и чуть не убил друга. «Я разделил твою обиду!» – кричал старик. «Я испытал твою тоску», – вдруг зашептал стоящий на коленях человек. Мальчик уже не мог оторвать от скрипки изумленного взгляда. Тем вечером старик не помутился разумом – он говорил правду!

«Я обрел голос», – с холодным торжеством понял мальчик.

Мужчина вдруг схватил его, изо всех сил стал трясти за плечи и закричал, как полоумный:

– Послушай! Послезавтра торжество, придет высокий гость. Власти скрывают его имя, но, по слухам, это кто-то из приближенных короля. Ты должен просить его! Он поможет! Слышишь? Он поможет!..

Слуга с трудом высвободился из цепких рук музыканта и заспешил домой. Да, теперь он обязательно пойдет на праздник, во что бы то ни стало.

В безоблачный жаркий полдень мальчик сидел под деревом и следил за особняком господина Чарути, на другой стороне улицы. Сухой ветер подметал дорогу, трепал разноцветные бумажные флажки и гирлянды, развешанные на окнах и балконах домов – в городе готовились к празднику.

К особняку подали экипаж и через некоторое время супруги Чарути уехали. Тогда мальчик покинул свой наблюдательный пост и направился к дому. В прихожей он наткнулся на сидящего на стульчике дворецкого, того самого, который на днях искал его в родительском доме.

– Явился, – проворчал дворецкий. – А грязный-то, как последний оборванец. Ну, погоди, вернется хозяин. Выпорет он тебя, в честь праздника!

«Выпорет, как же», – подумал мальчик, прячась в своей комнатке.

Он не собирался ждать хозяина, и позорная порка в его планы сегодня не входила. Но водном дворецкий был прав – он действительно выглядел, как последний бродяга. В таком виде на праздник нельзя, поэтому ему и пришлось вернуться сюда.

Мальчик снял грязную одежду, бросил ее в угол и натянул свежие штаны. Правда, в его гардеробе слуги не нашлось сорочки, годной для торжества, а для этого мальчик непременно хотел ослепительно белую рубашку. К счастью, он знал, где такую взять.

Он осторожно приоткрыл дверь и на цыпочках, чтобы не услышал дворецкий, прокрался по лестнице наверх. На его счастье, дверь в покои госпожи Чарути осталась не заперта. В большом дубовом шкафу у кровати мальчик нашел восемь одинаково белоснежных рубаш. Все пахли свежестью и крахмалом. Взяв одну, мальчик по другой лестнице спустился в гостиную и вылез через окно.

В каморке старика он долго крутился перед зеркалом, примеряя обновку. Конечно же, красивая рубашка взрослого мужчины оказалась слишком широка, а рукава свисали почти до земли. С шириной ещё можно как-то было примириться, но рукава пришлось подрезать ножницами, которые нашлись в нижнем ящике шкафа.

Закончив переделку рубашки, он предался плену воспоминаний. Ему вспоминалась Кристина, то как она смеётся, встряхивает волосами, и сердце наполнялось ужасной точкой и болью. Вечер слуга провел в прошлом, пока не забылся тяжёлым сном.

С утра по всему городу гремела музыка – люди веселились. Мальчик взял футляр со скрипкой и заранее, чтобы не опоздать, вышел из дому. На площади было не протолкнуться

– люди весёлые от уже выпитого вина и пива, стояли плотными рядами.

Мальчик медленно пробирался к центру, там солдаты, растолкав зевак, создали подобие дороги, чтобы знатные гости могли подъехать к трибуне, венчающей высокую парадную лестницу здания представительства Академии.

Постепенно, извиваясь и работая локтями, слуге удалось достичь этой импровизированной дороги. Он оказался во втором ряду, в ужасной давке – потные тела стиснули его, острый край футляра давил на грудь, нечем стало дышать.

Вдруг толпа всколыхнулась и подалась вперед.

– Едет! Едет! – закричали слева.

Мальчик сделал последнее усилие и вывалился на середину проезда, едва не угодив под копыта лошадей. Испуганный кучер натянул поводья. Толпа ахнула. Карета остановилась.

Мальчик попытался встать, но двое солдат прижали его к земле, за что тут же были освистаны со всех сторон. Другие солдаты громко зашикали, успокаивая недовольных. Мальчик ничего не видел – сильные руки крепко его держали.

Внезапно все стихло. Солдаты оставили мальчика и отошли в сторону. Не понимая, что происходит, слуга решил еще немного полежать не шевелясь.

– Встань! – приказал кто-то.

Голос был ровный и властный. Мальчик подумал, что ему, пожалуй, следует подчиниться, и неуверенно выполнил приказ. Толпа затаила дыхание. Солдаты замерли, ровные, как прутья в заборе.

Перед ним стоял богато одетый ухоженный человек среднего роста. «Королевский советник», – понял мальчик и чуть не потерял сознание от страха. Он никогда не встречал людей столь высокого ранга. Нужно было срочно что-то делать. Повторяя манеры старика, он выставил вперед одну ногу и, разведя в стороны руки, совершил поклон.

– Что ты делаешь? – спросил советник.

– Господин советник, так народ кланяется вам, – крикнул кто-то, давясь словами от хохота. Все загоготали, подхватив удачную шутку. Советник кивнул и надменно заулыбался.

«Они смеются, – с горечью подумал мальчик. – Они смеются надо мной...»

По его щекам покатались слёзы. Он столько раз прятался, ища тишины и уединения, но никогда на свете ему еще не бывало так тоскливо и одиноко, как сейчас, в окружении целого города живых людей. Просьбы, поклоны – это все бессмысленные жесты, пришло время действовать.

Мальчик потянулся за скрипкой. Его порыв был встречен горячими аплодисментами.

– Он будет играть!

– Сыграй что-нибудь веселое для гостя!

Мальчик перехватил инструмент поудобней, слезы бежали по щекам. Вчера он предполагал играть для одного советника, но теперь пере-

нил решение: пусть о Кристине узнают все – такова его воля!

С замирающим сердцем слуга ударил смычком по струнам. Люди ожидали мелодию, но – вместо струн задрожали их сердца. С немой горечью мальчик наблюдал, как их человеческие глаза становятся рыбьими, когда заглядывают они в бездну его горя, как их рыбы рты глотают душный августовский воздух, силясь вымолвить хоть слово после его крика. Пройдет время, и его голос отзвучит в их душах, но пусть души не останутся прежними!

Кто-то в строгом черном костюме приближался к нему мелкими перебежками. Мальчик узнал человека, казнившего Адель – светлозеленый значок, приколотый к сюртуку со стороны сердца. У алхимика был пистолет...

В этот момент вдруг взорвалась карета. Обезумевшие раненные лошади рванули в гущу толпы. Совсем рядом прозвучало несколько новых взрывов. Послышались выстрелы, крики ужаса и боли. Люди, очнувшись от меланхолии, бросились врассыпную, давя друг друга. Гонимый страхом, мальчик тоже побежал.

Повсюду стреляли и дрались. Мальчик мчался без оглядки, выставив вперед ладони с растопыренными пальцами. Он решился остановиться и перевести дух, только когда площадь осталась далеко позади, а звуки выстрелов слились в сплошной отдаленный гул.

И тут мальчик вдруг понял, что потерял скрипку! При взрыве он упал и выронил ее, а потом убежал, ни о чем не думая. Но о том, чтобы вернуться и речи не было – площадь тонула в дыму и крови.

Чьято рука коснулась его плеча. Мальчик вздрогнул от неожиданности, узнав друга.

– Когда я уезжал, город был спокоен, – сурово сказал старик. – Думаю, нам есть о чем поговорить. Но только в более безопасном месте.

8.

Анжела следила за происходящим с высоты балкона. На площади много людей, и многие сегодня погибнут. Страшновато, но Маркус рядом, обнимает ее за плечи. А он хорошо придумал – выкупить этот дом с видом на представительство городской Академии. Правда, потратили большую часть имевшихся средств. Вот и вышла накладка с ружьями – пришлось экономить.

Анжела улыбнулась – теперь она легко справится со своей задачей.

Солдаты усердно расталкивали людей, создавая проезд для карет. На вершине лестницы – подобие трибуны, там стоят несколько человек, представители знати, богачи. С ними же и господин старший алхимик, спокойный и холодный, как камень колонны, о которую он оперся плечом.

Анжела снова улыбнулась – а вот господин Чарути не приехал. Он предусмотрительно серьезно заболел.

Приезда советника пришлось ждать еще долгих полчаса, но, наконец, толпа взревела – показалась карета.

Какойто мальчишка выскочил на дорогу, едва не угодив под копыта лошадей, и карету пришлось остановить. Мальчика скрутили солдаты, но из кареты вышел сам королевский советник и жестом приказал отпустить его.

Маркус, стоявший за спиной Анжелы, довольно хмыкнул:

– Это нам на руку. Приступай!

Анжела надела браслет, подбросила вверх семь крохотных шариков, размером чуть больше ружейной пули, и представила, как они замирают. Шарик повисли в воздухе. Необычные деревянные бусины на запястье ощутимо нагрелись. Анжела сжала ладонь в кулак и выбросила вперед руку. Шарик взвился над площадью и, набирая скорость, полетел по широкой дуге, каждый к своей цели. Два удара в трибуну, убив управителей города, один разорвет в клочья королевского советника, остальные четыре сметут заслоны солдат, освободив путь к представительству Академии. Долгой битвы не будет: ее товарищи пройдут по трупам, добивая раненых.

Усилием сознания Анжела направляла смертельное оружие к цели. Бусины браслета разогревались все сильнее, обжигая кожу – в воздухе даже запахло горелой плотью. Анжела застонала, но стерпела – ведь Адель прошла через большие муки ради этого дня, ради их победы!

Люди на площади смеялись. Странный человек затеял какое-то представление. Он сначала кланялся на потеху публике, потом, решил что-нибудь исполнить на скрипке.

– Я побежал на позицию, – прошептал ей на ухо Маркус.

Он поцеловал ее в щеку и ушел к бойцами на площадь. В доме остались трое с ружьями: когда Анжела закончит, они займут ее место на балконе.

Толпа замерла в предвкушении музыкального этюда. Мальчик поднял скрипку и тронул смычком струны...

И тут Анжела закричала от невыносимой душевной муки. Она покачнулась, и, теряя сознание, поняла, что самое важное в ее жизни уже навсегда утеряно, оставив непревзойденную тоску, и ей теперь совершенно наплевать, что половина шариков, на изготовление которых Адель потратила несколько лет, по ее вине ударят мимо цели.

9.

Сердце алхимика сварили в кипятке. Он чуть не упал в обморок от боли и тоски, когда в голове возник силуэт любимой. «Она никогда больше не вернется, и этот образ – единственное, что у меня есть», – подумал Анри Бейль. С ее уходом все стало бессмысленным и пустым, она никогда не вернется!

Ему стало бесконечно жалко себя, уставшего и одинокого – и алхимик заплакал...

Кто-то до безумия злой, ударил его ладонью по щеке, приказывая очнуться, но Анри Бейль и не подумал отвечать. Тогда этот другой схватил его за волосы и дернул так, что из глаз посыпались искры. Насильственное действие возымело результат: образ навсегда утерянного на мгновение померк, и алхимик в предельной прозрачности осознал, что мальчишка навязал ему свое состояние. «Это обман! – услышал он собственный голос. – Это обман!»

Как трудно бороться с наваждением! Анри Бейль увидел вырванные волосы в собственных ладонях – такой ценой он избавился от чужой боли, преодолел ее. И, похоже, он оказался единственным, кто сумел это сделать. На площади творилось нечто невероятное: люди в истерике катались по земле, а юный слуга грустью на лице наблюдал за ними.

Анри Бейль вытащил пистолет и начал подбираться к мальчику, перепрыгивая через кричащих и плачущих людей.

Он был уже у кареты советника, когда та вдруг взорвалась. Во все стороны полетели осколки. Старший алхимик упал, оглушенный. Совсем рядом раздались еще несколько взрывов, началась перестрелка. Люди в панике побежали, давя друг друга. Его чуть не затоптали, но он сумел подняться.

Нужно было найти советника. Среди бегущих Анри Бейль заметил маленького человечка в широкой белой рубашке. Он прицелился и выстрелил в мальчишку, но попал в какую-то толстую старуху, упавшую замертво, а жалкий преступник растворился в гуще толпы, не подозревая, что чудом избежал смерти.

В следующее мгновение старший алхимик сам чуть не схлопотал пулю – повстанцы наступали, расстреливая всех подряд. Молодой человек с тонкими черными усами на лице и двумя пистолетами в вытянутых руках, возникнув из дыма, выбрал его своей мишенью.

Виктор выстрелил, и пуля пролетела совсем рядом с головой алхимика. Анри Бейль замер, как парализованный – безотчетный внезапный страх смерти сковал его волю. Противник спустил курок второго пистолета, но ничего не произошло. Пистолет дал осечку, и тут самого Виктора настигла пуля, выпущенная кем-то из солдат охранения.

Центральная городская площадь сделалась туманной и пустынной. Окрестные дома исчезли, спрятались в бледной сырой дымке – он больше не видел людей в этом тумане, хотя ещё несколько мгновений видел как-то тени и слышал голоса. Они кричали что-то, куда-то бежали, плакали.

Крохотные капельки влажного воздуха щекотали кожу щек. Дышать этой смесью было невозможно. Виктор раскинул руки в стороны, будто собирался кого-то обнять, и, завалившись на спину, замер навсегда.

Старший алхимик перевел дыхание – чей-то случайный выстрел вернул ему жизнь, но он никак не мог найти советника. Площадь быстро пустела, оставляя открытыми тела раненых и убитых. В центре завязались

рукопашные бои, и повстанцы организованно вытеснили разрозненные силы порядка. Несколько солдат попытались зайти в тылы противника, обойдя площадь по периферии, но их обстреляли с балконов, заставив отступить в узкий проулок.

Старший алхимик сильно пожалел о попытке застрелить мальчишку – он оказался не у дел, отрезанный от своих, и теперь мог только пассивно наблюдать за происходящим. Положение стало безнадежным: бунтари побеждали. Через несколько минут они ворвутся в здание представительства и перебьют всю городскую знать!

Но какойто молодой лейтенант действовал быстро и решительно. Он выскочил под пули, развернул отступающих солдат, выстроил шеренги и дал несколько плотных залпов, рассеял повстанцев. «Какой умница! – восхищенно подумал старший алхимик. – Непременно узнаю его имя».

Тем временем подоспевший гарнизонный резерв очистил площадь, отбросив повстанцев на улицы. Военные перешли в наступление, и им удалось найти советника – он притворился мертвым, спрятав голову под обломком кареты. Лейтенант под прикрытием солдат заволок его в здание представительства Академии – единственный оплот сопротивления мятежу. Повстанцы перегруппировались, пошли на штурм, но ответным слаженным ударом были отброшены окончательно и откатились к окраинам города, преследуемые солдатами.

Когда угроза миновала, Анри Бейль выскочил из укрытия и побежал к зданию представительства. Створки дверей оказались разворочены взрывами, но внутри живой советник жался в углу. Подошел один из помощников.

– Господин старший алхимик, что это было? Маленький человечек...

– Инструмент влияния.

– Вы о скрипке в руках юнца? Она волшебная?!

Анри Бейль нервно рассмеялся.

– Запомни, – сказал он помощнику, – волшебными бывают только люди. Вещи всегда остаются просто вещами. А настоящий инструмент влияния – тот, кто заставляет других против их воли испытывать то же, что чувствует в этот момент сам – грусть, ярость, раскаяние или что то еще. Поэтому мальчишка очень опасен, его нужно убить. Найди начальника гарнизона, сообщи приказ: перекрыть все выходы из города, пока скрипач не будет уничтожен! Стрелять на поражение. Кроме того, скажи ему, чтобы брали как можно пленных повстанцев – мы устроим масштабный допрос. Нужно найти тех, кто готовил восстание и научил юнца таким фокусам. Эти люди должны предстать перед судом алхимиков.

– А почему не поймать самого мальчишку? Пусть он выдаст своих учителей.

– Нет, не выдаст. Даже если солдаты смогут взять его живым, в чем я сильно сомневаюсь, мы ничего

не узнаем. Я уверен, что парень нем, а, быть может, и слабоумен. Повторяю, его нужно уничтожить. Приказ ясен?

– Да, господин старший алхимик!

– И еще, найди и приведи ко мне лейтенанта, что командовал солдатами и отразил нападение на представительство Академии.

– Зачем его искать? Он рядом.

– Где?

– Вон там, на лестнице лежит, убитый...

Анри Бейль помолчал, скорбно поджав губы.

– Ладно, ступай, – сказал он помощнику.

10.

Южные ворота города охраняли два взвода солдат. Здесь было тихо и спокойно, и только в отдалении ещё звучали редкие выстрелы – около тридцати человек забаррикадировались в квартале бедняков и пока держали оборону. В центре города коегде горели дома – в небо уперлись несколько столбов дыма. Все опустело – люди попрятались, кто куда.

Заметив две фигуры, приближавшиеся к посту, сержант, командовавший постом у ворот, приказал солдатам занять боевые позиции.

Метрах в двадцати от охранного рубежа, подчиняясь окрику сержанта, фигуры остановились. Старик поставил чемодан на землю и наклонился к мальчику.

– Помнишь, я сказал тебе, что моя скрипка волшебная?

Юноша утвердительно кивнул.

– Я тебе соврал. Не спрашивай, зачем – так было нужно. Теперь же знай: волшебными бывают только люди, вещи всегда остаются просто вещами. Понимаешь, о чем я?

Мальчик подумал и снова кивнул – он действительно понял.

– Молодец, – сказал старик. – И давай уйдем из этого города.

Они подошли еще ближе, и все сомнения сержанта развеялись: безусловно, это тот самый человечек, которого ищут по всему городу. Он вскинул руку, намереваясь отдать приказ стрелять на поражение, но раньше руку поднял мальчик.

Он представил, как берёт воображаемую скрипку, как поднимает смычок, как трогает воображаемые струны, как льётся музыка его скорбящей, разрываемой горем души. И случилось чудо – солдаты с воем повалились на землю...

С натугой старик и мальчик развели массивные створки ворот, шагнув прочь за городские стены.

Старик печально вздохнул.

– Поедем к моему приятелю, – сказал он, тяжело дыша. – Он когда то был известным исследователем, а сейчас доживает в своем имении. Он очень умен и знает много удивительных вещей – к примеру, почему летают дирижабли...

Ольга КОЛОТОВА

Слезы дракона

У городского аптекаря с утра было плохое настроение. Хотя должно было быть как раз наоборот. По городу прошел слух, что прилетел дракон. Устроился на лужайке на опушке леса, как раз неподалеку от предместья Святого Рока. Городской голова распорядился пригнать для него пять коров, чтобы, значит, зверюга не позарилась на чужое добро и не полетела на скотобойню или не отправилась громить мясные лавки. А то прошлым летом оказия вышла. Прилетел дракон, а накормить его то ли забыли, то ли просто пожадничали средств из городской казны. Со злости дракон сожрал лошадь, впряженную в крестьянскую телегу. А те крестьяне везли в город вино на продажу. Наелся дракон, вина налакался и с пьяных шар разгромил два квартала. Хорошо еще, что драконы – не людоеды. По крайней мере, людей будут есть только в последнюю очередь. Когда никакой другой жратвы не останется. Видимо, люди, на их, драконий, вкус, не вкусные.

Правда, и пользы от этих летающих ящеров немало. Любой мало-мальски сведущий в составлении лекарств человек знает, что слезы дракона – самое лучшее средство от всех болезней и повышают действие любых снадобий. Вот только достать их не так-то просто.

Слезы у дракона крупные. Если уж они потекли, тут он тебе наплачет хоть десять бочек, лишь успевай подкатывать! Только не каждый смельчак за такое дело возьмется – разжалобить дракона. А потому и стоят слезы дракона безумно дорого. Прошлым летом аптекарь приобрел два пузырька драконьих слез, но они, во-первых, уже почти все вышли, а, во-вторых, все равно оказались разбавленными.

Когда дядюшка Мишель прослышал о появлении дракона, сердце у него тоскливо заныло, потому что он сразу догадался, чем обернется дело. И не ошибся.

Жена вытолкала его на улицу, всучила ведро и велела отправляться за драконьими слезами.

– Иди, иди! Когда еще такой случай представится? Коли постарайся, на всю жизнь обеспечены будем! О детях и внуках подумай! Мужчина ты, в конце концов, или нет?!

– Да ведь я придумывать-то не умею, – попытался отвертеться аптекарь. – Где уж мне...

– Не ври! – прикрикнула на него жена. – Ты, когда домой под утро возвращаешься, мне такое можешь наплести, что ни одному сочинителю в голову не придет. То ты у больного до утра сидел, то работал над срочным за-

казом... Как будто я не знаю, что, ты всю ночь в трактире пиво дул! Знаю, а вот поди ж ты, все равно верю! Авось и дракон твоим сказкам поверит! Уж если даже меня твоя брехня иногда до слез пронимает, дракон расплачется и подавно!

Аптекарь про себя отметил, что, если злости у его супруги было не меньше, чем у дракона, то таких зубов явно не было. По правде говоря, зубов у его старухи не было уже вообще никаких. А вот ногти были. И скалка была. Так что дать однозначный ответ, кто страшнее: дракон или жена – аптекарь все-таки не смог. Опять же, хорошую прибыль тоже упускать жалко...

Вздыхнул аптекарь и засеменял коротенькими ножками по мостовой – навстречу то ли гибели, то ли богатству. И чем дальше он уходил от дома, тем медленнее становились его шаги. Он уже подумывал с полдороги вернуться, а жене сказать, что дракон-то, фьють! – улетел. Ищи ветра в поле! Не тут-то было. Навстречу обреченному на съедение попалась ватага мальчишек, которые бегали смотреть на дракона (вот ведь, шельмецы, ничего не боятся!). А ребята, как назло, все были знакомые, все сыновья его пациентов либо покупателей. Приметив соседа с ведром, ребята быстро сообразили, куда это он направляется, и закричали:

– Иди скорее, дядя Мишель! Дракон на месте!

Вот ведь, и стар, и млад знает, зачем аптекарю дракон! И раззвонят теперь всем, куда направился дядя Мишель. Теперь и не отвертись! Аптекарь вздохнул и поплелся дальше.

Дракон действительно никуда улетать не собирался. Он был еще не слишком большим, видимо, ему еще и за сотню лет не перевалило. Как-то тарарахский падишах здешнему королю слона. Слона водили по всем городам и показывали за деньги. Аптекарь тогда тоже сходил посмотреть на диковинного зверя. Так вот, дракон был крупнее слона из Тарараха раза в три. Но дракон есть дракон, все равно страшно...

– Здравствуйте, господин дракон! – робко поприветствовал дракона аптекарь и почтительно поклонился.

– Привет! – отозвался дракон. Он сосредоточенно вылизывал раздвоенным языком коровий череп и прерывать своего занятия из-за появления толстенького лысенького человечка явно не собирался.

– Как ваше здоровье? – осторожно осведомился аптекарь.

Колотова Ольга Евгеньевна родилась в 1968 г.

В 1997 г. закончила историко-архивное отделение исторического факультета Уральского государственного университета. С 1998 г. по настоящее время работает в Научной библиотеке УрГУ в отделе комплектования и научной обработки.

Несколько рассказов Ольги публиковались в «Уральском следопыте» в 1999-2002 гг.

– Замечательно!
 – А... ваших родственников?
 – Тоже неплохо.
 – Как ваши дела?
 – Великолепно. Давно я так сытно не завтракал.
 «Слава богу, он хотя бы сыт! – подумал аптекарь.
 – Однако, как же его разжалобить, если у него все замечательно?!»
 – А как твои дела? – спросил дракон, видимо, из чистой вежливости, а на самом деле ему было совершенно наплевать на старикашку с ведром.
 – Я бедный, несчастный человек, – начал аптекарь.
 – Тебе надоела жизнь? Я могу тебе чем-нибудь помочь? – с готовностью предложил свои услуги дракон.
 Лицо аптекаря не побелело, а прямо-таки посерело.
 – Нет-нет, – поспешно сказал он. – Не надо. Свои несчастья я как-нибудь переживу.
 – Вот и славно, – сказал дракон, положив голову на передние лапы.
 – Может быть, у вас тоже случилось какое-нибудь несчастье? – рискнул предположить аптекарь.
 – Нет, – покачал головой дракон. – У меня все хорошо.
 Ноги почти не держали аптекаря. Он перевернул ведро и сел на него. Он пытался сообразить, чтобы такое сказать дракону, чтобы тот разрыдался, но в голову как назло не приходило ни одной мысли. А тут еще над самым ухом противно заныл комар. Взмахнуть рукой аптекарь боялся: кто их знает, этих драконов, зверь все-таки, еще воспринимает как угрожающий жест!

– Я бедный и несчастный человек... В прошлом году у меня умерла теща. До девяноста девяти лет дотянула, карга старая! То есть... тьфу ты!.. Жаль ее, могла бы еще пожить... Живут же люди до ста лет... У тебя, дракон, есть теща?
 – Нет. Я еще слишком молод, чтобы жениться.
 – Счастливее! Никто тебя не пилит..
 «Нет-нет, так нельзя! Иначе дракон наоборот радоваться жизни начнет. Но должен же у него кто-нибудь быть при смерти!»
 – А бабушка у тебя есть?
 – Есть.
 – Поди-ка, болеет старушка?
 – Нет. С чего бы? Ей еще и тысячи лет не исполнилось.
 «Ой, плохо дело! Ни жены, ни тещи, а бабка здорова!»
 Мало того, что драконья бабка жива-здорова, так еще и комар продолжает пищать. Дядюшка Мишель не переносил комаров. У него от их укусов всплывали красные волдыри.
 – Вам не бывает иногда тоскливо, господин дракон?
 – Бывает. Когда нет хорошего обеда.
 И тут аптекарь едва не взвыл. Комар впился-таки ему в щеку. И, не успев подумать, дядюшка Мишель прихлопнул комара.
 – Что ты наделал?! – воскликнул дракон. – Он был свободен... Он летал, как я... Он пил кровь, как я... Ты убийца!
 По драконьей морде катилась крупная прозрачная слеза. Мимо ведра.

Ф. СП-1

АБОНЕМЕНТ на журнал
УРАЛЬСКИЙ следопыт

73 413
 (индекс издания)

количество комплектов

на 2010 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
 (почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
 (фамилия, инициалы)

Я читаю
УРАЛЬСКИЙ следопыт

Уважаемые читатели, оформите подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646
- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА
 на журнал 73 413
 (индекс издания)

УРАЛЬСКИЙ следопыт

Стоимость	подписка	_____ рублей _____ коп	количество комплектов
	пере-адресовки	_____ рублей	

на 2010 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
 (почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
 (фамилия, инициалы)

Вячеслав ПРЫТКОВ
 Фото предоставлено автором

В Каунасской крепости

Клеммы – отец и сын

Это старое кладбище рядом с Каунасским ботаническим садом в городском районе Фреда мало кто посещает. Здесь, возле разрушающейся православной церкви, бывшей одно время складом, привлекает внимание каменное надгробие с надписью: «Оскар Карлович Клем. Первый комендант Ковенской крепости».

С этим именем связаны годы строительства этого важного стратегического объекта на западе в XIX веке. Выходец из Южной Германии, О.К. Клемм в 1887 году был назначен первым комендантом крепости. А несколько раньше, в 1882 году, построены укрепления 1-й артиллерийской батареи, два форта прикрывали Фреду. В старинной усадьбе – ее хозяевами в разное время были то канцлер Великого княжества Литовского Пац, то итальянский архитектор Л. Фред, то Годлевские – размещался штаб строительства крепости.

Если часть жизни Оскара Клемма была связана с Литвой, то деятель-

Бывшая церковь св. Сергия Радонежского

ность его сына – статского советника Вильгельма Оскаровича Клемма – касалась восточных стран. 39-летний российский дипломат был направлен в Индию на должность генерального консула. Ему удалось наладить сложившиеся десятилетиями непростые отношения России с вице-королем Индии лордом Джорджем Керзоном. В 1900 г. было учреждено русское генеральное консульство в Бомбее. На этой должности В. Клемм работал до 1906 года.

После революции он стал дипломатическим представителем Колчака во Владивостоке. Умер в Берлине в 1938 году.

Так в служении России прошла жизнь этих незаурядных людей – отца и сына.

С палкой на аэроплан

В июле 1915 года войска кайзеровской Германии приближались к Ковенской крепости, и немецкая авиация проводила разведывательные облеты фортов и подступов к ней.

5 июля в 7 часов утра телеграфисты станции Кармалова (недалеко от Ковно) старший унтер-офицер Иван Крашенинников и рядовой Сергей Якушин заметили немецкий аэроплан. В его полете было что-то

не так. Не долетев до Кармеловы, аэроплан круто изменил маршрут и сильно накренился. Телеграфисты хорошо видели кресты на крыльях и даже слышали разговор летчиков, когда у самолета барахлил и останавливался мотор.

Начальник кармелавской телеграфной станции Крашенинников разрешил рядовому Якушину бежать вдогонку за спускающимся аэропланом. Рассчитав, где должен приземлиться аппарат, Якушин добежал до реки Нерис и переправился на противоположный берег. Он поймал одну из пасшихся неподалеку лошадей, собрал местных мужиков и уговорил их следовать за ним.

Вскоре рядом с лесом они увидели аэроплан и двух немецких летчиков, ковырявшихся в двигателе. Якушин выстроил людей полукруглой цепью и повел их в сторону немцев. Летчики, увидев окружающих, бросились бежать, но были задержаны. Аэроплан взяли под охрану. Якушин отправил одного из мужиков в ближайшую воинскую часть. Прибывший с командой командир первой роты 5-й Ковенской дружины штабс-капитан Райкин принял пленных и аэроплан. А Якушин вернулся на телеграфную станцию. Командир Ковенской телеграфной роты подполковник Кагулков представил Крашенинникова и Якушина к награждению Георгиевскими крестами 4-й степени, отмечая, что Якушин при задержании летчиков был вооружен только палкой. (В это время винтовки личного состава роты почему-то были сданы в крепостной арсенал).

Литератор из г. Каунаса (Литва) Вячеслав Юрьевич Прытков – давний автор «Уральского следопыта». Его краеведческие материалы журнал печатал в начале 1990-х годов. Интересен такой факт из его родословной. Прадед, дед и отец Вячеслава Юрьевича были родом из уральского города Оренбурга. Прадед, фельдфебель М.П. Ганин, участвовал в Первой мировой войне и воевал под Каунасом. Судьба распорядилась так, чтобы теперь здесь жил и работал его правнук.

В память о давней дружбе мы предлагаем вниманию читателей журнала две заметки Вячеслава Прыткова – о строителе и защитниках знаменитой в истории, и в том числе печально знаменитой («Девятый форт»), Каунасской (Ковенской) крепости.

ЧЕТВЕРО В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СНУККИ

Мой очерк «Следопыты тридцать пятого» появился в журнале по случаю его шестидесятилетия (№ 3 – 4 УС. 1995.). Прошло с тех пор 15 лет. Выросли уже новые читатели. А история первых номеров журнала начала порастать быльем. И мы решили в год 75-летия «Следопыта» возобновить тот очерк, разумеется, слегка переиначив.

Лодка-бригантина

Летом 1935 года с речного причала базы ОПТЭ (Общество пролетарского туризма и экскурсий) стартовало судно под вымпелом журнала «Уральский следопыт». Это была вместительная лодка-плоскодонка с экипажем из четырех человек.

Первым из тех четверых был редактор журнала Владимир Алексеевич Попов-Штарк (судовая кличка «Кук»). Почему «Кук»? Потому что в лице В.А. Попова журнал

обрел неутомимого организатора и вдохновителя всевозможных путешествий. Это он – сын московского корректора (Попов) и некой немки Минны (Штарк) – стал в 1935 году основателем и редактором нашего журнала. Но сам, похоже, путешествовал впервые и воспринимал окружающее с восторгом и непосредственностью ребенка.

Куда более опытным в экипаже слыл уже известный тогда писатель-приключенец Михаил Ефимович Зуев-Ордынец (в

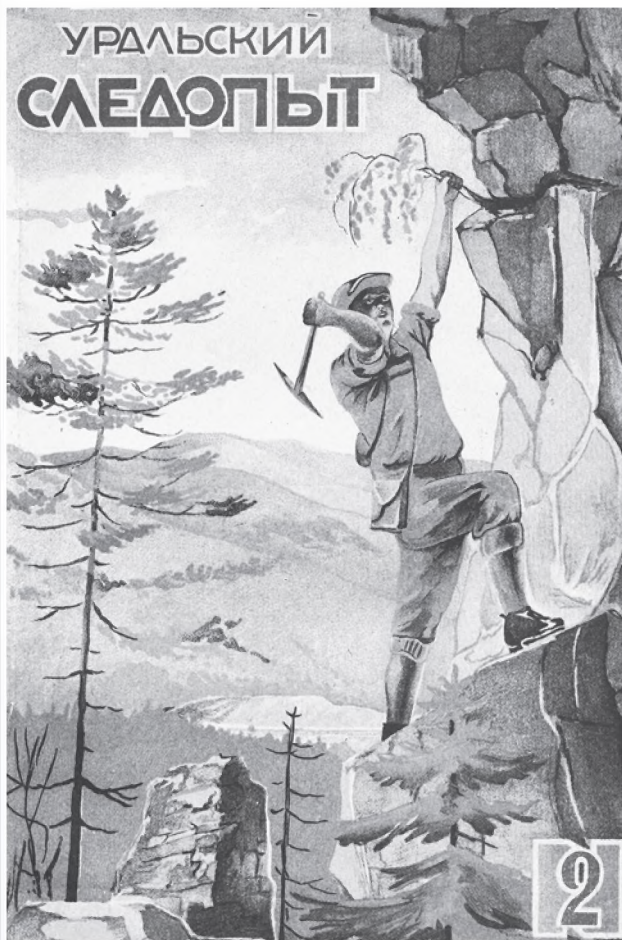
просторечии – «автор»). Команда поручила ему после плавания написать для журнала путевой очерк. Он и был написан и под заголовком «По быстрой воде» напечатан в № 8 «Уральского следопыта» 1935 года.

Третьим в команде был 24-летний фотокорреспондент Борис Рябинин (на судне звался просто «Нач.» – начальник, потому что явился практическим организатором экспедиции). Для известно-

го в будущем российского писателя работа в «Следопыте» у Попова была, что называется, первым плаванием. Там появились его первые фотоэтюды и фотоочерки, там он научился «держат перо». Свердловчане и сейчас помнят неутомимого писателя Бориса Рябинина – обаятельного с друзьями и непримиримого с противниками, вечно нацеленного на работу, общение, неустанного борца за спасение и сохранение живой природы; помнят и читают его книги и, особенно, едва ли не всей стране известные рассказы о собаках. Он до конца жизни оставался другом и автором нашего журнала, в любую минуту готовым в самое рискованное плавание.

Наконец, четвертым на судне «Уральский следопыт» был кормилец и связной с аборигенами Рафаил Иосифович Рабинович (судовая кличка «дядя Раф»). Агроном и краевед, позднее автор множества полезных статей, брошюр и книг по сельскому хозяйству. Его же перу, кстати сказать, принадлежит первая монография о Н.В. Мешкове, уральском промышленнике и меценате («Опальный миллионер». Пермь, 1990). Рафаил Иосифович на закате своей долгой жизни написал воспоминания «Такое не забывается: Из записок старого журналиста» (1997).

Был, впрочем, еще и пятый член экипажа – представитель «военизированной охраны» эрдельтерьер Снукки. Однажды, задремав, он нечаянно свалил-

Обложка №2 «Уральского следопыта» 1935 г.

ся в воду. «Человек за бортом!» – раздалось на корабле. О личности и судьбе Снукки нам, к сожалению, ничего не известно.

Вышеупомянутый причал находился на реке Чусовой в районе селения Уткинская Слобода (ныне просто Слобода), на скалах, именуемых «Собачьи Ребра» – в 70 километрах от Екатеринбурга. На той самой уральской красавице Чусовой, которую с незапамятных времен ревниво охраняют могучие скалы-бойцы. Во времена легендарных Демидовых провести по реке барку, груженную слитками металла, удавалось только опытным и удачливым шкиперам. Сколько того металла и человеческих костяков покоится на дне реки, знают, наверно, только сами молчаливые скалы-бойцы.

Вот по этой реке судну «Уральский следопыт» предстояло проплыть 355 километров – от Уткинской Слободы до Чусовского завода, что в соседней Пермской области.

Началась экспедиция с маленького курьеза. От железнодорожной станции Коуровка до базы ОПТЭ экипажу пришлось добираться на подводе, влекомой шустрой лошаденкой. В Слободе пыльная улица сползла к ленивой воде, которую лошаденка перебрела, не замочив колесных осей.

– Что за речушка? – спросил без интереса Кук.

– Чусова, – ответил коротко крестьянин-возница.

Вот до этих пор все у меня на бумаге шло как следует. И вдруг утлая плоскодонка под самодельным вымпелом обратилась в судно «Уральский следопыт» со всеми атрибутами океанской бригадинны. На ее палубе и реях замельтешили, кроме уже названных, новые лица. И некоторые были удивительно знакомы, хотя – голову на отсечение – я видел их впервые.

Кто это у штурвала держит курс красавицы-бригадинны? Да ведь это бесстрашный и всегда собранный Юра Бессонов, он же Юрий Николаевич, чья

В.А. Попов-Штарк

фотография, помнится, мелькнула в одном из первых номеров «Следопыта»-35, предввряя рассказ «Цветок папоротника».

Или вон на палубе матрос спортивного вида – тоже знакомое лицо. Похоже, что это Вильгельм Александрович Вогау.

Под всеми парусами мчит бригадинна «Уральский следопыт» образца тридцать пятого года. Сильный попутный ветер еще не обещает ей штормов, и лица «флибустьеров» молоды и светлы. Но мы-то с вами знаем, как переменчива и непредсказуема погода в том временном пространстве, куда держит путь наш беспечный парусник.

Одиссея «капитана Кука»

Слева направо: Кук, автор, дядя Раф

«Капитан Кук» был человеком неординарным – писателем, редактором, организатором печати. Но вот попробуйте где-то что-то прочитать о Попове. Пустые будут хлопоты. Похоже, что единственным его благодарным биографом стал тот самый «Нач.» – Б.С. Рябинин в его мемуарной книге «Ушедшее – живущее». Ею мы и воспользуемся.

Еще у издателя И.Д.Сытина Владимир Алексеевич редактировал журналы «Мирок», «Вокруг света», «Всемирный следопыт». Приложением к журналу «Вокруг света» готовил к изданию собрания сочинений приключенцев мирового масштаба: Жюль Верна, Майн Рида, Луи Жаколио, Буссенара, а также Виктора Гюго, Сельмы Лагерлёф, Сетона-Томпсона, Фламариона, Эдгара По... В 1914 году лично ездил для этого в Варшаву к Генрику Сенкевичу и потом до конца жизни берег его портрет с автографом...

Это был уже опытный 60-летний литератор. Романтики буквально всей страны знали и читали в 20-х годах составляемые им сборники серии «Труженики моря». Детвора еще до революции зачитывалась книжками Вл. Алешина (псевд. Попова), где была собрана уйма сказок, загадок, рассказов, стихов и легенд о былях и небылицах из живой природы. А еще до революции был он известен москвичам как главный инструктор отряда бойскаутов императорского московского речного яхт-клуба.

Д.И. Казанцев

Составлял для них практические руководства применительно к условиям русской жизни и природы и выпустил книгу приложений из жизни английских юных разведчиков.

Оказавшись после закрытия «Всемирного следопыта» на Урале, он затеял в Свердловске «Следопыт» уральский. Благодаря его энергии, новый журнал быстро оброс авторами. Это было, пожалуй, главное достоинство «капитана Кука» – притягивать к себе интересных, творческих людей, побуждать их братья за перо.

В тесной комнатухе издательства, что располагалось в Банковском переулке (ныне здесь громоздится ЦУМ), затолкался самый разношерстный народ: охотовед Уральской охото-промысловой станции В.В.Виницкий со своими очерками «Из уральской книги природы»; гидробиолог Татьяна Раухвергер с увлекательным и содержательным рассказом «Безногие путешественники» – это о рыбах (УС. 1935. № 3); садовод-любитель, недавний бухгалтер общественного банка в Екатеринбурге Д. Казанцев с рассказом «Путь яблочного следопыта» (УС. 1935. № 5); чуть позднее его книга «Яблочный пир» выдержит несколько из-

даний; геолог Ф.Тарханеев со своими «Изумрудными историями» (УС. 1935. № 2); инженер, строитель дирижаблей Ф.Ассберг с рассказом о первой в Союзе причальной мачте для дирижаблей, которая начала строиться под Свердловком (УС. 1935. № 1); писатель-краевед А.Бармин с исторической повестью «Уральские рудознатцы» (УС. 1935. № 1, 3, 4); топонимист М.Кашеваров с очерками «Географические названия Урала» (УС.1935. № 1); «уральский Брэм» В.Шлезигер, который не по своей вине не успел оставить свой след в «Следопыте»... Все они, сами себе удивляясь, что-то писали и несли «капитану». Он так умел удивиться, оценить, прийти в восторг. В дальнейшем все они, пройдя совсем короткую школу «Следопыта», стали авторами научно-популярных и художественных книжек.

В новую затею «капитана Кука» – «Уральский следопыт» – сразу поверили и стали слать рассказы, повести, очерки тот же Зуев-Ордынец, Александр Беляев, Виталий Бианки, молодой, но уже популярный писатель Анатолий Климов, Клавдия Рождественская, Николай Куштурм и многие, многие другие.

Попов был истинным искателем, путешественником, исследователем – с той лишь малюсенькой особенностью, что искал, путешествовал, исследовал, не вставая из-за своего письменного стола.

За столом осуществлял он бесконечные журнальные затеи: географическую викторину «Следопыта» – миниатюрные рассказы-загадки, которые в большинстве своем выдумывал и писал сам; путешествия по книгам и газетам, когда, вооружившись ножницами, искал для журнала новинки и открытия. Так появлялись в журнале то отрывок свежего романа Вяч. Шишкова, то новоиспеченный бажовский сказ...

При всем этом деликатнейшим человеком был «капитан Кук»: в трамвай войдет последний, всегда предложит собесед-

нику стул, ни при каких обстоятельствах не нарушит слова...

Удивительно много успел он сделать за неполный год существования «Уральского следопыта» тридцать пятого года.

Лишившись и второго детища, «капитан Кук» не упал духом. Он берется за издание «Уральской библиотеки занимательного краеведения». Его стараниями появляются на белый свет книги: «Урал медный», «Урал железный», «Рассказы о золоте», «С ружьем и капканом», «Народы северного Урала», «Горючий камень», «Тайна Уральских гор», «Голубая жемчужина»... Еще и еще – добрый десяток за два года 1936-1937. Попробуйте найти эти книжки сейчас – они великая ценность на полке знатоков края.

Но и «Библиотека...» издавалась недолго.

Кажется, «капитан» сделал попытку поднять паруса «Следопыта» в Казахстане... И наконец вернулся в Москву. И здесь, уже в преклонных годах, «капитан» не оставлял пера. Он пишет биографический очерк о полярном путешественнике Федоре Матюшине, рассказывает о свежих полярных находках, составляет памятку туристу «Сделай сам»...

Нам неизвестно, какой была дальнейшая его жизнь. Она оборвалась в 1942 году – его сбила машина на затемненной улице Москвы, когда он шел куда-то в надежде подкормиться.

Не только трава забвения

Михаил Ефимович Зуев-Ордынец (1900 – 1967) ныне почти забыт. Не издаются его книги: «Сказание о граде Ново-Китеже», «Возмутители», «Гул пустыни», рассказы, некогда украшавшие журналы «Всемирный следопыт», «Вокруг света». Революционная романтика, увлекательная история страны, путешествия... Печатались они и в «Уральском следопыте» – 35. Советская, надо сказать, приключенческая классика. Его роман «Последний год» увидел свет в Новосибирске в 1995-м. О более поздних книгах слышать не приходилось.

В редких и коротеньких сведениях о нем в справочниках и

энциклопедиях то и дело обнаруживаешь зияющий провал. Жил, писал, печатался – и вдруг исчез. В 1937-м выходит в Челябинске повесть «Хлопушин поиск», а потом в 1957-м – «Вторая весна». На двадцать лет как в летаргический сон провалился.

С надеждой листаю мемуарную книгу Рябинина: «Ну же, Борис Степанович!» Но нет – опять провал в биографии, даже без каких-либо намеков.

И вдруг однажды попал мне в руки пермский литературный сборник «Пульс-89». Листаю. Мелькнуло знакомое имя, а под ним... «Личное дело № 179888 (записки зека)». Вот оно какое оказалось – последнее произведение Зуева-Ордынца! (Публикацию подготовила работница Пермского книжного издательства А.Г.Зебзеева).

Участника Гражданской войны и неисправимого романтика революции арестовали 10 апреля 1937 года. В дневнике «врага народа» следователь Лещенко, к полному своему удовольствию, обнаружил такую вот эпиграмму, сказанную кем-то в писательской столовой пять лет назад:

По мановению
восточного сатрапа –
не стало РАППа,
но не ликуй,
презренный раб,
ведь жив сатрап!!!

«Полдела сделано», – возликовал следователь, потирая руки. А на первом допросе, предложив арестованному чай и конфеты «Раковая шейка», возмущился:

– Писа-а-атели! Советские люди на них молятся, а они... – И буднично задал вопросы:

– От кого услышали? Его фамилия? Фамилии всех, слышавших эпиграмму? Особо тех, кто одобрил и пришел в восторг. Словом, – подытожил он, – называйте всю вашу банду.

А когда фамилий не последовало, Лещенко схватил лежавший на столе том Большой советской энциклопедии и стал колотить арестованного корешком книги по голове, тыкать в

лицо. Упал стакан с чаем, разлетелись «Раковые шейки»...

Так было второй, третий, четвертый раз. Один и тот же том БСЭ первого издания – «А – Аконит». В переплете наполовину темно-зеленом, наполовину красном. Сколько раз «следопыт» Зуев-Ордынец пользовался им в библиотеке!

На девятнадцать лет он был вышвырнут из нормальной творческой жизни и брошен на нары Шпалерки, а потом лагеря.

Но он остался следопытом. И после реабилитации написал повесть, роман, сборник рассказов.

Кончая свою последнюю повесть, он повторяет строки друга-поэта Бориса Корнилова, погибшего в застенках, но им, Зуевым, не преданного:

Мы в мягкую землю
ушли головой
Нас тьма окружает глухая,
Мы тонкой во тьме
прорастаем травой,
качаясь и благоухая.

Так хочется верить, что есть вокруг нас и такая трава. А не только трава забвения.

Жив великий магистр!

Сын приказчика Верхисетского завода, юноша романтический и впечатлительный, вообразил себя участником тайного общества ревнителей свободы. Организация якобы была угрожающе разветвленной и руководилась Великим Магистром и Пятисотным Советом. Юноша писал на имя Магистра обстоятельные рапорта, уверяя, что он, Агент Уральских окрестностей, вербует все новых и новых ревнителей и страшной клятвой клянется в верности.

На беду один из этих рапортов попал на глаза властей, а те, изрядно напуганные событиями на Сенатской площади в декабре 1825 года, все приняли за чистую монету, наладили следствие и заточили «Агента» в крепость.

События, однако, последствий не имели, всерьез «Магистра» никто не принимал, но узника освободить... забыли. Его

В.В. Виницкий

выпустили из крепости только через пять лет, но этот больной, с подергивающейся щекой арестант уже ничем не напоминал вольнолюбивого юношу, полного благородных порывов.

Таков в двух словах сюжет повести Вильгельма Вогау «Андрей Лоцманов, или Свободы сеятель пустынный» (журнальный ее вариант был напечатан в «УС». 1993. № 4). Повесть написана в тридцать пятом и тогда же появилась в свердловском журнале «Штурм».

Автору, Вильгельму Александровичу Вогау, было тогда тридцать четыре. Он прошел всю Гражданскую войну, а в мирной жизни выбрал профессию литератора и, перебравшись с Волги на Урал, стал работать для редакции «Истории фабрик и заводов».

Занялся историей Верхисетского завода в Свердловске. Облазил весь завод, рылся в архивах. Не мог, конечно, пройти и мимо горькой и драматичной судьбы Андрея Лоцманова. Вильгельм Вогау первым поведал о нем массовому читателю.

Материал для книги собрал, что называется, из первых рук. Готовые очерки приносил Попову в «Уральский следопыт», и тот охотно их печатал («Хозяин приехал», «Огненная катор-

Ю.Н. Бессонов

га», «Первая заводская школа», «Степка вернулся!»).

Когда рукопись истории ВИЗа была готова, Вогау тотчас едет в Невьянск и берется за новую большую работу – летопись Невьянского завода. Он спешил. Чувствовал, как мало времени отведет ему судьба. Днем собирал материал, ночью его обрабатывал. Успевал при этом ездить, выступать, помогать молодым литераторам.

Но наступил март 1937 года.

Мы не случайно начали наш рассказ с почти фантастической истории визовского вольнодумца. Не менее фантастично и то, что автор почти один к одному повторил судьбу своего героя. Только он стал жертвой не трагической ошибки, а неизбежной агонии многовекового тоталитарного режима, режима страха и насилия, который в конце концов начал пожирать самое себя.

Такой же нелепый и пустой был повод для ареста, такие же ничем не обоснованные обвинения. Допросы в следственном изоляторе. Приговор. Лагерь Колымы и Магадана... Оказалось, Великий Магистр жив и несть числа его сподвижникам!

Свободы В.А.Вогау не дождался ни через пять, ни через

десять лет. В январе 1947-го он скончался от пеллагры и туберкулеза в лазарете Средне-Бельского ИТЛ.

«История Верхисетского завода» осталась не напечатанной. В небольшой книге «Пролог» увидели свет только отдельные ее главы. Утрачена во время ареста рукопись истории Невьянского завода. Ждут издателя «Повесть о чистой любви», «Странички дневника», письма «Оттуда...».

Перо и шашка Юрия Бессонова

«Вахмистр выстроил заключенных, рассчитал их по пять человек, потом скомандовал «смирно» и сказал:

– Чтобы исправно идти всем. Кто отстает, на себя пеняй – пощады не будет. Человек с человеком не сближаться – стрелять буду. Из рядов не выходи – тоже стрелять буду, а ежели кто что задумал, поимейте в виду – за одного десять ответят...».

Это строки из рассказа Юрия Бессонова «Невольное путешествие» («УС». 1935. № 6). Отступая из Екатеринбурга, белые уводили с собой и обитателей местной тюрьмы.

Наверно, не раз заключенный ГУЛАГа Бессонов потом вспоминал это свое «Невольное путешествие» и горько усмехался крамольной мысли о том, что все на этой круглой Земле возвращается на круги своя...

Два его рассказа появились тогда на страницах журнала и оба стали украшением «Следопыта». Язык, увлекательные сюжеты, знание автором жизни – все выдавало незаурядное перо.

Культура слова и мысли лежала глубоко в натуре этого человека. По матери Юрий Николаевич Бессонов (1901-1958) был двоюродным братом композитора Д.Д. Шостаковича. Их деду по случаю польского восстания 1863 года сослали в Сибирь, и он какое-то время жил в Екатеринбурге. Сюда, к деду, после смерти матери привезли пятилетнего Юрия.

Из него вырос во многих отношениях человек незаурядный, ни в какой ситуации не терявший до-

стоинства. С 16 лет он на германской войне, награжден за отвагу Георгиевской шашкой. А в семнадцатом вместе с арtpолком поручик Бессонов переходит на сторону Советов. 10 лет отдал Красной Армии, став командиром полка. К Георгиевской шашке прибавился орден Красного Знамени.

А когда стало сдавать здоровье, выбрал писательскую стезю. И не затерялся среди писателей. Его рассказы охотно печатали «Вокруг света», «Борьба миров», «Красная новь».

Снова оказавшись в Свердловске в тридцать втором, он сблизается с Бажовым и по его совету год работает на ВИЗе, записывая одновременно рассказы рабочих. Его книга «На фронте и в тылу» издана в серии «История фабрик и заводов».

Сам В.А. Попов-Штарк называет Ю.Н. Бессонова инициатором возрождения «Следопыта» в Свердловске.

Год 1937-й никак не мог пройти мимо такой яркой личности, как Бессонов. Но и здесь, в ГУЛАГе, Юрий Николаевич, похоже, не слился с общей массой. В 42-м ему каким-то образом удалось попасть на фронт рядовым минометчиком – многие из гулаговцев могли об этом только мечтать. Наверно, на весах судьбы перетянул опыт боевого офицера.

Как рассказывает однополчанин Бессонова (см.: «УС». 1991. № 1. С. 15; 1992. № 2. С. 8), вчерашний гулаговец так мастерски провел расчет артогня на днепровской переправе, что его дивизия понесла самые минимальные потери. Бессонову присвоили звание лейтенанта (т.е. опять поручика). Затем он отличился в наступлении под Корсунь-Шевченковским.

На фронт Бессонову П.П. Бажов посылает свою «Малахитовую шкатулку».

После войны Юрий Бессонов опять взял в руки перо. Он умер в июне 58-го над рукописью незавершенного романа. В пятидесятых годах тремя изданиями выходил его роман «Восстание», повесть «Суровая юность».

Иван ПЛОТНИКОВ

«Деревянная война» и священник Богоявленский

Верхотурский уезд Пермской губернии и его Меркушинская волость долгое время стояли в стороне от фронтовой полосы Гражданской войны на Урале.

События стали разворачиваться осенью 1918-го, когда сюда с боями вышли 1-я Сибирская Степная дивизия, переименованная в 4-ю Сибирскую, и части 2-й Чехословацкой. На ее правом фланге действовала «колонна» под командой подполковника Н.Н. Казагранди. Она то и заняла Верхотурье и ближайшие волости.

Однако волнения начались еще летом, а с приходом белых получили продолжение. Население разделилось на два враждебных взаимоистребляющих лагеря. «Водораздел» прошел даже по большим и малым семьям. Но был и промежуточный, так называемый «зеленый», с лозунгом «За Советы без коммунистов» и др.

Основная масса крестьянства не желала войны, колебалась. Когда в мае 1918 г. ВЦИК принял декрет «О принудительном наборе в Рабочее-Крестьянскую Красную Армию», мобилизацию стали проводить насильственными мерами, с применением репрессий. Население, целые села, бурлило. Особенно в прифронтовых районах, где села и деревни то и дело переходили из рук в руки. Насилие применяли те и другие, но преобладало большевистское.

Так случилось и в селе Меркушино, когда к селу приближались белые. Надо сказать, что незадолго перед тем в Невьянске произошло и было подавлено крупнейшее восстание – солдат, рабочих и крестьян. Помимо общего недовольства, осо-

бое неприятие вызвали действия комбедов, которые с участием милиционеров и чекистов отнимали хлеб и другие продукты. А тут еще и насильственная мобилизация.

Судя по скудным, в основном советским, источникам, в Меркушино было все-таки восстание, а не простая вспышка митингового характера. Но началось оно почти стихийно и до конца было малоорганизованным. Лишь в ходе развития стало формироваться некое организующее ядро.

Началось с митинга, созванного властями, с целью агитации за вступление в армию молодежи и, как всегда, с угрозой за уклонение. Вспышка протеста привела к избиению двух большевистских акти-

вистов – Иконина (убит) и Смирнова. Основная масса селян вышла из подчинения Совета, который распался, а его активные члены бежали и скрывались, ожидая вызванного из Верхотурья, от уездной власти, карательного отряда. Вместо распавшегося Совета было восстановлено волостное правление. Повстанцы приняли некоторые меры самоорганизации, привлекли добровольцев, во-

Церковный староста Никита Худяков с отцом, женой и дочерью. Фотография сделана незадолго до гибели Н.Худякова

Иван Федорович Плотников – академик Российской академии гуманитарных наук, заслуженный деятель науки РФ, лауреат ряда премий, доктор исторических наук, профессор УрГУ. Автор многих книг, публикаций в периодических изданиях, сборниках. Давний автор «Уральского следапыта».

оруженных в основном охотничьими дробьюми и «мужицким дрекольем» – вилами, кольями, рогатинами. Отсюда, наведено, и «деревянное восстание».

В итоге был создан повстанческий отряд. Вопрос о его численности и командном составе выяснить трудно. Руководителем был С.И. Дерябин. Руководился отряд из здания волостного правления. В его арестном помещении содержалось около десяти советских активистов. Никто из них убит не был, их потом освободили участники подавления восстания.

Повстанцы не были едины в целях и решительны. Среди них вели пропаганду и большевистски настроенные, и колеблющиеся сельчане. Не решались даже поддержать отряд, возникший в селе Дерябино.

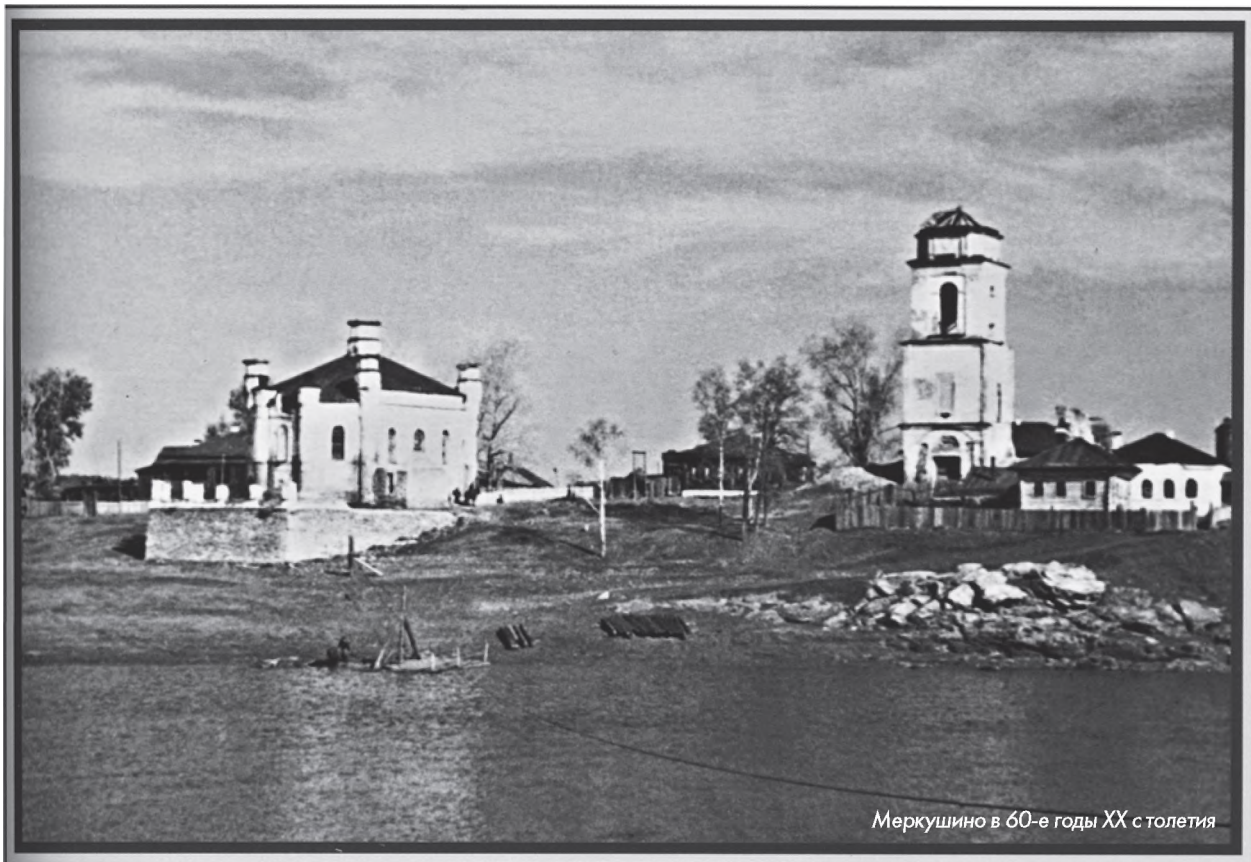
Тем не менее восстание перекинулось в Махневскую и другие волости, охватило целый ряд сел. Меркушинцы предприняли наступление на Верхотурье, очевидно, с целью остановить карателей. Участник событий коммунист Г.С. Голков в 1957 г. вспоминал: «третьего июля организовали поход на Верхотурье, в походе участвовало почти что все мужское население». Но при встрече с отрядом красных повстанцы не выдержали и первого удара, стали разбегаться. Отряд вошел в Меркушино. Так через несколько дней после начала закончилась эта «деревянная война». Активные повстанцы скрылись в окрестных лесах.

Насколько можно судить по источникам, расправа карателей во главе с председателем уездной ЧК П.И. Шихановым над попавшими под арест повстанцами была жестокой. Производились расстрелы. В частности, в Меркушино 14 июля были расстреляны церковный староста Никита Иванович Худяков и священник местной Михайло-Архангельской церкви Константин Стафанович Богоявленский. В 2002 году тело отца Константина, еще совсем молодого человека (ему было только 22 года), выпускника Пермской духовной семинарии, обнаружили, извлекли из могилы и идентифицировали. Он был причислен Русской православной церковью к лику святых.

По воспоминаниям старожиллов и потомков участников событий, о. Константин перед гибелью вел себя чрезвычайно мужественно и достойно. Во время конвоирования к кладбищу, где

Изображение священномученика Константина (Богоявленского)

Меркушино в 60-е годы XX столетия

будто бы уже была вырыта могила, был в молитвах. «Всю дорогу шел и сам себя отпевал»: «Священник пел молитву, и в него выстрелили» (запись бесед с Т.М. Кордюковой, А.И. Ладик, Н.Н. Лобковой, В и М. Мызниковыми).

По вступлении в Меркушино белых репрессии проводились уже против схваченных коммунистов и советских активистов. Некоторых повесили, других выпороли. По воспоминаниям, трупы повешенных сняли не сразу, они были видны почти отовсюду. Одна из прихожанок, выйдя после службы и увидев висящие тела, упала в обморок. Только тогда какой-то колчаковский офицер велел повешенных снять и захоронить. Тогда же и тело о. Константина было перезахоронено у церкви. В «Метрической книге» местной церкви записано: «дата смерти – 14 июля», а «погребения – 16 июля 1918 г.».

Упомянутый Голков в воспоминаниях писал, будто организатором восстания был именно «меркушинский священник Константин». В качестве довода указывалось на то, что до восстания в церкви собирались мужчины, якобы для обсуждения его подготовки под предлогом решения вопроса о пристрое. Другой советский активист С.Д. Худяков в воспоминаниях также указывал на «священника» (без упоминания имени), «который с крестом провожал повстанцев».

Вряд ли, думается, священник мог призывать крестьян к кровавому мятежу. Допустима мысль об осуждении им большевистской власти, реквизи-

ций и насильственной мобилизации. А.И.Ладик вспоминает, будто священник «отслужил молебен белым» и за это его «посадили». За молебен, видимо, не белым, а крестьянам-повстанцам, за какую-то форму сочувствия им.

Сохранилось свидетельство о том, что церковному старосте Худякову из-за угрозы ареста и расстрела «мужики... предлагали спрятаться на несколько дней или уехать», на что он заявил, что «он никому ничего плохого не делал и прятаться не будет». Основанием для расстрела священника, скорее всего, явилась какая-то форма протеста против деяний властей, наложившаяся на массовое восстание. С осуждением антинародных, особенно антикрестьянских, действий выступали в разгар Гражданской войны все честные священники и видные религиозные деятели: святейший патриарх Тихон; на Урале – архиепископ Пермский и Соликамский Андроник; епископ Уфимский и Менжелинский Андрей; епископ Тобольский и Сибирский Гермоген; епископ Екатеринбургский и Ирбитский Григорий и многие другие. И за это они нещадно преследовались, многие уничтожались физически, в частности, названные Андроник (в миру В. Никольский), Гермоген (в миру Г.Е. Долганов) и Андрей (в миру князь А.А. Ухтомский). В этом скорбном ряду и Константин Стефанович Богоявленский. Мощи св. Константина ныне помещены в храме Симеона Верхотурского в Меркушино – в подворье Ново-Тихвинского женского монастыря. Их чтут паломники и миряне.

От села до села

Уральское православное патриотическое общество им. Святителя Николая Чудотворца возрождает исторический путь крестных ходов наших предков к мощам Симеона Праведного по Старому Верхотурскому тракту от Екатеринбурга до Верхотурья. Маршрут «Симеонова тропа», повторяющий путь Крестного хода 1914 года, проходит по территории шести районов Свердловской области. Он познавателен для наших современников и позволяет по-новому взглянуть на родной край, не только прикоснуться к святыням, но и познакомиться с историей, народными промыслами, жемчужинами природы, сельским укладом и творческими коллективами.

Паломники, почитающие царскую семью, начинают свой покаянный путь от Храма-на-Крови (в центре Екатеринбурга), а затем обязательно едут или идут крестным ходом в Урочище Ганина Яма. Здесь 17 июля 1918 года, в верховье реки Исеть, в районе старой дороги, соединившей деревни Шувакиш и Коптяки, на заброшенной шахте были уничтожены тела царственных мучеников. Их свалили в затопленную шахту, затем достали и несколько суток уничтожали серной кислотой и огнём. В экспозиции нижнего Храма-на-Крови, среди документов, доказывающих преступный умысел, представлено распоряжение Юровского о целевой выдаче со склада необходимого количества кислоты. На месте, где был развеян прах страстотерпцев, по благословию Патриарха Московского и всея Руси Алексия II за два года, с 2001 по 2003, в заболоченном лесу, среди обвалившихся шахт, поросших лесом, вырос мужской монастырь во имя Царственных страстотерпцев с семью деревянными Храмами - по числу членов царской семьи. В центре комплекса - та самая «яма», где упокоились царственные останки, на краю шахты - поклонный крест, вокруг - фотогалерея.

Рассказывать о благодати этого места и чудесах, связанных с ним можно очень долго - просто здесь нужно побывать. Вернемся на старый верхотурский тракт.

В 1723 году из Соликамска проложили тракт в Сибирь - через Верхотурье, Тюмень и Тобольск. Со временем по его сторонам выросли ямские поселения: Медный рудник, Мостовское, Шайтанское, Липовское, Глинское, Деево, Арамашево, Коптелово, Алапаевск, Нижняя Синячиха, Монастырское (ныне - Кировское), Махнево.

Монастырь во имя Святых Царственных Страстотерпцев.
Храм во имя Святого Серафима Саровского.
Урочище Ганина яма.

На месте Медного рудника, основанного в 1730 году, как ямская станция на 15 м км Верхотурского тракта, сегодня раскинулся современный город Верхняя Пышма. Градообразующее предприятие - комбинат «Уралэлектромедь», мировой произво-

Морозов Олег Викторович - член правления Уральского православного патриотического общества им. Святителя Николая Чудотворца, руководитель направления «Симеонова тропа», член правления ОАО «СКБ-Банк», выпускник УПИ

датель драгметаллов LBMA «Gold Delivery» по серебру и золоту.

По дороге от комбината к храму можно заглянуть на выставку вооружений, посвященную защитникам нашей Родины от фашизма.

Главный храм города – Успенский – возведен на месте снесённого в 50-х годах деревянного, и украшен росписью Ивана Глазунова (сына знаменитого живописца). В Храме сохранилось несколько древних икон, среди них «Успение Пресвятой Богородицы» и большая икона Божией Матери «Знамение» с частицами мощей изображённых на ней святых.

От Успенской церкви, мимо крупнейшей на Урале Соборной мечети, направляемся в Балтым. Здесь с 1840 по 1878 годы на Верхотурском тракте функционировала конная почтовая станция «Владимирская». С её упразднением жители переключились на старательский промысел. При выезде из села, на берегу небольшого пруда, в 2005 году возведён храм во имя Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского.

Село Мостовское упоминается в документах начиная с 1724 года – как конная почтовая станция Верхотурского тракта. Кроме ямского труда, жители занимались заготовкой леса, деревообработкой, старательским промыслом. Выстроенная в 1871 году церковь служит местным жителям, как клуб.

В отличие от соседних поселений на тракте, бывший Мальй Верхотурский прииск, ныне село Верхотурка никогда не было ямской станцией, зато старательский промысел драгоценных металлов в XIX веке был развит здесь как нигде в округе. На древней карте хорошо видны расположенные неподалёку многочисленные золотые и серебряные прииски.

Церковь в селе Мостовское

Долженко Елена Анатольевна – координатор Уральского православного патриотического общества им. Святителя Николая Чудотворца, выпускница УрГУ

Успенская церковь г.Верхняя Пышма.

Через 2 км после Верхотурки от асфальтированного шоссе отходит отрезок Старого тракта, ныне – лесная дорога длиной 18 км до деревни Колташи.

На карте прошлого века видно, что основной дорогой был именно Верхотурский тракт, уходящий вправо, а Тагильский – второстепенной. Затем всё перевернулось, как говорится, «с точностью до наоборот». На стыке XIX и XX веков уже существовала новая дорога на Верхотурье, проходившая через Невьянск и Нижний Тагил.

Именно на этом отрезке можно ощутить Верхотурский тракт таким, каким он был в свои лучшие годы. Начало дороги выглядит очень привлекательно.

Старый верхотурский тракт в районе Верхотурка - Колташи

**Липовские карьеры.
Режевской горно - геологический заказник**

Разделим отрезок на четвертинки. Первая - самая лучшая, с выпуклой поверхностью и подсыпкой. Последняя - тоже ничего, хотя местами весьма скользкая, глинистая. Проехать оба эти участка можно на любом транспорте. Впечатляет сохранившийся выпуклый профиль дороги и кюветы по краям. Далее нужно внимательно выбирать путь, чтобы не «застрять» в колеях.

На последней четверти дорога пересекает две реки: Талицу (по насыпи) и Реж (по мосту). Между ними она идёт по холмистой местности, красивому лесу. Справа действительно есть места, где «мелькает серебристой лентой река Реж», как описывали этот участок наши предки-паломники.

После реки, на горке, складированы брёвна. За ними – деревня Колташи. Проехать от Мостовского до деревни Колташи по историческому пути очень интересно. Сделать это можно при сухой дороге или по зимнику при минимальном снеге. Также возможно – на машине повышенной проходимости. Либо, подобно нашим предкам, пройти его пешком.

Словом, рекомендуем посетить эту древнюю дорогу, разглядеть её. Можно просто заехать на неё и немного прокатиться. А затем – объехать по асфальту через Аятское. В деревне Колташи жил Данила Зверев – реальный прообраз знаменитого Данилы-мастера из Бажовских сказов. В начале XX века Зверев учил старательской премудрости будущего академика Ферсмана, описавшего впоследствии минеральные богатства Шайтанского месторождения в своих научных трудах.

Село Черемисское в конце XIX века играло роль волостного центра. Здесь служил священник Иоанн Петрович Карамышев, бывший, при этом, благочинным целого округа Екатеринбургской епархии, в который входили приходы всего нынешнего Режевского района и ряда соседних поселений. Красавица церковь, простояв 150 лет, сгорела от грозы. Отстроенный заново Богоявленский храм, находится в самом центре села, но с 1930 года до сего дня служит клубом.

Первым поселенцем села Шайтанского в 1620-х годах был Дорофей Беляев, беглый крестьянин из Велико-го Устюга. Изначально, на этих обширных и плодородных землях население села занималось хлебопашеством. В

конце XVIII века неподалёку было открыто единственное в мире, названное «Медвежка», месторождение шайтанского переливта, этот подделочный камень относится к разновидности агата. Тогда же, в 1865 году в селе был построен деревянный Пророко-Ильинский храм, впоследствии украшенный стенной росписью. В селе существовала народная традиция – совершать 18 августа ежегодный Крестный Ход. С 1930 по 1970 храм стоял закрытый. При строительстве Дома культуры руководство совхоза распорядилось культовое здание раскатать.

Через небольшой лесок от села на правом берегу реки Реж, величественно нависает над водой Шайтанкамень (памятник природы федерального значения). На камне – уникальные писанцы – образец древнего наскального искусства, традиция которого насчитывает около 5 тысяч лет.

Село Липовское, основанное в 1681 году, знаменито самоцветными камнями и лечебными подземными водами. Неподалёку находится Режевский минералогический заказник, где много лет старатели добывали из подземных жил топаз, берилл, аметист, корунд, турмалин, хризопраз, аквамарин, морион, цитрин, несколько видов асбеста и талька, и ... всего не перечислить. В советские времена здесь было открыто крупное месторождение силикатного никеля. С 1956 года начался период варварской разработки и даже разграбления уникальных природных ресурсов. Кристаллы розового турмалина размером чуть не с кулак, цена которых исчисляется сотнями долларов каждый, служившие даже для изготовления кремлёвских звёзд, выбрасывались в отвал как ненужная порода. Камнями отсыпались в Липовском

Храм в селе Липовское

Памятный знак Николаю Чудотворцу в окрестностях Режа

дороги, плотины... Сегодня Липовские карьеры наполнила вода, соединив их между собой в озера причудливой формы. В некоторых местах глубина достигает 95 метров. По берегам можно полюбоваться фантастическими пейзажами, поискать разноцветные поделочные камушки. Есть даже места стоянок для организованного отдыха. Особенно интересно здесь побывать с человеком, разбирающимся в минералах, например с сотрудником Режевского горно-геологического заказника.

Липовская родоносовая водолечебница известна далеко за пределами Свердловской области. Благодаря ей, потихоньку укрепляется село. На его окраине стоят остатки Христорождественского храма, выполненного в стиле петербургского классицизма: с портиками и колоннами. По новым крестам видно – идет медленное, но верное восстановление. А ведь до 1930-го, по словам режевлян, в нем еще был цел иконостас, инкрустированный великолепными самоцветами.

Оставшееся в стороне село Точильный Ключ, расположенное на Точильной горе, известно своим месторождением Точильного камня. Это не просто абразив для заточки ножей. Он также являлся огнеупорным материалом для доменных печей уральских железодельных заводов. Поэтому его ещё называют «горновой камень». Окрестные сёла славятся народными промыслами и пчеловодством. Одно из сел известно тряпичными куклами. Казалось бы, распространённое заделье, но здешние куклы ростом с человека и бывает очень забавно, когда такая матрона «смотрит» на тебя с печи или встречает у окошка.

Вот мы незаметно допутешествовали и до города Режа. На левом берегу реки раскинулись домики деревни Кочневой, первого поселения, возникшего на месте будущего

города Режа ещё в 1680 году. Железодельный завод и заводское поселение основано позже - в 1773 году.

В Реже есть экспозиции небольших минералогического и исторического музеев. Сохранились некоторые каменные купеческие особняки, заводские постройки, деревянная усадьба заводчика Байбородина.

Интересен установленный в семи километрах к западу от города памятный знак Николаю Угоднику. Он находится на бывшей Никольской дороге, соединявшей Реж с Верхотурским трактом. По преданию, Святитель Николай помог режевскому купцу XIX века спастись и сохранить товар от разбойников во время нападения. В благодарность спасённый установил в глухом лесу памятный знак. Ныне он восстановлен благодаря неравнодушным режевлянам.

В этом же направлении, неподалёку от санатория «Изумрудный берег», освящён источник «Пробойный ключ» с прозрачной, живо бегущей водой.

Высоко над городом на Орловой горе стоит Иоанно-Предтеченская церковь. Она построена в 1902 году на месте своей деревянной предшественницы на средства режевлян, называвших её Нагорной. Храм закрывали, он горел, но, к счастью, сохранился. И сейчас, при низкой облачности, вдруг выгянет изящной византийской диковинкой откуда-то из облаков, и кажется, что выстроен храм на небесах!

Почему же паломники ходили к мощам Святого Симеона по старому тракту, казалось бы, более длинным путём? Достоверного ответа на этот вопрос историки не сообщают. Однако, мы уверены, причина в том, что на старом тракте расположено множество святых и памятных мест, посетить которые наши благочестивые предки считали своей обязанностью.

Храм во имя Иоанна Предтечи, город Реж

Юрий КОНЬШИН
Фото Дарьи АЛЕКСЕЕВОЙ

Полвека разлуки – еще не век жизни

Впервые известнейший ныне на Урале хирург, врач высшей категории Калерия Шадрина и полковник в отставке, народный герой Югославии Живко Зиндович встретились пятьдесят шесть лет назад. Потом их жизненные пути разошлись надолго. А теперь вот сидели они рядышком в почетном президиуме Екатеринбургского суворовского училища, и Калерия Анатольевна заново открывала для себя своего супруга. Слушала воспоминания сокурсников и сослуживцев мужа, узнавая и не узнавая его. Слишком много неизвестного рассказали они о его молодости и военной службе, прошедшей, увы, без нее. А послушать действительно было что.

Легенды военного училища

Оказывается, до сих пор о нем в училище ходят целые легенды.

Переполненный зал сияет улыбками, обилием орденов и медалей на парадных мундирах гостей. Но ярче их сверкают глаза курсантов. Они, обычно шумливые, ерзают на отведенных им местах, поглядывая на погоны офицеров: майоров, подполковников, полковников и даже генералов. Вот они, те самые первые выпускники, ныне орденосцы, которых в училище знает каждый. Обычно, передавая друг другу рассказы о мальчишеских еще выходках, а впоследствии и настоящих подвигах первых выпускников, сегодняшние мальчишки-кадеты снисходительно добавляли: «Сказочки, конечно, но ведь интересно...»

Оказывается, далеко не сказочки. Значит, все же прав был пролетарский писатель прошлого века Максим Горький, утверждавший, что в жизни всегда есть место подвигу. Вот сидит подполковник запаса Живко Станимирович Зиндович. Никто из его друзей-товарищей не удивляется странноватому для русского уха его имени-отчеству. Ведь это тот самый, когда-то обездоленный войной сербский мальчишка, которого пытались убить фашисты.

Свою вторую родину он нашел в СССР. Закончив вот это самое училище, стал офицером Советской Армии. Рассказывать о своей судьбе, о себе он не может. Тяжелая операция на горле отняла у него речь. Изъясняется с окружающими лишь жестами. Поэтому говорят другие. Ведь именно о нем в училище ходит немало историй. Причем за каждой из них лежит достоверный случай.

– Мы называли его Аполлоном, – вспоминает бывшее выпускник 1957 года, заслуженный тренер РСФСР по легкой атлетике Владимир Михайлович Щепеткин. – Атлетически сложен, многогранный

спортсмен. Занимался боксом, замечательный бегун. Удивительно, человек «южных кровей», как подшучивали друзья, он отлично ходил на лыжах. Состязаться с ним было непросто. Но в любых соревнованиях, особенно на призы газеты «Уральский рабочий», всем давал фору наш «стержень побед», Зиндович. Отличился, например, на соревнованиях Суворовских училищ всего Советского Союза в Куйбышеве и Воронеже.

Отчаянным был, храбрым парнем. Видите за окнами этого здания дендрологический парк? Однажды вечером Живко возвращался из увольнения. Заметил, как трое хулиганов пытаются затащить в кусты девушку. Курсант не сробел, сильными ударами нокаутировал наглецов. Двоих связал ремнем, третьему завернул за спину руку и обоих отвел в отделение милиции. У дежурного милиционера от удивления глаза округлились. Так что ваши устные предания не лгут.

– Если все его приключения записать, то целая антология получится, – подхватил разговор Николай Андреевич Бахтин, суворовец 1957 года выпуска, на годик моложе Зиндовича. О его храбрости и находчивости, стремлении постоять за справедливость говорить вообще не приходится. – Помню, в переполненном трамвае он заметил, как сосед вытаскивает из сумочки девушки часики. Заметив, что Живко наблюдает за ним, грозно прошептал на ухо: «Ты ничего не видел, понял! Если вякнешь, уделаю...»

– Как не видел?.. Все видел! Верни чужое.

Дылда карманник попытался убежать, но разве от нашего Живко, лучшего легкоатлета и боксера, уйдешь, отобьешься?

– Да, он был настоящим другом и товарищем, – заулыбался в свою очередь профессор Екатеринбургской юридической академии Петр Иванович Савицкий. – Отчаянный до нахальства, влюбчив до безумия. Как-то он «махнул» в самоволку. По-

Юрий Коньшин – ветеран уральской журналистики. Много лет возглавлял собкоровский корпус «Уральского рабочего». Лауреат нескольких журналистских конкурсов и премий.

моему, на встречу с вон той дамой, которая сидит сейчас рядом с ним, – указал он на Калерию Анатольевну Шадрину. – В центре города, у памятника Свердлову, наткнулся на военный патруль... Отвели в комендатуру, откуда, улучив момент, сумел улизнуть. На следующий день патрульный офицер долго ходил перед строем курсантов, вглядываясь в их физиономии. Но ведь даже для опытного глаза 650 бойких пострелов выглядели как родные братья. А история той самоволки имела удивительное продолжение.

Калерия Анатольевна слушала выступающих и вспоминала, вспоминала.

Было это на стадионе «Динамо» в Свердловске, где тренировались юные воспитанники клуба при Доме офицеров Уральского военного округа и Суворовского училища. Глянули они тогда в глаза друг другу, и тепло стало у обоих на душе. Позднее он подарил ей на память фотовизитку – на обратной стороне своего портрета написал: «Я очень уважаю тебя!»

Сейчас он тоже любит писать ей записки. Например, такие: «Маманя! Ты для меня самая дорогая и любимая», «Я горжусь тобой. Ты – молодец! Большое тебе спасибо. Так будет всегда, до конца».

Но их путь к счастью оказался длинным. Растянулся на десятилетия.

Девичьи мечты

В канун нового 1953 года судьба повернулась к свердловской десятикласснице Лере Краевой (сейчас ее величают Калерией Анатольевной) светлой стороной. Ее команда победила в эстафете на приз газеты «Уральский

рабочий». Потом в школу принесли пригласительные билеты – юные воспитанники Суворовского училища звали будущих невест на новогодний вечер. Счастье по жребию улыбнулось самой быстроногой бегунье Лере. Там-то школьнице и приглянулся один из мальчишек-суворовцев, откликнувшись на странное имя – Живко. И фамилия у него была под стать – Зиндович. Красивая шевелюра, юношеские усики, атлетически сложен.

Тянуло к парню, но подойти стеснялась. Беднячкой себя считала. Не было средств на платья, наряды. Отец ушел из семьи. Мать, узнав, что дочь вместо поисков выгодной работы пойдет в «учебную кабалу» мединститута на целых шесть лет, отказала ей в помощи. Семнадцатилетней девчонке пришлось самой добывать деньги на пропитание. Работала ночной няней в одном из детсадов. Какие уж тут ухажеры. Но ведь сердцу не прикажешь. Однажды, видимо, заметив ее пристальный взгляд, Живко улыбнулся ей, пригласил на тур вальса, даже успел шепнуть на ухо несколько ласковых слов. Но ревниво наблюдавшая за ними подруга и одновременно соперница больше не отпускала его от себя ни на шаг...

Вечер пролетел как во сне. А завтра начались будни. Учеба и поиски средств на кусок хлеба. Лишь во снах изредка встречалась студентка с желанным другом. Не могла она тогда знать историю его, тоже непростой, а проще говоря, бедовой жизни.

А маму закололи штыками...

Живко был родом из Югославии. Серб по национальности. Рано познал горе. Шести лет от роду остался круглым сиротой.

Шла Вторая мировая война. Гитлеровские войска захватывали, подминали под себя одно европейское государство за другим. Пала под их натиском и Югославия. Но горы родины Живко оставались непокоренными. Целыми селеньями, семьями уходили сербы в партизаны. Война с захватчиками не прекращалась до самого освобождения страны от фашистов советскими войсками.

Беда подкралась к селению в самый канун освобождения. Отступавшие каратели не щадили ни старого, ни малого. На глазах малыша немецкий танк сровнял с землей тело его раненого отца. Гитлеровцы схватили и мать. Подвесили ее на дерево и кололи штыками «партизанен-муттер» до тех пор, пока смерть не прекратила ее муки. В боях с захватчиками погибли два старших брата Живко. Фашисты могли прикончить и его. Но мальчик сумел спрятаться в зарослях кукурузы. И сидел там несколько суток.

А потом увидел советского война с красной звездой на пилотке. Вылез из укрытия и подошел к нему. Он слышал, что отец и старшие братья мечтали о приходе солдат с красными звездами – братьев-славян. Солдат достал из вещевого мешка и протянул парнишке краюху хлеба, а потом увел с собой. Живко жил в качестве сына полка.

Позднее его, вместе с сотней других сирот, с согласия главнокомандующего Народно-освободительной армии Югославии Иосипа Броз Тито вывезли в СССР. Так он попал в детдом на Урале. Вскоре стал воспитанником Суворовского училища, шефом которого был командующий Уральским военным округом Георгий Константинович Жуков. Он по-отечески опекал суворовцев, часто навещал их, беседовал «за жизнь». Особо выделял «десятку» воспитанников-сербов. Учились они хорошо, занимались спортом. В училище и расцвел спортивный талант Зиндовича. Он дважды становился чемпионом

УралВО по боксу. Однажды, после пяти его побед подряд над опытными соперниками, Георгий Жуков снял со своей руки часы и подарил их молодому спортсмену. Как горевал паренек, когда кто-то из завистников украл у него личный подарок маршала.

Разлука

Жизнь не всегда считается с нашими мечтами и планами. Сыграла свою злую шутку она и на этот раз. Калерия сдала экзамены за десятилетку. Потом – вступительные в мединститут. Было не до встреч. А когда появилась свободная минутка и она стала спрашивать знакомых о курсанте Живко, никто ничего внятного сказать о нем не мог.

Надо было строить свою жизнь. Времена-то крутые. Стипендия всего 22 рубля в месяц. В люди выйти было не в чем. На все про все – выпускная школьная форма. Из нарядов один бантик в косе. Иногда Лера голодала. Ухаживавший за ней парень, курсант авиачулища, зная о тяжелом материальном положении девушки, убедил ее выйти

за него замуж: «Вдвоем перебьемся, хоть голодать не будешь».

Зарегистрировались. Но настоящей семейной жизни не получилось. Муж оказался ревнивым, загульным, «Без тормозов», как говорят в народе. К тому же подкосило его, обозлило на жизнь сокращение армии, под которое он тоже попал. Психовал. Свое раздражение и обиду на судьбу вымещал на семейных. Не раз поднимал на жену руку, не стесняясь даже детей. Он и погиб-то позднее из-за собственного лихачества, в автоаварии.

Словом, семейного счастья у Калерии не получилось. Стоит ли удивляться, что она пыталась узнать у знакомых что-нибудь о Живко, который никак не уходил из ее сердца. И судьба, наконец, смилостивилась. Один из друзей-спортсменов сказал, что после училища его отправили на учебу в Москву, в Военную академию имени М. В. Фрунзе. После нее мотался он по гарнизонам в Армении, Грузии, Германии, на дальнем Севере.

Операция «снежный поход»

О своей военной карьере, о службе в рядах Советской Армии офицер почти никому ничего не рассказывает. Причина тому простая. Служил всегда в горячих точках, выполнял деликатные задания военного командования и правительства – распространяться о них было не положено. Подписку о том давал. Да и сам не маленький.

Вот перед нами благодарственное письмо командующего войсками Краснознаменного Закавказского военного округа генерал-полковника П.Мельникова. От 15 февраля 1973 года. Адресовано оно подполковнику Зиндовичу Живко Станимировичу:

«За умелые и инициативные действия на войсковых учениях «Снежный перевал» в сложных географических и климатических условиях высокогорья зимой и проявленные при этом мужество и стойкость объявляю вам благодарность, – говорится в нем. – Желаю крепкого здоровья и новых успехов в выполнении воинского долга.»

Это были не просто военные учения. А вынужденные. Кавказ и Закавказье всегда были лакомыми кусочками для дальних и ближних недругов нашей страны. Этот удобный плацдарм так и притягивал к себе любителей испытать прочность советских границ.

Провокаций здесь хватало. Особенно в зимнее время, когда метели и бураны превращали высокогорье в непроходимые места. Дипломатические ноты-протесты мало помогали нашим пограничникам. Нужны были более внушительные меры. В качестве одной из них и были предприняты зимние учения приграничных войск. Чтобы и силу показать, и не выйти за рамки разумного. Для выполнения такой акции нужны были опытные боевые командиры. Одного из таких и приглядел себе в рядах офицеров-разведчиков, по нынешнему – спецназовцев, генерал-полковник Мельников.

И не прогадал. Провокаторы прямо-таки ошалели от неожиданности, когда вблизи от их погранзаставы заурчали моторы сразу сорока советских танков. Танкисты под руководством «Чапая-Зиндовича», как потом шутили его соратники, сумели совершить почти невозможное – зимой, в самое непроходимое время, преодолели горные кручи Кавказского хребта.

Долго потом гадали штабисты «условного противника», как это русским удалось: на крыльях, что ли, они прилетели? Зарубежная пресса стоически молчала, потому что наши боевые машины, поднявшись на горные «козырьки» над погранзаставой соседей, ни на дюйм не пересекли государственную границу. Такой безупречной оказалась организация того «снежного похода».

Подобных мирно-боевых заданий Живко Станимировичу довелось выполнить немало, о чем свидетельствуют его многочисленные награды. А еще шрамы-отметины на его теле. Однажды нож самурая целился в его горло. В другой ситуации, уже на Западе, кинжал был направлен под его левую лопатку. Но недаром советский «спецназовец» считался одним из лучших бойцов, владевших различными видами борьбы. Суворовская выучка и закалка не подводили офицера. Словом, служил на «отлично». Что и дало ему право поступить в Академию генерального штаба. Проучился в ней три года. Но был отчислен за то, что осмелился на одном из совещаний выступить против ввода наших войск в Афганистан. В назидание командование отправило его служить именно туда. Там он и служил до вывода наших войск.

Слезы счастья

В отставку Живко Зиндович вышел в звании полковника. На жительство определился в Свердловск, в детстве приютивший и вскормивший его. Здесь и отыскала его в 2004 году Калерия Анатольевна.

... Пять с лишним лет прошло со дня их свадьбы. Радостных, счастливых, хотя и трудных. Двенадцать операций провела «молодожену» жена, избавляя его от многочисленных болячек. Оперировала, конечно, не сама, это делали другие медики. Но выхаживала его жена. Лишь с одной бедой не смогла совладать. Однажды у мужа случился припадок. Врачи определили страшное: сломано основание черепа. Во время срочной операции хирурги вынуждены были разрезать трахею. Спасли больного, но он лишился возможности говорить. Теперь общается со своей верной Лерой с помощью жестов и записочек: «Родненькая, если я тебя потеряю, то потеряю и свою жизнь», «Ма! Всегда буду с тобой, и на том свете с тобой. Твой навсегда. Живко». Заметьте, слова эти пишет не влюбленный юноша, а человек, не раз смотревший смерти в лицо, у которого на кителе светятся боевые награды.

– Я очень счастлива, – говорит и Калерия Анатольевна, что судьба одарила меня на прощание встречей с любимым человеком. Молю Бога, чтобы помог нам пожить вместе как можно дольше.

Андрей КОЗЛОВ
Фото предоставлено автором

«Нёркирдык» – уральские шахматы

Это случилось зимой 1984 – 1985 годов. Сначала всё было как всегда: обсуждали воспоминания Надежды Мандельштам, читали ксерокопированную «Лолиту», декламировали самих себя, шумели, спорили, смеялись... А потом Касимов с Копыловым начали игру в шахматы. Я смотрю и пытаюсь понять, в чем тут авангард, где катарсис, где фишка.

– Лошадью ходи, – пошутил.

– Не подсказывай.

Наступил серьезный мир. Все стало тихо, медленно, скучно, как у Эмиля Золя или в средневековых китайских романах. Такое ощущение, что я в пионерском лагере. После завтрака пришел в уголок настольных игр: шашки, шахматы – выбирай и культурно развивайся.

– Тронул – ходи, – подсказал я Копылову, пытавшемуся переходить.

– Пусть перехаживает, но в последний раз, – согласился сосредоточенный Касимов.

Я решил дождаться случая с битым полем, и Касик тут же воспользовался этим правилом. Копылов минуты две медитировал. Потом слегка недоуменно спросил:

– Это чё ты такое сделал?

– Чё-чё? Битым полем срубил, – Касимов продемонстрировал ход.

– Чё, так можно? – вяло поинтересовался Копылов.

На одесском пляже разразилась бы буря типа:

– Ну ты жлоб!

– Я жлоб? Нет, это ты жлоб!..

Я встрял:

– Да, есть такое правило.

И вновь наступила тишина. Но меня задело.

Следующим вечером я пришёл к Касику с листом ватмана, на котором была изображена новая доска для шахматной игры. Потом появился второй, третий вариант. Все обрадовались. Копылов требовал, чтобы

шахматы были трехмерными, Касимов – чтобы в игру были введены драконы, самолеты, какие-то функции передавались бы по телефону..

А через 23 года, когда мы избавились от нашего старого шифоньера, мне стало жалко выбрасывать гладкие квадратные полки. Подумал, что бы

на них нарисовать? Доски! Шахматные доски... Я стал вспоминать, рыться в своих бумагах. В одной тетрадке сохранился набросок доски.

И началось рождение альтернативных, неформальных, странных и так далее шахмат.

Теперь всё было конкретной. Бизнес-составляющая тоже не казалась фантастической. Вскоре на паре шифоньерных деталей были начертаны доски, я понес их в клуб художников – студию Льва Хабарова «Б-17». Мне подсказали, что делать, выделили акриловых красок. Заинтригованные художники сгрудились вокруг необычного визуального объекта.

– Что это?

– Древнеуральские шахматы. Можно даже играть.

– А как?

– Точно так же, теми же фигурами, с теми же правилами. Только иная, искривленная доска.

Сева Кондрашин предложил название:

– Мань-Пупыг-Нёр-кирдык.

У всех, включая меня, название для новых шахмат вызвало восхищение, но я побоялся, что его сложность смутит публику, и медийная часть нашей задумки одарить человечество новой настольной игрой, к тому же не индийской, как шахматы, не японо-китайской, как го, не кавказской, как нарды, и не венгерской как кубик Рубика, а нашей, российской, и более того, уральской, провалится. Я сократил Севин вариант и окрестил своё детище «Нёркирдык».

29 мая 2008 года состоялся чемпионат мира по нёркирдыку. Чемпионом стал известный художник Леонид Баранов. Уступивший ему в финале худож-

ник Леонид Луговых предложил сделать вариацию Нёркирддыка, посвященную наступающему 2009 году. Идея выпрыгнула сама собой. В слове нанотехнологии «нано» означает как раз «девять». Появилась доска 9 на 9 с девятой пешкой и новой фигурой «дрекслер» (по имени теоретика нанотехнологий), которая ходила как слон и конь одновременно.

В 2009 году в ДС «Урал» прошел турнир по нёркирддыку между Екатеринбург и Уфой. Выиграл Екатеринбург, что было естественным, так как за его сборную играли оба: и Баранов, и Луговых.

На бумаге и даже на дереве появилась уже дюжины вариантов альтернативных досок. И нужно было как-то завершать проект. Исключили те варианты, для которых требовалось больше фигур, чем в обычном шахматном наборе. То есть наношахматы стали неканоническим вариантом нёркирддыка. Исключили все варианты досок с треугольниками и пятиугольниками. В итоге отобрали 36 досок. На одной из них приходится сокращать количество пешек до 7-ми. Самое большое количество клеток – 72, а самое меньшее – 36, как раз на 36-й доске.

На ней мы начертали квадратуру глобуса, так что границы материков и больших островов в целом соответствовали реальному положению. Игровой функции в этом не было: просто играя в такие шахматы в подсознание игрока проникала общая структура ойкумены. Доска стала называться либо «геошахматы», либо «минишахматы». Минимализм тоже символичен. Экологическая проблематика требует экономичности, сбережения: меньше на две пешки, на одного

коня и одной ладьи. Все остальные функции сохранялись, даже рокировка, исчезло, правда, «битое поле», так пешка ходом на одну клетку достигала середины.

Расшифровка «Нёркирддыка»:

Нёр – то же что и «шах», у манси это святая гора. «Кирдык» – по-башкирски «мат» или «смерть».

Нёрикирддык – не просто другая игра на основе шахмат, это по сути 36 новых игр.

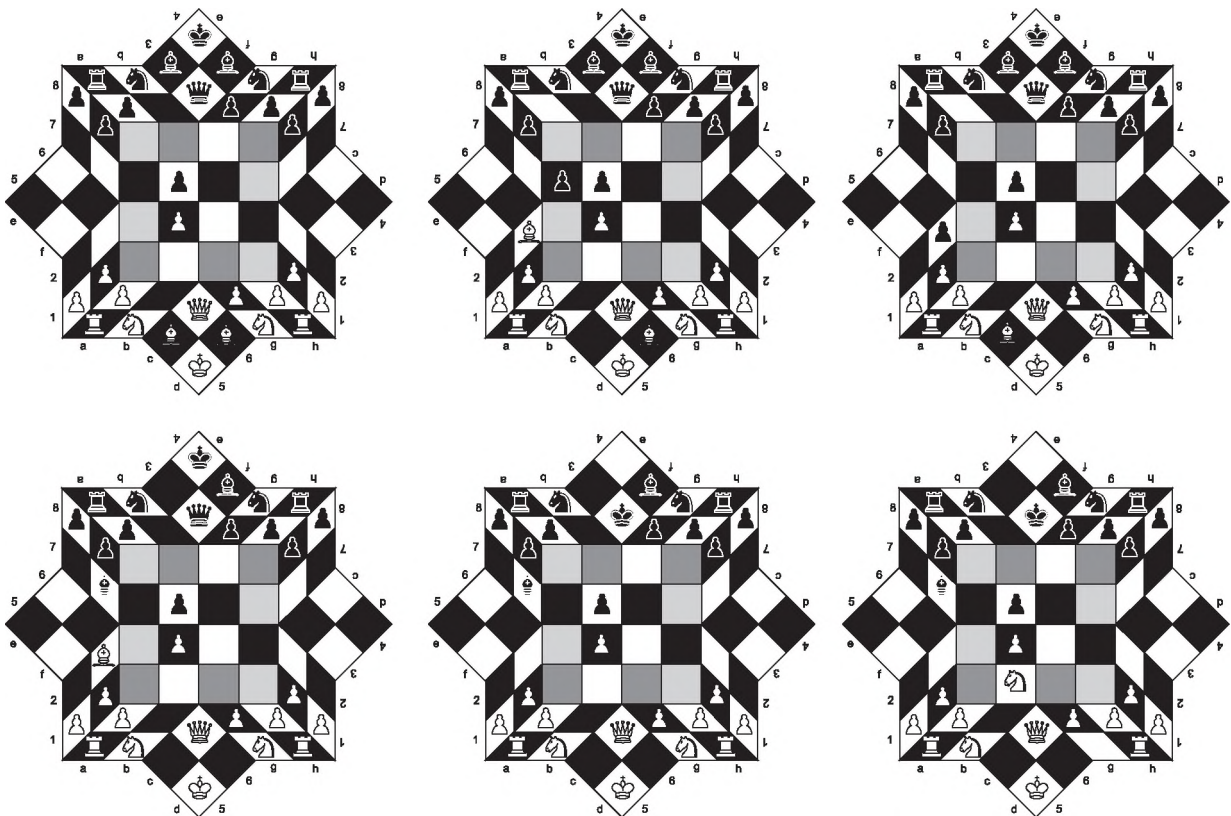
Вся теоретическая база, которая накопилась вокруг простых шахмат, включая компьютерные программы, в нёркирддыке не работает. Тут всё другое. Слоны, например, меняют цвет поля. У коней появляются новые возможности. В некоторых вариантах слон оказывается сильнее не только коня, но ладьи. И конечно же, нёркирддык – ещё и наш, надеюсь, будущий бренд. Чтобы люди мира хотя бы на минутку удивились:

– Опять у этих русских что-то происходит: то революция, то Гагарин. Теперь вот – нёркирддык.

Так что Нёркирддык – ещё и способ привлечения инвестиций, которые нам совсем не помешают.

Но главное – игра. Ведь как говорил великий Хейзинга: «Человек – это homo ludens (человек играющий)».

Для доски с названием «Крепость» показано, как, например, может произойти игра. В шестой позиции мы видим, что белые, срубившие перед этим черного ферзя, сумели защитить конем своего, так что они получили серьезное преимущество и, если не зевнут, то наверняка выиграют. Словом, правила игры в нёркирддык те же, что и в обычных шахматах. Игра завершается после такого «нёра» королю, когда тот не может ни уйти, ни защититься – королю «кирддык».

Экзамен держала наука

Уже к началу Великой Отечественной войны Средний Урал являл собой крупный научный центр. Действовала широкая сеть высших учебных заведений, и, главное, возник, развивался и укреплялся академический центр — Уральский филиал АН СССР (УФАН), размещавшийся в Свердловске. В 1939 г. работали 46 научно-исследовательских институтов, их филиалов и станций. Непосредственно в УФАНе — три института: горно-геологический, метало-физики и металловедения, химический. То есть профиль филиала определился как научно-производственный, призванный ускорять последующее развитие индустриального Урала.

В 1938 г. УФАН возглавил выдающийся металлург И. П. Бардин. В начале 1941-го научные кадры филиала УФАНа составляли около 150 человек. К работе привлекалось 40 совместителей. В научно-исследовательских учреждениях края в целом насчитывались сотни квалифицированных сотрудников.

К началу войны в области работало 13 высших учебных заведений. Значительную их часть составляли технические вузы, имевшие, наряду с университетом, особенно большой научный потенциал. Между научными учреждениями и вузами существовала творческая связь, отлаживалась система координации действий, объединения усилий по оказанию помощи народному хозяйству. Доминирующую роль в этом играла Академия наук СССР и ее Уральский филиал. Активно участвовали в налаживании этой работы Свердловский обком ВКП(б), местные партийные организации. Уже в 1938 г. была создана, приступила к работе и к 1941 году достигла существенных результатов Уральская комплексная экспедиция АН СССР, базировавшаяся в Свердловске и объединявшая около 150 научных со всей страны.

26 октября 1941 г. он собрал около 700 человек. Принятое на митинге обращение к интеллигенции сыграло большую мобилизующую роль. Но основная организационно-политическая работа с учеными проводилась обкомом, горкомом партии в процессе повседневных дел: на оперативных совещаниях по конкретным вопросам, во время посещения партийными работниками научных учреждений, вузов и т.д.

Многие научные работники, преподаватели вузов ушли на фронт. Однако их ряды не уменьшились, а, наоборот, возросли, т.к. в область эвакуировалось большое количество ученых, научных учреждений и вузов. В 1941—1943 гг. в Свердловске находился президиум АН СССР.

Кроме свердловчанина академика Л. Д. Шевякова, здесь трудились академики В. Л. Комаров, Э. В. Брицко, В. А. Обручев, Е. С. Варга и многие другие.

Свердловск и область были до предела насыщены научными учреждениями, вузами, кадрами исследова-

телей. Таким образом, научные возможности региона пришли в соответствие с грандиозными задачами мобилизации и ресурсов на помощь фронту.

Наиболее крупным и характерным для того времени явлением стало создание (август 1941 г.) и деятельность Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны, которую возглавил президент Академии наук страны В. Л. Комаров. Академическая комиссия выполнила ряд чрезвычайно важных работ в области горнорудной, металлургической, угольной промышленности, производства огнеупорных материалов, редких металлов, добычи нефти в новых районах, получения искусственного жидкого топлива и смазочных масел, лесохимических производств, а также усиления транспорта, развития животноводства, обеспечения страны витаминами и т. д. Удалось освоить добычу угля открытым способом в Богословском бассейне. Научные работники Уральского углехимического института за три с половиной года войны открыли на Урале ряд новых месторождений угля. Их работа позволила добывать в области до 6 млн тонн угля в год. Это, в свою очередь, явилось предпосылкой для производства чугуна с добавкой 3—3,5 млн тонн в год.

Ученые института электросварки во главе с академиком Е. О. Патонем внедрили в производство разработанный ими метод автоматической скоростной электросварки под слоем флюса, что стало подлинной революцией в производстве. Многие сотрудники были награждены орденами и медалями, а Е. О. Патону было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В 1943—1944 гг. в УФАНе возникли три новых института. Ученые оказывали помощь 60 предприятиям. Только Институт металлургии во втором полугодии 1941 г. «опекал» 12 крупных заводов, — в том числе Уральский алюминиевый и др. Был освоен выпуск новых материалов и технология их производства. В следующем году под «крышей» института — уже 26 предприятий, включая Уралмаш, Кировский завод (в Челябинске).

Война потребовала большого количества ферросплавов. Особенно дефицитным был феррохром, выплавка которого в электропечах не могла удовлетворять возросшие потребности. За разработку этой проблемы взялась группа ученых во главе с В. В. Михайловым. В результате уральская промышленность получила десятки тысяч тонн доменного феррохрома.

Некоторые результаты исследований имели непосредственный выход на оборону страны. Профессора С. В. Вонсовский и Я. С. Шур, трудившиеся одновременно в Свердловском (ныне Уральском) университете имени А. М. Горького, разработали и внедрили магнитный метод контроля корпусов артиллерийских снарядов. Ученые сконструировали более десятка различных типов контрольных приборов для крупнопоточного производства

боеприпасов и вооружения. Уральскими приборами-дефектоскопами оснащены все заводы страны.

Научная работа в вузах была перестроена, стала более интенсивной. Пересматривались тематические планы, усиливалось внимание к оборонным задачам. Под такие исследования государство выделяло большие финансовые средства. Например, объем научно-исследовательских работ в Свердловском горном институте вырос с 951 тыс. руб. в 1940 г. до 1266 тыс. руб. в 1942 г. Уральский индустриальный (ныне политехнический) институт имени С. М. Кирова, имевший в своем составе более 40 профессоров и 100 доцентов, выполнил свыше 750 научных работ, непосредственно связанных с повышением военного производства. На военную промышленность успешно работали многие коллективы кафедр института. На заводах боеприпасов длительное время не удавалось наладить литейное производство. На помощь пришла группа ученых кафедры литейного производства во главе с профессором А. А. Горшковым. Сотрудники кафедры усовершенствовались, а затем разработали свою оригинальную технологию, которая стала типовой для всех аналогичных заводов. Под руководством профессора П. С. Мамыкина были успешно решены задачи производства огнеупоров из местного сырья. Коллектив кафедры прокатки профессора А.Ф. Головина помог заводам в освоении нужных фронту профилей проката. Профессор института С. Г. Мокрушин со своими сотрудниками дал на вооружение воздушному флоту новое приспособление для обогрева моторов самолета.

С началом войны остро встал вопрос о сырье для производства алюминия. Группа ученых Свердловского горного института во главе с профессором В. Н. Головцыным разработала новый метод разведывательных работ, позволяющий определить залежи бокситов без вскрытия почвы, намного быстрее и с неизмеримо меньшей затратой средств. В условиях суровой зимы 1941/42 г. на лыжах ученые за короткое время исследовали большие площади, на которых обнаружили более двухсот гнезд боксита. Страна получила необходимое количество алюминиевой руды.

Ученые-химики, биологи и медики помогали фармацевтической промышленности, предприятиям, производившим взрывчатые вещества, разрабатывали методы лечения раненых и больных воинов, сами самоотверженно участвовали в их лечении. Благодаря исследованиям кафедры органической химии УИИ и экспериментам на Свердловском фармзаводе группой ученых под руководством профессора И. Я. Постовского, в результате госпитали и больницы стали получать сульфидин, имевший исключительную ценность для лечения воспаления легких, других болезней, дисульфидин, сульфатиазол и другие препараты. Прекрасно потрудились профессоры Свердловского медицинского института Ф. Р. Богданов, В. М. Каратыгин, Б. П. Кушелевский, А. Г. Лидский и др.

Отряд местных ученых в творческом сотрудничестве с коллегами Москвы, Ленинграда и других городов, оказавшихся и находившихся на Среднем Урале от нескольких месяцев до нескольких лет, выдержал предъявленный величайшей в истории человечества войной экзамен.

Юний ГОРБУНОВ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для биобиблиографического словаря)

Г

ГРИВЦОВА Антонина Алексеевна
(См. Горская Антонина)

ГРИГОРОВА Александра Митрофановна, авт. «Записок».

«Записки сестры милосердия 1904-1905 гг.» — «Братская помощь», 1907, № 7,8,9; 1908, № 3-7, 9,12. ИДРДВ. Т.4. Ч.1. № 2055.

ГРИГОРОВА Е.Н., писательница для детей.

Авт. кн. «Христофор Колумб» СПб., 1883 (нес. изд.); «Эдисон: (Биогр. очерк)» М., 1889; «Магомет» М., 1890; «Виллиам Шекспир» (М., 1896); «Рассказы для детей старшего возраста» (М., 1882); «Т.Г.Шевченко. Биография для юношества». М., 1896. (Написаны в соавт. с А.Павловым).

Венгеров. Источ.; РНБ.

ГРИГОРОВА Надежда Афанасьевна (урожд. Бурыйш-кина; 1885 — 1969).

Врач-хирург, антропософка. Была знакома с Р.Штейнером. О ней писал ее брат Павел Бурыйшкін в кн. «Москва купеческая». О ней есть в воспоминаниях М.Н.Жемчужниковой — «Минувшее». Вып.б.М., 1992. С.14.

ГРИГОРОВИЧ Елена Юстиниановна (? 1967), писательница, переводчица.

Художница, член партии соц.-рев. Не она ли (антропософка) упом. в письме В.Ходасевича к Н.Берберовой. См. «Минувшее», вып. 5. М., 1991, с.234, 244. О ней: Н.Берберова. Курсив мой. Мюнхен. Fink, 1972, с.189-190. «Г.А.Лопатин: Воспоминания, 1909-1916» \ \ Воля России. 1928. № 1. С. 47-58.

Диаспора. 1; РРЭВД. 1.

ГРИГОРОВИЧ Нина
(См. Хведчень Н.С.)

ГРИГОРЬЕВ Р.
(См. Лемберг, Р.Г.)

ГРИГОРЬЕВА Валентина
Диаспора. 3.

ГРИГОРЬЕВА И.К.

Слушательница Высших женских курсов в Киеве. Авт. кн. «Суд во Франции при старом порядке по наказам третьего сословия Санского бальежа». Под ред проф. П.Н.Ардашева. Киев, 1914. РНБ.

ГРИГОРЬЕВА Л.

Авт. рассказ. «В весенний день» («Родина». 1916. № 18). М.б. это Орешина Людмила Васильевна (псевд. Григорьева; 1917) см. Масанов. Надо разобраться.

ГРИГОРЬЕВА Маргарита Васильевна, член союза драматических писателей.

Венгеров. Источ.

ГРИГОРЬЕВА О.В., дет. писательница.

Авт. книжек: «Кораллы: Рассказы и сказки для малых детей» СПб., 1897; «Петина тетрадка» СПб., 1910; «Песни сердца. [Стихи]» Вып. 1. Ковна, 1913; «Что было и чего не было: 7 рассказов для детей» СПб., 1919.

Венгеров. Источ.; РНБ.

Продолжение в следующем номере

Владимир СУРЕНКОВ
Фото предоставлено автором

Река и рыбка Железенка

Мое предшкольное детство прошло в Первомайском посёлке, на правом берегу пруда от речки Железенки возле Полевского криолитового завода, на улице Чкалова, 7. Первоначально улица называлась именем учёного – химика Эйселя. Жили в посёлке люди разных национальностей: русские, украинцы, белорусы, башкиры, татары и военнопленные немцы. В то время башкиры и татар называли нацменами, то есть национальное меньшинство.

Это была пора незамутнённого детского сознания, равнозначного чистому листу тетради. Детский разум впитывал всё и вся, как сухой мох влагу.

Так вот, в голодные годы становления Советской власти в город Полевской Свердловской области съехались и высланные, трудолюбивые кулаки, «враги народа», и татары и башкиры из голодающих аулов Среднего и Южного Урала.

Мне несказанно повезло в детстве, так как я услышал много интересных, впечатляющих преданий от башкир и татар. И еще встретился человек, который доходчиво, а самое главное сказочно рассказывал всевозможные байки, связанные с нашим Полевским районом. Из его рассказов я знал, где находится речка Железенка, как строили запруду и отчего ее так называют; где Азов-гора, где Глухарина, Змеиная, Тургояк, Пуп... Также помнятся и страшные рассказы о сталинских лагерях.

Много лет вожу пацанят и девчушек в походы по родным лесам. Стараюсь, чтобы не прерывалась связь поколений между внуками и дедками.

Иной раз ребята – походники говорят: что вы, уважаемый Владимир Николаевич, понаплели нам

про горы, реки и болота. Показывают новые, пахнущие краской, карты для туристов, охотников и рыболовов, где многие названия извращены, то есть придуманы кем-то вместо тех, которые существуют уже три столетия. Вот например: на многих картах написано речка Железянка. А ведь речка-то зовется Железенкой. А железянкой называли у нас печку, изготовленную из бочки, а также печь, в которой жгли серу для производства серной кислоты на

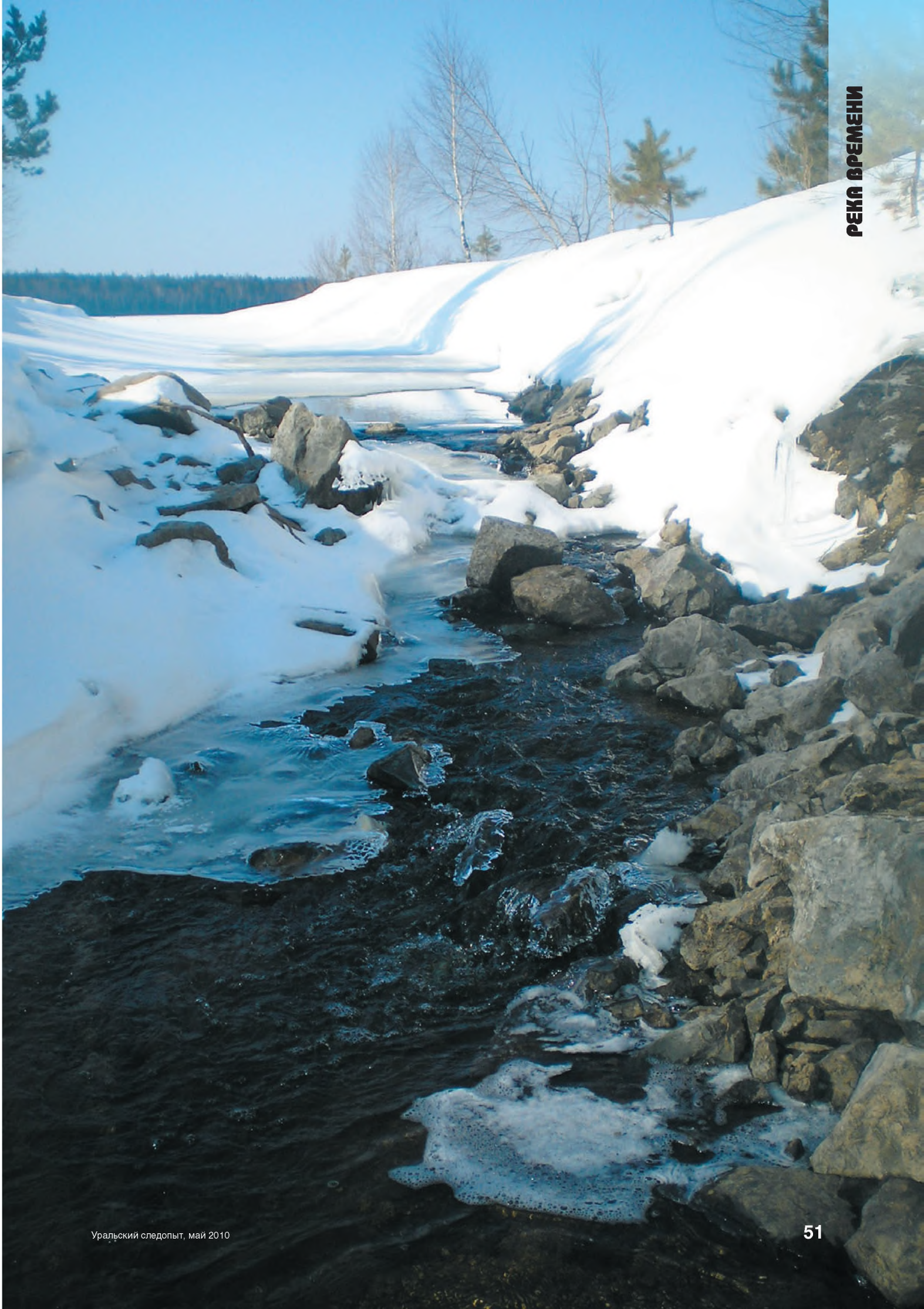
бывшей Змеиной горке. Эту железянку назвали башенным цехом, а в народе – «бешеным» за его ужасно вонючий дымный сернистый газ.

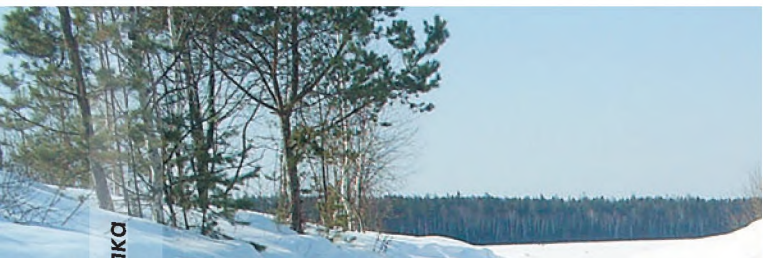
А Железенкой еще называются махонькая рыбка, закованная в броню – треугольной формы, с коротким хвостиком. Она встречается в речках Железенке и Полевой.

Ниже по левому берегу, возле железенских Гумёшек, на мысу находится Кочевой посе-

р. Чусовая и ее притоки в Полевском краю

Краеведческая копилка

РЕКА ВРЕМЕНИ

лок. Позже он стал называться Мысом. Туда бабушка водила меня в засекреченные молельные дома. На новых картах поселение Мыс оказалось возле Штанговой плотины.

С «Первомайки» мы переехали жить в Ленинский поселок. Двухэтажный барак находился рядом с детским садом. Между кладбищем и нашим баракостроили на болоте (это угол Хохрякова и Хрущева, теперь ул. Победы) новый двухэтажный брусчатый дом, откуда и отправился я учиться в школу. Сейчас в здании школы находится туб. диспансер. Так вот: на современных картах то на Паленой горке, то на Барановке, то на Никольской пишут – Ленинский поселок. А ведь даже щепочки не осталось от того посёлка, одна только память. Но он вновь и вновь в разных местах появляется на картах. В хрущевские времена бурно строился рядом с Ленинским поселком – Хрущевский.

Глядя с горы Думной на Азову гору, увидите находящуюся на середине пути Палёную гору. На этой горе быстро строился новый поселок. Уже во время его строительства Хрущёвский поселок стали называть Ленинским. Улицу Хрущёва позже переименовали в улицу 22 съезда КПСС, нынче улица Победы. Заканчивался Хрущёвский поселок возле болота, у Медведевской кузницы (перекрёсток Челюскинцев и Карла Маркса).

Упомянутое болото возле пруда, по словам старожилов, звалось Белым Зыбуном, в котором по преданиям прабабушек и прадедушек, когда-то жил огромных размеров змей Полоз. Когда русские первопоселенцы стали выжигать угодья под пашни, он уполз вниз по речке Полевой в Косой Брод, оставляя в руслах рек свою золотую чешую.

Там, где находится южная больница, во время строительства Нового поселка была Паленая горюшка. В стародавние времена под пашни выжигались поля, потому место так и называлось. На горюшке стояли огромные качели – столб с ремнями для бега и полета, забава для детей.

Западная часть Ленинского посёлка выходила на болотистую часть

старинного, последнего, дореволюционного кладбища. Некоторые памятники там казались мраморным чудом. Однажды увидела меня, любующегося красотой памятников, незнакомая женщина и показала другое чудо. Когда заходило солнышко, мелкозернистый мрамор, если глядеть на него сквозь камень, излучал невероятно нежной голубизны и изумрудной зелени сияние. Понимали старые люди толк в мраморе – камне. Было и такое старинное название мрамора.

За могильником начинался подъем в гору Паленую. Палёная горюшка – это продолжение горы Паленой, но это разные места. По преданиям вершину горы стали выжигать мокрыми осенями для того, чтобы инородцы не могли впопыхай подкрадываться к заводу-крепости. На вершинах гор ставились сторожевые вышки. Если смотровые замечали незваного гостя, то зажигали дымовики, и сообщение принималось на караульной – Думной горе. Первоначально эта гора носила татарское название, затем побывала и Плешивой, и Лысой, и Караульной, и Вознесенкой...

Когда строился Новый поселок, то подъем на вершину горы был порядочно завален землей, а первоначально мы, ребятня, скачивались на санях с вершины до самого могильника.

К западу находилось длинное Бекетово болото с речкой Беке-

тихой. Вёснами Бекетиха была непроходимым местом. Сохранилось фото, на котором я стою с пацанами по грудь в весенней холодной воде.

Леонтий Бекетов был первым комендантом завода-крепости. Рассказывали, как он боролся с набегами башкир и татар на заводское поселение. Затем его перевели в Екатеринбургскую крепость.

На новых современных картах, место откуда начинается в болоте речка Бекетиха и находится гора Бекетова, называется горой Палёной. Так, глядишь, скоро и гору Азов назовут Плешивой, ибо она этого уже заслуживает, и перенесут на другое место.

Пройдя Бекетово болото по подолу Бекетихи горы на запад, начнем подъем на гору Тураниху. Когда Павла Петровича Бажова сопровождали на Азов-гору, то отсняли фото на перевале Туранихи. Гора замечательная тем, что вершина ее находится в огромной яме, где с востока есть срез – глядельце. По байкам стариков, там отдыхает горный Батюшка, кому попало не показывается.

За перевалом находится урочище Церковник. Это район впадения ручейка Церковки в речку Полевою. В старые времена здесь были открыты залежи золотоносного песка. Церковь скупила землю и стала сдавать участки добытчикам. Дело заглохло, а памятка осталась.

Полевская округа. Слева – автор

Нина ЕРОФЕЕВА

Фото предоставлено автором

«Какой госпиталь!

Будем лечиться на месте»

(Маршал Жуков в зеркале медицины)

О Георгии Константиновиче Жукове, нашем выдающемся полководце, четырежды Герое Советского Союза, – можно рассказывать бесконечно.

Мне посчастливилось прикоснуться к этой удивительной личности, работая над телесериалом, который в связи с 50-летием Победы и 100-летием легендарного маршала, почти в течение десяти лет шел по Свердловскому областному и Центральному телевидению. Я познакомилась с фронтовыми друзьями Георгия Константиновича, с его сослуживцами в послевоенные годы, с дочерьми, с земляками. Благодаря этим встречам вырисовался сильный и светлый образ истинного сына Отечества, воплотившего в себе наши лучшие национальные черты: стойкость, силу духа, самоотверженность, верность слову, долгу, дружбе, преданность Родине.

Тему здоровья Жукова, его отношения с медициной я до сих пор никогда не поднимала. Хотя как можно отделять одно от другого? Прописная истина: в здоровом теле – здоровый дух.

Его сравнивали со святым Георгием Победоносцем, повергшем змея, с былинными богатырями. Он и впрямь был богатырского здоровья от рождения. Дед маршала Артем славился своей физической силой по всей округе. Он мог подлезть под лошадь, поднять ее и перенести на другое место. В одиночку пилил, валил дубы в лесу. Мать Георгия Константиновича Устинья Артемовна легко поднимала пятипудовые мешки с зерном, грузила их на телеги, чем и зарабатывала на жизнь.

Семья жила очень бедно. Большая радость была у Егора и его сестры, когда отец-сапожник или мать привозили им по баранке или прянику. А что поддерживало растущий организм? Родная земля. Она поила его своими соками. Сколько потом больших и малых

Маршал Жуков в УралВО

городов и сел пройдет он дорогами четырех войн, сколько тысяч названий русских и иноземных населенных пунктов вберет в свою память, но эта малая точка на карте (и то далеко не всякой) – старинная деревня Стрелковка на 106-м километре от столицы, до конца его дней будет пульсировать каплей живой крови, давшей ему жизнь.

В августе 1915 года Егор Жуков был призван в армию. Первая мировая война была уже в полном разгаре. Призывная комиссия сразу выделила его крепкую, мускулистую фигуру и определила в кавалерию к большой радости новобранца. Так началась ратная служба Георгия Константиновича, которая стала его судьбой, делом всей его жизни. Многокилометровые маршброски, землянки, осклизлые окопы, засады в снегу, изнурительная строевая подготовка, в кровь стертые ноги во время обучения конной езде, вольтижировка, владение холодным оружием – все тяготы военной жизни он стоически вынес. Но в октябре 1916 года, находясь с товарищами в головном дозоре, подорвался на mine. Двоих тяжело ранило, а Жукова выбросило из седла взрывной волной. Очнулся через сутки в госпитале. Два месяца находился на излечении в Харькове. За тяжелое ранение и захват в плен немецкого офицера был награжден двумя Георгиевскими крестами.

Нина Павловна Ерофеева – тележурналист. Заслуженный работник культуры РФ (1976 г.), член Союза журналистов России. Окончила Уральский госуниверситет. Работала в Свердловском комитете по телевидению и радиовещанию корреспондентом, редактором, главным редактором. Автор телевизионных циклов, показанных по местному и центральному телевидению: «Все для победы» (1975 – 1985 гг.), «Маршал Жуков. Неизвестные страницы биографии» (1986 – 1996 гг.), «Разведчик Николай Кузнецов» и других. Автор книги «Щедрое сердце Маршала» (1996 г.) и др. Одна из инициаторов строительства памятника Жукову в Екатеринбурге, член правления Фонда Маршала Г.К. Жукова.

В следующий раз Георгий Константинович попал в руки эскалапов в феврале 1918 года в родных местах, где он, вернувшись с империалистической, готовился вступить в Красную гвардию. По всей стране свирепствовал тогда тиф. Не пощадил он и Жукова, Мало того, через два месяца Георгий Константинович заболел возвратным тифом. Лечил его удивительный врач-подвижник Николай Васильевич Всесвятский. Выпускник Киевского медицинского университета, он в 1905 году вместе с молодой супругой решил переехать из Москвы в село Угодский Завод (теперь город Жуков) и на свои средства построить здесь больницу.

Когда хлынул поток раненых солдат с фронтов Первой мировой войны, семья Всесвятских переселилась в тесную квартиру, отдав свой дом под больничные палаты. В 1918 – 1919 годах Николай Васильевич самоотверженно боролся с эпидемией сыпного тифа и вновь отдал свой дом для размещения больных. Более 200 человек спас доктор Всесвятский, и в их числе – будущего великого полководца. Но сам Николай Васильевич, заразившись тифом, скончался. С большими почестями он был похоронен в Угодском Заводе. Георгий Константинович Жуков очень гордился своими земляками и на всю жизнь сохранил благодарную память о семье Всесвятских.

Оправившись от болезни, Жуков вступает добровольцем в ряды Красной Армии, участвует в сабельных боях на Восточном фронте, затем под Царицыном... Он был мужественным солдатом, никогда не прятался за спины товарищей. Во время рукопашной схватки возле Ахтубы его ранило ручной гранатой. Осколки глубоко врезались в левую ногу и левый бок. «Я был эвакуирован в лазарет, где еще раз переболел тифом, – писал в своей книге Георгий Константинович. - Из лазарета вышел крайне ослабленным и получил месячный отпуск на восстановление здоровья».

Не прошло и месяца, как Жуков явился в военкомат с просьбой направить в действующую армию. Его пожалели и поручили какое-то время заниматься с курсантами

Жуков во время учений в УралВО

владением холодным оружием. Но уже вскоре он участвовал в жестоких боях в Северной Таврии и шел во главе взвода в штыковую атаку. Он не щадил себя, да и суровая армейская жизнь не позволяла это делать.

В Великую Отечественную войну Георгий Константинович вступил сорокапятилетним, полным сил.

Война 1941 – 1945 годов – одна из самых жестоких, какие знало человечество, стала тяжелейшим испытанием для всего народа. А Жукову суждено было оказаться в эпицентре этой борьбы. Это его назовут Маршалом Победы, полководцем полководцев. А задумывались ли мы, как дались ему четыре долгих года войны? Ты-

сячи километров фронтовых дорог под бомбежками, походный быт, систематическое недосыпание, колоссальные умственные усилия при разработке стратегических планов операций, ответственность за судьбу армии и страны, раскаленные от нервного напряжения разговоры со Ставкой, с командующими армиями и фронтами ...

Осенью и зимой 41-го во время битвы под Москвой ему приходилось по нескольку ночей обходиться без сна. Личный шофер маршала Александр Николаевич Бучин рассказывал мне, что работоспособность Жуков поддерживал чашкой крепкого кофе. Когда совсем закрывались глаза, выходил на воздух, делал энергичные движения,

С тружениками села Зайково Ирбитского района

Жуков на Ялтинской конференции

пробежки, обтирался снегом или холодной водой. Обнаружив при штабе фронта конюшню, выбрал для себя лошадку. Ловко вскочит в седло, проедется, освежится – и дальше работать.

Л.Ф. Минюк (он был у Георгия Константиновича старшим генерал-адъютантом) пишет: «У Жукова была одна примечательная особенность: умел спать, слушать и думать в одно и то же время. В дни войны эта удивительная способность как нельзя лучше пригодилась. Я был свидетелем, как Жуков спящим слушал донесения Сталину, делал в них свои коррективы, затем снова слушал и подписывал. Однажды я спросил, как это ему удается. Он ответил: «Война научит всему, а она уже четвертая за моей спиной».

Как-то в середине декабря 41-го Жуков, отличавшийся железной дисциплиной, к величайшему удивлению сослуживцев, не проснулся в назначенный им час. В это время позвонил из Ставки Сталин. Начальник штаба генерал-лейтенант В.Д. Соколовский, волнуясь, докладывает Верховному, что никто разбудить Жукова не может. «Не будите его, пусть отоспится», – сказал Сталин, не допуская обычно ни-

каких снисхождений. До конца войны таких случаев больше не было.

Нервное, физическое, умственное переутомление, питание урывками - все это не могло не сказаться. Могучий организм стал порой сдавать. Его видели усталым, озабоченным, но никогда подавленным, растерянным. И чем острее, опаснее была ситуация на фронте, тем собраннее, энергичнее становился Жуков.

А этот эпизод поведал Н.Х. Бедов, начальник охраны Г.К. Жукова: «Как сейчас помню день 11 июня 1943 года на Курской дуге. Прежде чем отдать приказ Ставки Брянскому фронту о наступлении, Жуков приехал к месту намеченного удара. Машину оставили в леске. Далее он пошел пешком с командующим фронтом М.М. Поповым. Уже у самой передовой

Маршал с уральской делегацией на съезде в Москве

сказал: «Теперь вы останетесь, а я один... Ему надо было убедиться, что местность для рывка танков выбрана без ошибки. Пополз. Я за ним. У нейтральной полосы вдруг начали рваться мины. Одна разорвалась в 4-х метрах, к счастью, осколки верхом пошли. Но взрывом нас сильно потрянуло – мы оба были контужены. Профессор

сказал, что надо лечь в госпиталь. «Какой госпиталь! Будем лечиться на месте», – ответил Жуков».

Кто же следил за здоровьем Жукова в годы войны?

Многие, наверное, помнят кадры кинохроники - их часто повторяют, – где Георгий Константинович 2 мая 1945 года осматривает поверженный Берлин. Возле рейхстага с ним группа военных и молодая женщина - тоненькая, стройная, в черном берете и шинельке, с саквояжем в руках. В нем непременно аптечка. Это Лида Захарова, военфельдшер, дослужившаяся за войну до звания лейтенанта медицинской службы. Она была прикомандирована к Жукову в самые мрачные дни битвы за Москву. Была неотлучно рядом со своим непоседливым пациентом даже на передовой... Робкая, застенчивая Лидочка положительно терялась, когда занятый по горло генерал сурово от-

махивался от ее забот. Но к кому, как не к ней, обращался громкий и грозный Жуков, когда нестерпимо ныла нога или болело контуженное ухо? Георгий Константинович очень доверял Лидии Захаровой – иначе она бы не прослужила у него целых семь лет.

В нашей истории, пожалуй, нет человека, имеющего столько ратных заслуг перед Родиной и ставшего одним из самых любимых народных героев, и в то же время подвергавшегося не просто гонениям, а жесточайшей целенаправленной травле. Авторитет Жукова в нашей стране и во всем мире был настолько велик, что это вызывало у многих жгучую зависть и ревность. Талантливая, сильная, не-

зависимая личность представлялась опасной верховной власти. В 1946 году его снимают со всех высоких должностей и отправляют командовать Одесским военным округом. Можно представить себе переживания человека, столько сделавшего для Победы. Но он не дал волю амбициям, обидам захлестнуть себя. Стоически принял новое назначение,

хотя это было унижительное, оскорбительное понижение в должности.

Однако и в Одессе береиевская служба не оставляет Жукова в покое. Ему предъявляют новые нелепые обвинения и освобождают от обязанностей командующего Одесским военным округом. От брошенных к тому времени в застенки генералов из близкого окружения Жукова выбивали показания, компрометирующие маршала. Вот тогда сердце Георгия Константиновича не выдержало: в январе 1948 года у Жукова случился инфаркт миокарда, и он был экстренно госпитализирован.

Любой мало-мальски грамотный врач вряд ли рискнул бы отправить на работу человека, три недели назад перенесшего такое серьезное заболевание. А Жукова, едва начавшего вставать с постели, поспешили «выпихнуть» из Москвы. В начале февраля его вызвал к себе министр Вооруженных Сил Н.А. Булганин и вручил приказ о назначении на должность командующего войсками Уральского военного округа, добавив при этом: «Даю вам на сборы два-три дня. Дочлечитесь на месте».

Когда Жуков явился в штаб УрВО, в комнате отдыха, примыкающей к рабочему кабинету, он увидел застекленный медицинский шкаф, который из лучших побуждений заботливые уральцы укомплектовали различными лекарствами.

«Это что за аптека? – удивился Георгий Константинович. И, повернувшись к сопровождавшему его порученцу, приказал: – Все это немедленно убрать! Я приехал сюда не лечиться, а командовать округом». Полковник медицинской службы в отставке, профессор, доктор медицинских наук Александр Васильевич Лирман рассказал мне о своих встречах с Георгием Константиновичем Жуковым в это время.

В 1948 году он был врачом-терапевтом Окружного военного госпиталя. Однажды получил приказ срочно выехать на станцию Агарза под Красноуфимском. Там проводились учения, и у маршала возникли за грудиной боли, требовалось срочно снять ЭКГ. – Я взял электрокардио-граф (тогда это был

На полевых учениях в УралВО

довольно громоздкий аппарат в двух металлических коробках), – вспоминает Лирман, – и на маленьком ПО-2 вылетел из Уктусского аэродрома.

Погода была ужасная, шел проливной дождь, низко висели облака. Но мы долетели благополучно благодаря мастерству пилота.

Маршал находился в специальном вагоне, который полагался командующим. Я снял ЭКГ, она оказалась неплохой, подозрение на инфаркт не подтвердилось, хотя по всем клиническим симптомам имел место приступ стенокардии. Я ожидал, естественно, от своего пациента вопросов о состоянии его здоровья. А он вместо этого вдруг говорит: «Алек-

сандр Васильевич, как вы могли позволить себе вылететь в такую погоду? Риск был слишком велик. Больше так никогда не делайте!»

На следующий день прилетел главный терапевт Советской Армии профессор Поспелов. Он согласился с нашим заключением. Через день мы разрешили Георгию Константиновичу выйти из вагона. Но при этом я предупредил, что спускаться с подножки нужно не торопясь, постепенно. И вот смотрим: наш пациент, обычно такой крутой, стремительный, неукоснительно следуя нашим советам, осторожно ставит одну ногу, другую... Мы оценили это как уважение к нам, нашему мнению.

На полевых учениях в УралВО

На полевых учениях в УралВО

Другая встреча с медиками в Свердловске стала для Жукова поворотом в судьбе.

Галина Александровна Семенова работала в окружном госпитале после окончания Казанского мединститута. Их знакомство произошло, когда Георгий Константинович был нездоров. Галина Александровна вместе с заведующим отделением в течение двух недель оказывала ему помощь.

...С младшей дочерью маршала Марией Георгиевной в один из ее приездов в Свердловск мы пришли в гости к Тамаре Михайловне Лапиной - невропатологу, кандидату медицинских наук, любимой подруге Галины Александровны.

«Гая была необыкновенным человеком: интеллигентная, умная, доброжелательная, – Тамара Михайловна рассказывает не столько для меня, сколько для Маши, чтобы оживить в ее памяти образ матери, которую та потеряла в 17 лет. – Но она была еще и очаровательная женщина ...»

Маша с волнением рассматривает старые фотографии, где ее мама - молодая, красивая: «Папа пишет в своем дневнике, что он тогда довольно тяжело заболел. И пока ему было плохо, он на маму никакого внимания не обращал. А когда стало лучше, он начал любоваться ею, расспрашивал, что у нее интересы. Папа пишет, что больше всего его поразила мамина застенчивость и скромность. Особенно ему запали в душу ее теплые зеленые, немного грустные глаза».

«Да, – подтверждает Тамара Михайловна. – А потом в качестве военного врача Галина Александровна выезжала на командные учения. И там они с Георгием Константиновичем встречались уже ежедневно: и на служебных совещаниях, и за обеденным столом. И здесь начало зарождаться то, что потом выросло в большую любовь. Думаю, что сначала в основе этого чувства лежало преклонение. Это же были первые послевоенные годы, все еще было свежо, и при имени Жукова у людей

от восторга, благодарности дыхание перехватывало».

Жуковым восхищались не только женщины, но и сослуживцы - его умом, точностью мысли, командирским голосом, волевым мужественным лицом, могучей стройной фигурой. Жуков был коренаст, крепок, мускулист, твердо стоял на ногах... Прекрасную фигуру, осанку он сохранял долгие годы благодаря постоянным занятиям спортом. Начальник охраны Жукова в пору его командования Уральским военным округом А.М. Гриднев рассказывал мне о спортивном распорядке дня маршала. «Два, а иногда три раза в день Георгий Константинович делал гимнастику. После утренней зарядки обязательно принимал холодный душ. Очень любил «побаловаться» с полуторапудовой гирей. На открытой веранде у него всегда лежали гантели. Зимой мы частенько ходили на лыжах, иногда, надев коньки, ходили на ближайший стадион пионеров и школьников и катались вместе с ребятами. Летом Жуков любил плавать на озере Балтым, где располагалась его дача, чередуя мелкие пробежки со спортивной ходьбой, переноса и бросая на дальность камни. Не забывал о своей любимой верховой езде, а один раз в неделю занимался стрельбой на стенде или в тире».

Физическую подготовку и развитие спорта среди военнослужащих Жуков считал одним из главных условий боеготовности армии. Взять хотя бы тот же Уральский военный округ. Только благодаря вниманию и заботам легендарного маршала армейский спорт здесь по-настоящему набрал силу и вышел на всесоюзную и даже международную арену. По его инициативе был учрежден первый спортивный клуб армии, вырастивший замечательных спортсменов с мировыми именами.

Жуков был всю жизнь страстный охотник и рыбак. Эти занятия он предпочитал любому другому времяпрепровождению, даже, к примеру, новогоднему застолью. Он был умерен и неприсотлив в еде. Повар командующего УрВО Василий Евдокимович Жуков (однофамилец!) рассказывал мне: «Пищу любил простую,

натуральную: суп из сушеных грибов, щи с сахарной косточкой, бифштекс с кровью, сочный... Уток набьет на охоте, я их ощиплю и приготовлю. Рыбу жареную уважал, но только целиком, не кусками. Очень ягоды любил: малину, землянику. А еще моченые яблоки - ароматные, холодные.

Вот чего-чего, а вина на стол я не ставил в будние дни никогда. Угостить он любил, и тогда за компанию одну-две рюмочки хорошего вина выпьет. Крепкие напитки вообще были исключены. Ни пьяным, ни навеселе, боже сохрани, никогда его не видел».

В марте 1953 года маршал покинул Свердловск. Отбыв срок ссылки, он был вызван в Москву и получил назначение заместителем министра, а затем министром обороны. Галину Александровну приняли на работу в госпиталь Бурденко. Они продолжали встречаться, хотя Георгий Константинович был несвободен, и, значит, была страдающая сторона. Их отношения, которые стали очевидными не только для близких, осудил как аморальные лично Н.С. Хрущев на Президиуме ЦК партии - ни больше ни меньше. Жукову грозили лишением партбилета. Галину Александровну, беременную, вызывали «на ковер» в Главное политическое управление армии. Но ничто не могло помешать появлению на свет Маши в июне 1957 года.

Через несколько месяцев Октябрьский Пленум, инкриминировав маршалу недооценку политической работы в армии, вывел его из состава ЦК и снял с должности министра обороны. Полный творческих сил, энергии, Жуков был отстранен от политической, общественной, военной деятельности. Теперь навсегда. Что помогло тогда ему выжить? Конечно, необычайная сила воли. А еще поздняя любовь и маленькое беспомощное существо, от которого шло такое живительное тепло.

Летом 1965 года по предложению издательства АПН он начал работу над книгой «Воспоминания и размышления», которая захватила его целиком и дала возможность почувствовать свою нужность.

Г.К. Жуков в годы службы на Урале

Галина Александровна все эти годы работала в госпитале. Она была врачом по призванию и не мыслила жизни без своих пациентов, коллег.

А между тем саму ее подстерегал тяжелый недуг. В декабре 1967 года ей сделали операцию. Георгию Константиновичу сказали, что у нее рак. Через 12 дней у него случился инсульт с поражением органов движения, речи, воспаление тройничного нерва.

Невиданное напряжение четырех лет войны, несправедливое, жестокое наказание властей, отлу-

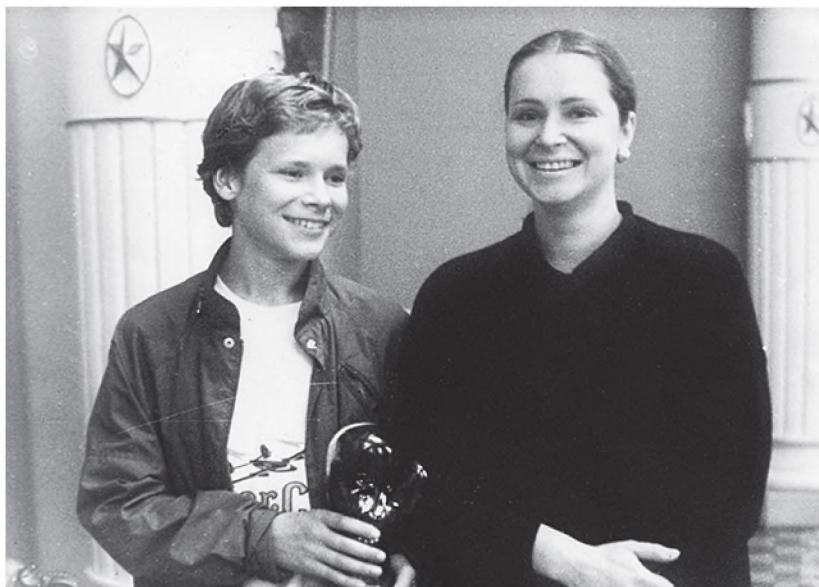
чение от армии, трудоемкая работа над мемуарами, изнурительная борьба за правду о войне и, как завершающий удар, болезнь жены – все это не могло не сказаться на здоровье маршала. Мощный организм не выдержал.

Мария Георгиевна Жукова рассказывает: «В те дни, когда жизнь папы висела буквально на волоске, мама решилась на отчаянный шаг. После тяжелейшей операции, оставившей ее, сорокалетнюю женщину, инвалидом, еле-еле держась на ногах, она приехала в больницу к отцу. Хотела показать ему, что почти здорова. Страстно желала подбодрить его, вдохнуть в него угасавшую на глазах жизнь. После этого мамин подвиг началось папино медленное выздоровление».

Речь и память вернулись быстро, а ходить без посторонней помощи он не мог. Начальник 4-го управления Минздрава СССР Е.И. Чазов следил за курсом лечения Жукова. Врачи разных специальностей, в том числе главный терапевт госпиталя М. Бурденко генерал-майор медицинской службы Г.К. Алексеев, постоянно наблюдали его на подмосковной даче в Сосновке после выписки из больницы. Из Токио был приглашен крупный специалист по иглоукалыванию Акабе. Массаж, тренажи, лечебная гимнастика занимали теперь большую часть его дня. Все предписания врачей Жуков выполнял неукосни-

Маршал с офицерами УралВО

Дочь маршала Мария и внук Егор

тельно: разрабатывал руку, преодолевая боль, упорно ходил. По общему мнению специалистов, только благодаря исключительному мужеству и упорству он смог вернуться к жизни и работе над книгой.

Анна Давыдовна Миркина – редактор книги «Воспоминания и размышления», ставшая другом семьи Жуковых, вспоминает о том периоде: «Его редкая память на факты, имена, события ничуть не пострадала и буквально нас поражала.

В один из весенних дней к нему на дачу в Сосновку приехали врачи: создали большой консилиум, который должен был наметить курс дальнейшего лечения маршала. Приглашены академик Чазов, ака-

демики АМН Арутюнов и Шмидт, а также два известных профессора из Франции - нейрохирург Жерар Гийо и невропатолог Пьер Рондо. Профессор Гийо - ученый с мировым именем - возглавлял в течение 30 лет нейрохирургическое отделение в одном из известных парижских госпиталей.

Георгий Константинович сидел в своем кресле у письменного стола. Е.И. Чазов представляет присутствующих Жукову, начиная с французов. Неожиданно профессор Гийо, стремительно приблизившись к маршалу, преклонил колено и почтительно опустив голову, сказал: «Приветствую освободителя Европы от фашизма!»

Начался консилиум. Он продолжался с 12 до 16 часов. Профессор Жерар Гийо предложил Георгию Константиновичу несколько тестов. Он спокойно отвечал, однако не на все тесты смог сразу ответить – это его очень огорчило. Лицо его стало напряженным, покрылось пятнами. Его успокаивали, но он вновь и вновь принимался за решение задачи, пока не выполнил то, что от него требовалось. Только тогда успокоился.

Удалившись в другую комнату, консилиум принял решение: операция тройничного нерва, которую предлагали некоторые наши нейрохирурги, учитывая специфику заболевания, возраст больного, нецелесообразна. Был предложен новый курс терапевтического лечения.

Георгию Константиновичу необходимо было отдохнуть - доктора вышли в сад.

Жуков произвел на них очень сильное впечатление... «Он мудрый, остроумный, у него прекрасная память. Он - великий человек» - заметил Ж. Гийо».

Последние полтора года жизни Георгий Константинович продолжал работать над вторым изданием книги.

«Боли лица и головы у меня постоянные. Представьте себе, как удаляют здоровый зуб без обезболивания. У меня боли сильнее», - поделился Жуков со своим старым сослуживцем по Халхин-Голу М.Ф. Воронниковым.

- Зачем же вы перегружаете себя работой, куда смотрят врачи?

- Когда работаешь, как-то отвлекаешься, а поддайся болезни, считай, совсем пропал. Натура у меня такая: за что взялся - не могу бросить, пока не закончу!»

Все хуже и хуже становилось Галине Александровне. 13 ноября 1973 года ее не стало. Ей было всего 47 лет. Георгий Константинович смог присутствовать только на гражданской панихиде в Кунцевской больнице.

Жуков пережил ее только на полгода. Потеря горячо любимой жены ускорила его смерть на 78-м году жизни.

Жуков на первомайском параде на площади 1905 года в Свердловске

Денис ЩЕРБИНА
Фото Татьяны КЛЕМЕНТЬЕВОЙ

Последний «адрес» графини Стенбок-Фермор

В сентябре 2008 года жительница Новоуральска Татьяна Клементьева, находясь в Санкт-Петербурге, посетила Смоленское кладбище. Среди захоронений она обнаружила могилы графини Стенбок-Фермор и её родных.

Надежда Алексеевна Стенбок-Фермор входила в элиту петербургской придворной знати. Её род заявил о себе в 1769 году, когда Прокопий Демидов продал Савве Яковлеву Невьянский, Быньговский, Шуралинский, Верхне-Тагильский заводы со всеми прилежащими к ним фабриками, рудниками и пристанями. После смерти Саввы все это состояние отошло его вдове, которая в 1788 году продала заводы своему сыну коллежскому советнику Ивану Саввичу Яковлеву. Затем владеть заводами стал гвардии корнет Алексей Иванович Яковлев. К тому времени империя заводчиков разрослась. В их владения вошли Верх-Исетский, Верх-Нейвинский, Режевской, Сылвинский и Саргинский заводы. В 1849 году умирает Алексей Яковлев, и вот тогда владеть заводами стала его дочь графиня Надежда Алексеевна Стенбок-Фермор.

Династия заводчиков Яковлевых считалась одной из богатейших в России. Они владели двумя десятками заводов в разных губерниях, но прежде всего на Урале. Когда в 1897-м графиня скончалась, она оставила своим детям более 20 млн рублей чистого капитала и процветающий заводской округ. Центром этого хозяйства был Верх-Исетский завод.

Графиню-миллионершу похоронили на старейшем городском кладбище Васильевского острова Санкт-Петербурга, в его южной части, недалеко от храма. Надгробие представляет собой мраморный саркофаг на точеных ножках, в осно-

Графиня Н.А. Стенбок - Фермор
(урожденная Яковлева)

вании которого установлен постамент из красного гранита, стоящий на каменном фундаменте. По углам

саркофага высечены головки херувимов, а все четыре стороны украшены текстами из Нового Завета. По всему периметру вырезан выщипанный плющ. Верхняя часть надгробия украшена розами и пионами, соцветия которых символизируют кратковременность радостей жизни, кончающейся так же быстро, как опадают их лепестки. За надгробием с восточной стороны возвышается восьмиконечный крест из серого мрамора. На центральной перекладине креста высечена надпись: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем». В центре этой перекладины имеется отверстие, служившее ранее местом для лампадки-фонарика. Четко читается надпись: «Графиня Стенбок-Фермор рожд. Яковлева. Родилась 5 января 1815 года. Скончалась 3 октября 1897 года».

За надгробием графини находится склеп-усыпальница ее матери Марии Васильевны Яковлевой. Это уменьшенное строение античного храма, в основании которого находится склеп-камера, выложенная из дикого камня. Она закрыта тремя массивными плитами из красного гранита, на которых установлен мраморный монумент. Фасад усыпальницы имеет арочный свод с высеченными в растительном орнаменте рисунками. Монумент оканчивается скатной крышей, под которой в центре изображены парящие на крыльях песочные часы, символизирующие скоротечность земного бытия. По бокам над карнизами – перевернутые факелы, символы угасания. В данном случае они обозначают бренность земной жизни.

По обе стороны свода стоят колонны, по две с каждой стороны. На этих колоннах установлена верхняя часть монумента. В самом центре под аркой – усеченный столб с над-

писью: «Мария Васильевна Яковлева супруга Гвардии Корнета и Кавалера, скончавшаяся 1826 года октября 8 на

45 году от рождения». Колонна представляет собой древний античный алтарь. Вход в этот символический храм закрыт металлической оградой с пикообразным завершением. Надпись на восточной стороне монумента гласит: «Супруге-другу».

К северу от могилы графини Стенбок-Фермор находится удивительный по своей форме надгробный памятник сыну графини графу Александру Александровичу. На красных гранитных плитах установлены массивные блоки, изображающие подобие пещеры-гота. Над пещерой в центре высечено изображение потира (евхаристической чаши). По бокам высечены тексты из Священного Писания. В центральной части ансамбля, под сенью гота, помещён беломраморный саркофаг на постаменте из чёрного мрамора в форме, напоминающей книгу. Вероятнее всего, это Библия. Верхняя часть саркофага украшена восьмиконечным крестом. В нижней части памятника можно прочесть надпись: «Александр Александрович граф Стенбок-Фермор, родился 6 ноября 1838 года, скончался 31 августа 1871 года».

Из этого описания складывается более полная, уточняющая даты, история рода Яковлевых и Стенбок-Фермор.

Татьяна НЕМШАНОВА
 Фото предоставлено автором

История двух семей в пламени войны

К счастью, о Великой Отечественной войне наше поколение знает лишь из рассказов родственников, родителей, бабушек, по книгам и фильмам.

Рассказы очевидцев проливают свет на отдельные факты, уходящие из поля зрения литераторов и историков. А время не ждёт. Ветеранов становится всё меньше и меньше...

На Южном Урале

Нина Фёдоровна Малькова (Сивухова) и её семь сестёр и братьев войну пережили дома - в Челябинской области на Южном Урале. Жилось тяжело, но с голоду не умерли. Не считаясь с изматывающей усталостью, много работали: засеивали необъятное поле картофелем, держали корову, овец, но молока и мяса не видели - всё без остатка сдавали для фронта. Питались одним картофелем. Весной щипали и ели проклюнувшуюся первую травку - щавель, кислятку, лебеду, разные «дудки». Хлеб пекли наполовину с травой, отрубями и опилками. Картофель сильно надоедал - хотелось настоящего хлеба. У тех, у кого не было своего картофеля, питались картофельными очистками. От лебеды болели, распухая, ноги, люди слепли и даже умирали от неё. Но всё же от голода на Южном Урале умирали чаще приезжие люди - эвакуированные.

Тяжелее всех жилось эвакуированным из блокадного Ленинграда. Своего хозяйства у них не имелось, и они не были приспособлены к сельской жизни. Эвакуированные дети учились вместе с сельскими ребятами. После войны ленинградцы уехали в родной го-

род. Был такой случай: женщина, голодая, закрыла маленьких детей в доме и ушла на работу в другое село, но заболела, когда вернулась - все дети умерли от голода.

В колхозе работали с восхода до заката, в том числе и дети. Дети, что не работали - нянчились с младшими, ухаживали за домашним скотом, работали на огородах, пряли и вязали варежки и носки для себя, и для фронта. Новорожденные часто умирали, потому что матери не могли ими заниматься - работали, а присматривали за грудничками шестилетние семилетки, да и молока не было даже для малышей, тогда как в хозяйстве были свои дойные коровы - молоко всё сдавали.

О победе узнали по поднявшемуся в деревне крику, плачу. Люди бежали и громко, что есть сил, кричали: «Победа! Победа!» Обнимались, смеялись, причитали, кто плясал, кто бился в истерике и рыданиях. С фронта в деревню вернулись немногие.

Так пришла победа на Южный Урал.

У отца Нины была бронь. На фронт его не призывали, так как он был высококлассным механизатором и руководил ремонтной мастерской - готовил к севу

трактора и комбайны, заведовал маслобойным заводом. Изредка ему удавалось унести - украсть для детей растительного масла. Он по каплям собирал с железных деталей чайную ложку в пенициллиновый пузырёк, прятал его на груди и уносил детям. Он сильно рисковал, за воровство его могли расстрелять, но дети голодали, тогда как в подворье и куры, и гуси, и овцы, и телята... Дома пятью граммами масла сбрызгивали ведёрный чугунок отварного картофеля, и для двенадцати человек огромной семьи то был - забываемый праздник. Нина Фёдоровна всю жизнь помнила неповторимый запах, вкуса ничтожное количество масла не давало - только аромат.

Фёдор Васильевич Мальков погиб после войны. Перед севом он пошёл через Урал - на другую сторону гор в город за деталью для комбайна. Сев нельзя было сорвать. За два дня, пройдя более ста километров через уральский хребет по талому снегу, провалился под лёд в горную реку. В руке нёс бидончик с запчастями и, спасая их, вымок. Сушиться не стал, так как спешил - начинался ледоход. Дома заболел воспалением лёгких и умер.

Татьяна Немшанова родилась в с. Кропачево Ашинского района Челябинской области. Окончила Свердловский горный институт по специальности «Поиск и разведка месторождений полезных ископаемых». Работала на севере Югры. Печаталась в природоведческом журнале «Муравейник» (Москва), газетах «Жизнь Югры» и «Стальная искра» (Ашинский район). В нашем журнале это ее вторая публикация. Живет в пос. Саранпауль Ханты-Мансийского автономного округа.

В Белоруссии

Семья Сивуховых – Дворникова (Сивухова) Евгения Левонтьевна и её дети Иван, Люба, Паша, Поля всю войну пережили в оккупированной немцами Белоруссии – под немцами. Через Гомельскую область и Реченский район немцы с жестокими боями как наступали, так и отступали. В страшной бойне Евгении Левонтьевне удалось сохранить всех детей. Всё военное лихолетье они находились в маленькой белорусской деревушке Ровенская Слобода.

Деревушка до войны, по сути, была фамильным хутором. Землю и хутор прапрадеду даровал русский царь за проявленный героизм в русско-турецкой войне. Но перед войной, в годы коллективизации, как и большинство трудолюбивых крестьян, они были раскулачены. В вину поставили ещё и то, что Евгения Левонтьевна и её муж – Пётр имели церковный сан – были православными христианами и вели службы в деревенской церквушке после того, как настоящего священника репрессировали. Пётр был арестован и отправлен в Гомельскую тюрьму, где обезножел. Это-то и спасло – его отпустили. Евгения вступила в колхоз, отдав корову,

лошадь, и продолжала трудиться – сеять хлеб, лён.

Когда наши войска отступили, а немцы захватили Белоруссию, взрослые ушли в партизаны. Евгения пекла партизанам хлеб. Очень боялась, за это могли всю семью, включая детей, расстрелять. Она кормила партизан даже тогда, когда в деревне стояли немецкие части.

Колхозники коров прятали в лесу, пытались даже сеять хлеб, чтоб кормиться самим и кормить партизан. Местные полицаи поймали и повесили племянника, – ему было всего шестнадцать лет...

Когда первый раз пришли в деревню каратели, партизаны успели предупредить жителей, и те попрятались в лесу, вернулись – деревня сожжена... Уцелело только два дома. При первом приходе карателей уцелел дом Евгении, она, убегая, успела его закрыть на ключ, а немцы зажигали изнутри. Но во второй приход карателей сгорело всё. Жить переселились в землянку. Пётр умер в середине войны от болезней. Семенное зерно колхозники прятали в лесу – в ямах, маскируя сверху землёй.

В войну свирепствовал тиф, унёсший много ослабевших от голода жителей оккупированной

белорусской территории. Тяжело болели тифом Поля и Паша, но выжили. Самым тяжёлым испытанием оказались даже не болезни, бомбёжки, расстрелы и каратели, а – голод. Тогда как в блокадном Ленинграде выдавали хоть мизерные кусочки хлеба – в Белоруссии не было и того. Дети собирали всевозможные коренья, ели траву, пухли от травы и умирали. Когда на постое в хате жил немец, ему денщик приносил кашу. Тот, то ли издеваясь, то ли ещё почему, оставлял тарелку с кашей на столе, и, не выдержав голода, маленький Иван всё же однажды её попробовал...

Во время отступления немцев шли сильные бои. Стреляли и бомбили все – и немцы, и наши. Деревня с уцелевшими женщинами и детьми вновь оказалась на линии фронта. Горело всё – даже земля! Снаряды испахали поля и перебили всё, что оставалось живого на ней. Евгения с детьми в бомбёжку пряталась в саду – в землянке. Снаряд разорвался в саду. Любу тяжело ранило осколками – деревню с немецкой частью бомбила наша авиация, легендарный женский полк, прозванный «ночными ведьмами». (Деревня находилась на линии фронта). Тяжело израненную девушку спас немецкий офицер этой

Большикова Светлана Ивановна с внуком Алексеем

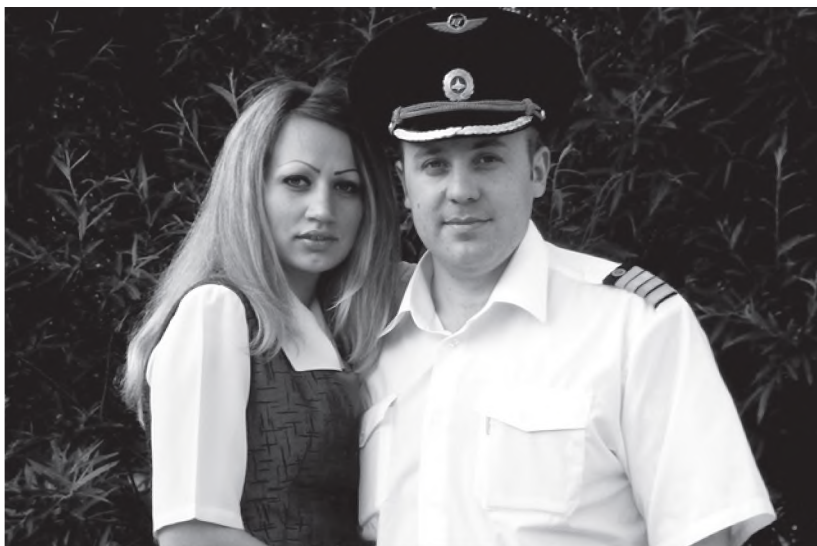
Сивухов Иван Петрович, уроженец Белоруссии. С 16 лет проживает на Урале

части! Близился конец войны, и не все немцы хотели воевать, у них тоже были семьи, тем более что бомбы не разбирали, на кого падали – на немцев или выживших до того белорусских детей.

В немецком госпитале в Речице опытный немецкий военный хирург сделал белорусской девушке сложнейшую операцию на голове, удалил часть осколков. Вся в бинтах, израненная, она лежала вместе с немецкими солдатами, когда наша авиация разбомбила госпиталь. Город горел, немцы отчаянно сопротивлялись, а наши – наступали. Еле живая, Люба доползла до разбитого окна и вывалилась из горящего госпиталя, отползла от огня, но силы её покинули. Её заметил советский солдат и наставил автомат, думая, что это раненный немец, но она прошептала, что – белоруска, своя. Потом ей помогли добраться до хутора.

Из оккупированных деревень немцы отправляли молодёжь в Германию. От отправки Любу, Пашу и Полю несколько раз спасал немецкий офицер, «квартировавший» в деревне. Он предупреждал Евгению Левонтьевну о готовящейся карательной операции, чтоб та прятала дочек. Евгения Левонтьевна прятала детей в землянке в саду, сверху засыпая хворостом и землёй. Немцы, жившие в селе, это знали, но никто не выдал, – люди разные воевали и с нашей, и с немецкой стороны.

После отхода линии фронта на запад на окраине деревни после боёв остался искорёженный немецкий танк – «тигр» с крестами (через деревню шли и танковые части). Мальчишки, как все любопытные дети, искали после сражения гранаты, оружие, патроны. Иван с друзьями лазили по подбитому танку. На глазах двенадцатилетнего мальчика все его выжившие до того друзья подорвались на оставшемся в танке снаряде. Двоих тяжело ранило, от других остались лишь куски тел и вывороченные из животов кишки, разбросанные по танку и земле. Сам же Иван – единственный, кто не пострадал. Мальчику самому пришлось собирать останки друзей и самому

Внук Сивухова Ивана Петровича и правнук Дворник Евгении Левонтьевны - лётчик.

хоронить, потому что взрослых мужчин в деревне живых не оставалось.

Когда в 1941 году немцы наступали, они мирных жителей не трогали, заняв деревню - не грабили. С жителями разговаривали, продукты у населения не отнимали, а покупали или выменивали на керосин, спички, соль. Но за ними шли наёмники, - те вели себя жестоко с населением. А вот расстреливать, грабить, жечь начали уже после прохода передовых войсковых немецких частей. Особо свирепствовали СС, каратели со своими же полицаями. Они жгли хутора вместе с живыми людьми, вешали, расстреливали, угоняли в Германию.

Во время отступления немцев и за все годы оккупации жителям удавалось, несмотря на лютый голод, сохранить от разграбления какой-то скот и запас семян. Но сохранённый ценою детских жизней семенной фонд был уничтожен при наступлении наших войск – его отдали лошадям, высыпав на землю. Вряд ли здесь что-то можно сказать новое: освобождённые из фашистских лагерей узники отправлялись напрямую в столь же жестокие сталинские лагеря. Предвзятое отношение проявлялось порой и к тем, кто всю войну прожил «под немцами» на оккупированной территории Белоруссии и смог уцелеть в бомбёжках, от тифа, го-

Аша. Вечерняя школа. В годы войны здесь располагался госпиталь

Аша. Памятник погибшим воинам

лода, карателей, полицаев, угоня в Германию, расстрелов, виселиц... выжили ведь только женщины и малые дети... единицы из них. На освобождённой от немцев белорусской земле скот - побит, люди - побиты, поля и сады - сожжены, сеять нечем, земля сожжена -

остался только лютый голод и угроза сталинских лагерей.

Старший сын Евгении Левонтьевны Николай в начале войны учился в лётном училище, но был отчислен из-за судимости отца - священнослужителя. С боями он дошёл практически до Берлина, но

Аша. Горы Южного Урала. Православный крест

не лётчиком, а танкистом - водителем Т-34. Незадолго до окончания войны его в очередной раз подбили, танк сожгли. После боя обгоревшее до неузнаваемости тело танкиста похоронная команда принесла к братской могиле, чтобы захоронить вместе с остальными погибшими воинами. Николая положили на краю могилы, но на ногах у него уцелели новенькие, полученные накануне боя, хромовые сапоги. Солдату из похоронного отряда стало жалко закапывать вместе с телом хорошие сапоги, и он попытался снять их. Николай очнулся и застонал от боли. Так сапоги спасли его жизнь, иначе его бы похоронили живым.

Встречались мы с Николаем Петровичем однажды - в начале семидесятых годов. Большая семья, добрая жена, отстроенный дом, яблони и груши в саду, только трудно было смотреть ему в лицо - лица как такового не было, были только глаза - без ресниц, без бровей и шрамы от ожогов... ушей тоже не было вовсе - они полностью сгорели. Война окончилась, когда он ещё почти год лежал в госпитале. Умер Николай Петрович на восьмом десятке лет от ран.

После войны вся семья Сивуховых собралась вместе и переехала на Урал, а потомки потихоньку перебрались в Сибирь - в Югру.

Евгения Левонтьевна прожила долгий век. Никогда не сидела без работы, даже когда не было сил ходить. Опираясь на посох одной рукой, другой окучивала картофель. Лёжа в постели, за несколько дней до смерти вязала своим взрослым внукам и правнукам варежки с множеством узелков - из ниток от распущенной древней кофты. Последние подарки родным она прятала по подушку. Расставаясь с уезжающей на далёкий Север внучкой, она махала вслед морщинистой маленькой рукой из окна... - вся чистенькая, беленькая, в белом платочке, в белой кофточке. Обе понимали, что прощаются навсегда. Так её научила жизнь - дорожить всем, и постоянно трудиться.

Она тихо ушла - в 93 года. Всегда верила в Бога. Каждый вечер молилась за всех. Никогда не повышала голоса, никогда ни о ком

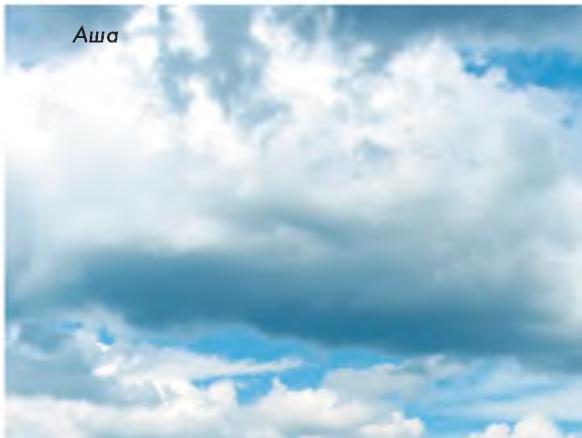
не сказала ни единого дурного слова. Но всё же какая-то горечь у неё оставалась до конца жизни, - нет, не из-за немцев, а из-за «своих». И это объяснимо: от чужих добра не ждут. Но как относиться к тем, кто не жалел свой же народ?!..

На крыше бабушкиного дома, как и на многих белорусских сельских домах, до войны находилось большое гнездо Бусела - аиста. Каждый год аисты возвращались домой, и в гнезде появлялись птенцы, а в доме - младенцы. Когда бабушка заводила речь о войне, то всегда вспоминала своих аистов. Они жили до момента, пока каратели не сожгли деревню. На вопрос внучек, куда делись аисты, она печально задумывалась и долго молчала, а потом отвечала, - что не знает. Возможно, она щадила наши детские души и

Аша

Аша

не говорила, что аисты не бросили птенцов и сгорели вместе с хатой...

После войны вся семья переехала жить на Урал. В разорённой Белоруссии было пусто и голодно. Надо было жить дальше. Поля, Паша, Николай уже со своими семьями в шестидесятые годы вернулись на родину. Евгения Левонтьевна и её старшая дочь – Любовь Петровна нашли покой в уральской земле. Иван Петрович живёт на Южном Урале, а Белоруссия из некогда братской республики стала другим государством.

По воспоминаниям семьи Сивуховых: Ивана Петровича, Светланы Ивановны, Евгении Левонтьевны, Любви Петровны, Нины Фёдоровны.

Виктор ГУБАЧЕВ

Фото из архива Николая Шевченко

Копатель Николай Шевченко

Долина смерти у деревни Груздево

Смоленщина... Родина первого космонавта планеты. Гагаринский район, бывший Гжатский, был полностью оккупирован фашистскими войсками в октябре сорок первого года. Эта частица центральной России, что на пути к Москве, перешла к врагу после тяжелейших боев. Но уже в декабре сорок первого, в результате контрнаступления Красной Армии, противник с боями начал отходить от столицы.

Отходил, но не бежал. До победного мая было еще далеко. Свой рубеж обороны в районе Гжатска гитлеровцы громко называли «линией фюрера». Этим

фашистское командование хотело подчеркнуть, что не отступит дальше на запад ни на шаг. С начала марта по конец апреля здесь раз-

вернулись ожесточенные кровопролитные сражения.

Что представляла собой эта пресловутая «линия»? Местность довольно лесистая, изобилует высотами, заболоченными низинами, заросшими речками и ручьями. Оборона врага состояла из целой сети опорных пунктов. Каждый оборонялся гарнизонами из 150 – 200 солдат и офицеров, вооруженных большим количеством автоматического оружия, минометами, пушками. Разветвленная сеть траншей и ходов. Опорные пункты опоясывали густые минные поля с несколькими рядами колючей проволоки и спирали Бруно. Вся местность перед обороняющимся врагом была пристреляна его пулеметчиками. Глубокий снежный

САЛЮТ

база отдыха

- Два комфортабельных жилых корпуса в сосновом лесу
- VIP коттеджи семейного типа
- Современные конференц-залы
- Кафе, диско-бар
- Игровая комната для детей с воспитателем
- Детская площадка среди сосен
- Русская баня, сауна с бассейном
- Беседки с мангалом
- пляж, лодки, катамараны
- Бильярд, теннис и другие развлечения.

Верхняя Сысерть

Тел.: (34374) 25-420, 25-634,

(343) 359-93-89. www.salutupz.ru

Виктор Губачев родился в 1956 году в Первоуральске. По образованию историк. Закончил Кунгарский Педагогический институт, преподавал историю и обществознание. С 1982 года работает в СМИ города и области. Начинал корреспондентом газеты «Уральский трубник» на Первоуральском Новотрубном заводе. Был внештатным корреспондентом Свердловской государственной телерадиокомпании 7 канала. В данный момент работает в газете «Вечерний Первоуральск свободный». Готовит выставку к юбилею победы в музее Уральского Новотрубного завода.

покров дополнял картину неприступности немецких позиций.

Наши подразделения были изрядно вымотаны зимним наступлением. В стрелковых полках не хватало личного состава, а также танков, поддержки авиации, да и снарядов было недостаточно. Таким образом, пехота шла прямо на гибель – в лобовую атаку, по пояс в снегу...

Наиболее ожесточенные бои развернулись в так называемой «долине смерти», у деревень Груздево, Сорокино, Чурилово, Долгиново, Медведки, Акатово и других. Наши стрелковые дивизии несли здесь колоссальные потери, продвигаясь вперед порой всего на несколько десятков метров в сутки.

Например, в районе деревни с мирным «грибным» названием Груздево за один только день – 5 марта 1942 года – наша 352-я стрелковая дивизия потеряла убитыми 1400 человек. А сколько пропало без вести! При взятии одного вражеского блиндажа погибало до сорока красноармейцев. Атаки следовали за атаками. И захлебывались.

Стало ясно, что нахрапом организовано обороняющихся немцев не взять. Понесся огромные потери, истощив свои резервы, войска Западного фронта в конце апреля 1942 года перешли к обороне. Пройдет еще год, прежде чем противник начнет отступать с «линии фюрера». Гжатск будет освобожден только в марте 1943-го.

А что же мертвые? Мертвые, как говорится, сраму не имеют, а вот живые... До сих пор не всех похоронили! Кто-то из красноармейцев так и остался лежать в воронках, на поверхности земли, «зарастая» дерном.

И сегодня, спустя десятилетия, эти смоленские леса и поля напоминают одно огромное братское кладбище.

Не космос – метры грунта надо мной

– Наша фамилия относится к цеховым, то есть ее давали в старину по цеховому, ремесленному

признаку. Корни -шев, швеч, шевц или швец. Мои предки занимались портняжим делом в деревнях и селах Восточной Украины.

Он еще не достиг возраста Христа, ему тридцать лет. Николай Шевченко, внешне «крепко сшитый» молодой мужчина, собеседник увлекательный и открытый, неутомимый искатель и собиратель старины, протягивает мне основательно составленный им рассказ о своем генеалогическом древе – «Моя родословная».

– Я коллекционирую, помимо всего прочего, все, что так или иначе связано с именем моего однофамильца, великого kobзря Тараса Григорьевича Шевченко. Вот, полюбуйте: значки, ему посвященные. Как соберу таких пару сотен – вот и готова еще одна моя экспозиция...

Николай Иванович первоуральцем стал недавно, а вообще то он родом из Оренбуржья. Отец после армии подался «на севера» и оказался в Воркуте. В краю мерзлоты, севернее Полярного круга. На 67-й параллели. Там, где лабиринты шахт. Как поется

у Высоцкого: «Но нас, благословенная Земля, прости за то, что роемся во чреве».

– У меня батя, Иван Ильич – кавалер наград трех шахтерских степеней, Почетный работник угольной промышленности России, – не без гордости рассказывает Николай. – Я пошел по его стезе. Вместе работали на одном участке в шахте.

Он был машинистом подземных установок, горноспасателем.

Довелось не раз спускаться в преисподнюю, откуда дают стране угля. Участвовал в ликвидации пожара, затоплений на шахте, боролся со смертельно опасной загазованностью выработки.

– Шахта глубокая была?

– Да нет. 290 метров всего. Вот рядом – около километра. Мы давали энергетический уголь для ТЭЦ. Когда нашу шахту посчитали нерентабельной и закрыли, я переехал к вам, в Первоуральск.

– Так просто? Ткнул пальцем в точку на границе Европы-Азии и поехал?..

– Мой боевой товарищ, друг (мы вместе находились в составе миротворческих сил в Абхазии в 1997 – 98 году), родом из ваших краев. Он пригласил меня на свадьбу свидетелем. Я из Воркуты примчался и уже здесь, во время всех этих свадебных дел, познакомился со своей будущей женой. Так и связалась моя ниточка с Уралом.

Его уралочка Татьяна работает продавцом в одном из магазинов нашего города. Подрастает сын,

скоро ему четыре года будет. В честь прадеда назвали его Ильей.

А как же «черное золото»? Свои угольные университеты Шевченко, конечно, не забыл. Не так давно даже помог написать одному товарищу-целое исследование на тему «Жетоны шахт». Эта познавательная статья была опубликована в журнале «Петербургский коллекционер».

Урок истории, или Удачный обед на вершине холма

В беседе со мной Николай не скрывал (когда поинтересовался его политическими пристрастиями), что в лихие девяностые годы он был сторонником РНЕ – Русско-го Национального Единства. Хотя черносотенцем не был никогда. Но сегодня, похоже, политика ему не так интересна.

Его зацепила старина. Возможно, и потому, чтобы поменьше

слышать сегодняшнего словоблудия и благих пожеланий из уст непотопляемой номенклатуры. Он, легкий на подъем, открывает мир прошлого, который находится буквально под нашими ногами. Уходит в глухие места, заброшенные деревни. Но «черным археологом» себя не считает.

Приведу один документ. Осенью этого года Шевченко получил благодарственное письмо лично от директора южно-уральского филиала института истории и археоло-

гии В.С. Мосина за «неоценимый вклад и содействие в открытии нового уникального памятника эпохи средневековья...».

Согласитесь, признание столь солидного ученого мужа, представляющего российскую академию наук, многого стоит. О каком же уникальном археологическом памятнике идет речь?

Пусть расскажет сам автор открытия, первоуралец Николай Шевченко.

– У меня есть единомышленник в Ревде, его зову Раим. С ним мы много путешествуем в поисках «старины глубокой». И вот забрели недавно в Кунашакский район Челябинской области. Искали одну деревеньку по старой карте. Не нашли. Решили покушать. А рядом два больших холма. Мы – туда. Чтобы заморить червячка, да и осмотреться, прикинуть сверху, где же может находиться наша деревня.

Когда кушали, я обратил внимание на какие то ямки, закопушки. Явно кто-то пытался копать здесь. Решили и мы походить, поискать. Включили металлодетекторы. И буквально через несколько минут нашли первую посеребренную вещичку от конской упряжи. В течение часа у меня в кармане было уже почти 150 всяких серебряных и посеребренных украшений.

Когда мы вышли со своей находкой на челябинских археологов, те воскликнули: ребята, вам сказочно повезло! Вы же являетесь первооткрывателями могильника, вами найдены изделия людей, живших в этих местах в III – VII веках нашей эры. Копать теперь да копать. Работы здесь хватит на десятилетия...

Место «удачного обеда» включено сейчас в реестр археологических памятников.

– Был бы в Первоуральске настоящий историко-краеведческий музей, половину из найденного я отдал бы туда. Вот вам, посетители, школьники, наглядный урок истории! Пожалуйста, подлинные экспонаты.

Николай приглашает меня на экскурсию по своему домашнему музею.

В его первоуральской квартире, действительно, чего только нет! В маленькой коробочке, например, острые наконечники стрел скифов и ранних аланов. Вот коллекция старинных старообрядческих крестов. В Сажино, это рядом с нашим городом, бывший шахтер обнаружил россыпь старых монет.

А это что за оружие? На стене висит японский штык-нож арисака, который был найден Николаем в земле посреди деревни Романовка, что на Чусовой. Наметанным глазом он углядел возле Сылвы в раздавленной трактором железке редкую историческую вещь. Оказалось, военная каска образца 1917 года! Выпущено было таких экземпляров для царской армии мизерное количество.

А рядом – подборка наград третьего рейха и союзников Германии во второй мировой войне. Советская каска мирно соседствует

с пробитой минометным осколком каской фашистской. Хвостовики от мин, стеклянная фляжка красноармейца с неразборчивой фамилией и другие предметы нехитрого фронтового быта, ракетницы, шрапнельный снаряд, наша «сорокапяточка», осколочные «рубашки» для гранат, немецкая «колотушка» с длинной ручкой и другое оружие, которое уже не стреляет и не взрывается....

О находках, связанных с Великой Отечественной войной, у нас с Николаем зашел отдельный разговор.

По смоленской дороге – леса, леса, леса...

Какая-то невидимая сила толкнула и заставила его однажды прийти в военно-патриотический клуб, а потом стать волонтером смоленской поисковой группы «Рейд». Теперь ежегодно, обычно в мае, он едет на свои кровные, чтобы встретиться со старыми знакомыми, пожить с ними в палатках. Чтобы, переночевав в спальном мешке, с утра терпеливо бродить по лесам и полям с металлоискателем в одной руке и лопатой в другой.

Уже который год у нас ведутся пространные разговоры о патриотическом воспитании и том, как научить народ вновь родину любить. Эти ребята разговорам предпочитают действие.

Группа «Рейд», часть Всероссийского поискового отряда «Память», была организована в городе Гагарине Смоленской области летом 1990 года. За прошедшее время поисковикам удалось найти и захоронить с воинскими почестями более двух тысяч красноармейцев, погибших, считавшихся пропавшими без вести. По «смертникам», обнаруженным солдатским медальонам и именованным предметам (например, котелкам или солдатским ложкам с фамилией хозяина) были установлены имена более 100 воинов.

Силами этой поисковой группы подняты нескольких совет-

ских истребителей, сбитых в воздушных боях. Многие предметы, найденные в гжатских лесах, на полях сражений, сегодня хранятся в различных музеях по всей России.

– Почему я копаю непосредственно в Гагаринском районе? Все просто. Там погиб, пропал без вести мой прадед, – предвосхищает мой вопрос Николай. – О – обычный рядовой. Как и тысячи других, poleg под драконовским огнем противника. И лежит где-то там, в смоленской земле...

Лет семь назад Николай обратил внимание на фотографию, единственную в фотоальбоме своих родителей. На обороте пожелтевшей карточки рукой прадеда по отцу, Соловьева Якова Яковлевича, было написано: «На память родным... Ухожу на фронт. Не забывайте. 1941 год». С этого все и началось.

Правнук проявил похвальный интерес к своим родственным корням, направил запрос в центральный архив министерства обороны. Оттуда нескоро, но все-таки пришло долгожданное, скупое сообщение: есть данные, зайдите в Интернет...

– Так я узнал, что мой прадед, красноармеец-стрелок, погиб 12 марта 1942 года у деревни Рыльково. Задался целью: не найти прадеда, так хотя бы упокоить останки его товарищей. Хотя бы некоторых разыскать, похоронить по-человечески. Отдать им честь!

По зову души Шевченко вышел на поисковую группу. Приехал на вахту Памяти со своим лучшим другом Александром. И в первый же день ребята случайно нашли возле своей палатки останки двух бойцов. Это просто удивительно!

– А вдруг, Николай, один из них и был твоим прадедом?

– Все может быть... Я считаю, все, кого я находил, кого ребята поднимали, – все они спаянные одной судьбой наши прадеды.

Таких полей по всей России тысячи!

Какие факты, находки наводят на размышления, поражают? Ну, например. На сотню останков наших воинов ребята-поисковики находили и поднимали всего лишь несколько фрицев. То есть противник своих убитых не захороненными редко оставлял. Даже отступая.

Часто наши красноармейцы не только не заполняли из-за суеверия медальоны со сведениями о себе, но нередко попросту скуривали эти драгоценные бумажки, забирая их у своих же, уже убитых.

Однажды нашли останки воина с чужим медальоном. А истинный его владелец, на поверку, оказался... живым! Давно на пенсии.

...На голом поле ребята уже подняли почти все «железо». И зацепились за каску. Начали копать. Боец лежал в авиационной воронке. По костям определили – он очень молод. Лет девятнадцать, наверное. Каска ему была явно велика. Должен быть размер «единица», а у него – «три».

– Тонкий осколочек такой, как иголка, был найден нами внутри черепа этого погибшего паренька. То ли он через глаз попал, то ли в рот вошел... А каска – целехонька, – вспоминает детали Николай. – Я еще тогда задумался, представил: вот лежал этот солдатик наш безымянный, десятилетиями здесь лежал. В любую непогоду, посреди этого поля. Всеми забытый и никому не нужный... Ни жетона, ничего существенного рядом мы так и не нашли. Грустно, нехорошо мне стало на душе.

Печальная арифметика. Неподалеку, на другом поле, уже в наше время захоронено 1442 безымянных солдата и сержанта. Если знать, что при коварном нападении самураев на базу Перл-Харбор погибло 2 тысячи американцев, что считается у них общенациональной трагедией (и каждый из погибших назван поименно!) – становится как-то не по себе. Вот бы какой «зарубежный опыт» нам перенимать!

Какая колоссальная жатва смерти только здесь, на этом небольшом участке смоленской земли! Печально, но факт. Много таких полей по всей России еще наберется.

Вот на фотографии – останки двух бойцов. Одного смерть ударила в живот. Он лежит, скорчившись. Второму осколок попал

в голову. Черепная коробка отдельно лежит. Тут же солдатский котелок, лопатка, противогаз и две ручных гранаты. Оружия и сапог не было. Возможно, кто-то подобрал после боя.

– Как вы считаете останки погибших?

– В основном, по тазобедренным костям. По головам не считаем. Потому что головы, бывает, раздроблены. А ноги есть ноги. Если, допустим, в одной яме нашли останки пятерых бойцов, в один мешок и складываем. Нумеруем и хороним в одном ящике. Порою невозможно определить, это свой или нет. Пускай хоть немец, венгр, латыш! Хороним каждого по-человечески. Пусть лежит вместе со всеми. У смерти национальности нет, равна для всех.

– А как у вас с техникой безопасности?

– Если подходить с умом, подрывов не будет. Обкапываем аккуратно. Вот местные жители рискуют, когда из найденных на полях сражений снарядов вырывают... медь..

Шок – это по-нашему!

Краткая история поискового движения в Первоуральске

Первый городской поисковый отряд в составе и под руководством областной ассоциации «Возвращение» был образован в 1990 году на базе школы № 21. Его работу возглавил преподаватель истории А.А. Виноградов. Одной из самых памятных стала поездка на Дон, в Россосанский район. Там за десять дней поисков первоуральский отряд обнаружил останки 293х советских воинов.

Весной 1993 года отряд распался. Но в том же году старшая вожатая школы № 4 Н.С. Васильева организовала другой городской поисковый отряд – «Антей». Вместе с 12 ребятами из интерната она провела поиск в Курской области, у районных центров Поньыри и Обоянь. Летнюю вахту Памяти 1994 года антеевцы провели воз-

ле деревни Малая Покровка Воронежской области и в районе г. Луга – Ленинградской. В ходе поисков был найден солдатский медальон с сохранившимися в нем данными о погибшем. Найденные останки десятков советских солдат были преданы захоронению.

Сегодня поисковое движение в Первоуральске заглохло. Кризис. Нет энтузиастов и, как всегда, денег для организации хотя бы одной поездки молодых людей к местам прошедших боев.

Первоуральские школьники играют в компьютерную «войнушку»...

Вспомнить лейтенанта Черногоубова

Символично, что из ржавых солдатских касок безудержно прорастают через все пробоины зеленые волосы трав. Природа и время берут свое. Вот одну из них, коричневую «железяку» времен второй мировой, подняла с земли и примерила, как модную импортную шляпу, белая береза. А может, кто из людей проходил мимо, углядел в весенней траве эту немецкую каску, взял да и нахлобучил, шутя, на ствол молодого деревца.

Полегшая пехота проросла здесь груздями и сыроежками. По некогда минным полям бродят-аукаются местные грибники. И пока явно не торопятся уходить отсюда эти молодые люди с лопатами и странными штуками, которыми они внимательно слушают землю, как доктор больного.

Так ими самими решено: искать! Сменяются поколения, но войне никак не уйти из сердца прочь до тех самых пор, пока наши ребята-поисковики не поднимут самого-самого последнего, еще не погребенного воина, всеми давно позабытого. Похоже, что ждать встречи с ним нам предстоит еще не один десяток лет...

Николай не прекращает поиски и после раскопок, возвращения домой из очередной экспедиции в «долину смерти». Снова едет куда-то. Чтобы отыскать родословную ниточку, напомнить о ком то, восстановить справедливость.

Так побывал в Артемовском, искал в этом уральском городе по-

Поле смерти

Останки наших войнов

томков Петра Семеновича Бабкина, 1907 г.р. Его останки обнаружили недавно.

– Оказывается, чуть ли не весь Артемовский, процентов на семьдесят – все Бабкины. Я пока ехал в автобусе, сразу троих Бабкиных нашел. К сожалению, эта поездка оказалась безрезультатной. – рассказывает Шевченко. – Но горожане встречали очень гостеприимно, редактораместной газеты привели, несмотря на субботний день, чаем меня напоили. Может быть, еще и отыщутся родственники этого воина.

Кстати говоря, есть у нашего героя информация и для первоуральцев. При мне он набирает московский сотовый телефон руководителя своей поисковой группы «Рейд», просит уточнить:

– Помнишь того лейтенанта, родственников которого мы сегодня ищем? У тебя должны быть данные по нему...

Оказывается, среди погибших почти до последнего человека бойцов отдельного гвардейского лыжного батальона 29

стрелковой дивизии, который героически сражался под Гжатском в феврале сорок третьего, был и наш земляк.

Записываю: Александр Дмитриевич Черногубов, лейтенант. 1917 г.р. Мать – Черногубова Екатерина Федоровна. Проживал в Первоуральске по адресу: ул. Жавороновская, 48.

А вдруг кто-то прочтет фамилию павшего лейтенанта, узнает, да и откликнется спустя десятилетия на эту весточку с давно прошедшей войны? Бог – изобретатель. По его усмотрению происходят порою в жизни настоящие чудеса, невероятные совпадения и открытия...

Рубрику представляет Уральский геологический музей
Владимир АВДОНИН, г. Екатеринбург
Фото предоставлено автором

Платина – металл вечности

Платина, по превосходству в некоторых свойствах, могла бы стать выше золота, а по причине ещё большей редкости своей, без сомнения, превзошла бы его и ценою.

Д. И. Соколов, 1832

«Сей металл с начала света до сих времен совершенно оставался неизвестным, что без сомнения весьма удивительно».

Так говорилось о платине в 1790 г. на страницах «Магазина натуральной истории, физики и химии», издававшегося известным русским просветителем Н.И. Новиковым.

Ничего удивительного нет.. Платина очень редкий химический элемент. Кларк его, т.е. среднее содержание в породах земной коры, на порядок меньше, чем золота.

Впервые об этом металле упоминал испанский математик Дон Антонио де Ульоа в 1748 г., вернувшийся из Южной Америки, где он вместе с французскими учеными принимал участие в геодезических и астрономических исследованиях, связанных с определением размера и формы Земли.

Платина долго не находила применения, так как её не умели обрабатывать. Помимо этого «...она много теряет неприятного цвета своего;

а с другой стороны, самая редкость её в природе препятствует ей войти во всеобщее употребление. Соколов Д.И. – профессор Петербургского горного института заметил ... впрочем, с некоторого времени употребление платины начало делаться, особенно же в нашем отечестве, гораздо обыкновеннее».

Платина на Урале

В 1814 г. акад. В.Н. Севергин в своей книге «Опыт описательной минералогии» с болью в сердце утверждал: «Платины нет на Урале». К этому времени о существовании российской платины ничего не знали. Вопреки этому Николай Родионович Мамышев (1777-1840) – начальник Гороблагодатского Горного округа заверял, что вверенный ему округ богат платиной и доказал это.

Поэтому небезынтересно привести эмоциональное и прозорливое высказывание Н. Р. Мамышева: «Угрюмый Урал согнул твердый

хребет свой... и сделался данником могущественной России, а в последнее время ее арсеналом и сокровищницею. Металлы: железо, медь и золото – он принес ей на оружие и на промышленность; драгоценные камни: хрустали, бериллы, аметисты, шерлы и топазы – на украшения. Чтоб Сибирское богатство было еще ближе к Американскому, не доставало ему из металлов платины, а из камней – алмазов: ныне платина найдена, зачем отчаиваться в отыскании алмазов?»

В 1822 году, во время промывки уральских золотоносных песков, заметили примешанным к песочному золоту особенный металл в виде таких же зерен, как и золото, но только белого, блестящего цвета. Относительный его вес такой же или почти такой же, как и золота, ибо он получался на вашгердах вместе с сим последним, и не иначе мог быть от него отделен, как механическим разбором. Хотя по наружному виду, а более по от-

Владимир Авдонин – старший научный сотрудник Уральского геологического музея, кандидат геолого-минералогических наук.

носителю весу и по нерастворимости в сильных минеральных кислотах можно было почитать сей металл платиной; но поелику, по ближайшем рассмотрении, зерна его оказались различного вида и цвета, иные цвета почти серого, чугунного или свинцового с малым блеском, другие цветом, похожим на серебро, ярко блестящие, как бы полированные; притом иные были неправильно угловаты, другие казались окристаллованными; то Сибирские горные офицеры называли его просто белым металлом, пока химическое разыскание точно не покажет, что металл сей есть действительно платина. Некоторые из них тотчас приступили к испытаниям. Екатеринбургский Горный Начальник Берггауптман Осипов поручил произвести исследование над сим телом Гл. Аптекарю Гельму и Практиканту Варвинскому (что ныне Гиттенфервалтер).

Но «Вернейшие признаки Сибирской или хребтоуральской платины были открыты ещё в 1819 г. в золотоносных россыпях, принадлежащих дачам Верхисетских заводов Гвардии Корнета А.И. Яковлева; вскоре засим нашли оную также в малом количестве с осмиевым иридием в дачах Невьянских заводов, принадлежащих наследникам Д. Ст. Советника Яковлева, и Билимбаевских – Графини С.В. Строгановой. Но с 1824-1825 гг. начали оную находить в значительном количестве во многих золотоносных россыпях, принадлежащих округу Гороблагодатских казенных заводов и Нижнетагильских покойнаго Тайн. Сов. Н.Н. Демидова.

Между тем, как сибирские химики продолжали свои исследования над сим металлом, прерывали и возобновляли оныя, не получив решительных следствий, петербургские ученые произнесли, что сие тело есть сырая платина. Г. Варвинский обнаружил в конце 1822 года следствия некоторых испытаний, произведенных им в Екатеринбургской лаборатории, над особливим металлическим веществом, которое было найдено в золотосодержащих песках в дачах

заводов А.И. Яковлева и доставлено в Екатеринбург под именем платины. Г. Варвинский нашел в упомянутом металлическом веществе смесь двух различных сплавов. Из описания некоторых физических и химических свойств двух глав-

Н.Р. Мамышев

ных сплавов можно заключить, что один из них содержит в себе платину, другой подобен американскому осмистому иридию.

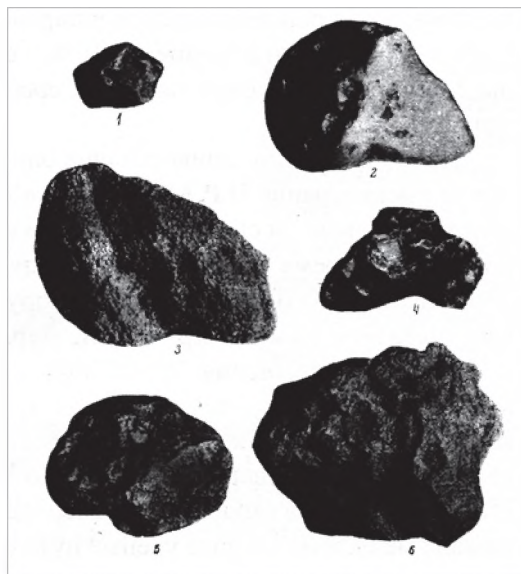
Первая чисто платиновая россыпь открыта в 1824 г. на р. Орулихе – левом притоке р. Баранчи в Гороблагодатском горном округе. Вот как рассказывал об этом Николай Родионович Мамышев – начальник Гороблагодатского горного округа, с 1825 г. член-корреспондент горного ученого комитета: «В исходе августа 1824 г. партией, отправленной Управлением Баранчинского завода маркшейдером Н. Волковым на р. Орулиху (или Уралиху) с мастеровым Андреевым (его имя заслуженно должно быть сохранено), открыт богатый рудник платины вместе с золотом.

Это первый платиновый рудник Старого света. «Видимое богатство, дознанная

благонадежность и торжественность дня возбудили во мне смелость наименовать его Царево-Александровским».

Государь император указал на важность сего драгоценного открытия. «Судьбою назначено было совершиться сему в округе Гороблагодатских заводов. Я всегда буду считать себя весьма счастливым, – говорил Н. Мамышев, – что в мое управление сими заводами открыто в землях, к оным принадлежащих, в первый раз золото, существование коего в сих местах никто не предполагал ... Но щастье мое усугубилось открытием настоящей платиновой руды, сей новой дани от богатого Урала, бывшей до этого чуждою не только России, но и вообще старому Свету... Кто будет писать историю открытия платины в округе Гороблагодатских заводов, тот, может быть, удостоит упомянуть и мое имя и почтенных моих в сем деле сотрудников. Это одна из лучших наград для тех, которых служба приводит в сии дикие и пустынные края».

Подводя итоги 1824-1826 гг. Н. Р. Мамышев сообщал Н. А. Шленеву: «Итак, существование в Уральских горах платины, сей

Самородки платины из уральских россыпей.

Их вес (в граммах):

1 – 512, 2 – 3780, 3 – 9439, 4 – 1640,

5 – 4314, 6 – 8761

Монеты

американской редкости, ныне доказано несомненно... Нет причин сомневаться, чтобы нахождение оной пресеклось».

Чисто платиновые россыпи (или россыпи, в которых платины больше, чем золота) сосредоточены на сравнительно небольшом участке Среднего Урала (около 300 км), вдоль водораздельного хребта, большей частью на восточном склоне.

Единым источником возникновения крупнейших россыпей на том и другом склонах Уральского хребта служат дунитовые массивы Платиноносного пояса.

Вскоре обладателями крупнейшего Тагильского платинового района, расположенного в отличие от Исовского на западном склоне хребта, становятся Демидовы. У Демидовых преобладают чисто платиновые залежи по рекам Мартьян, Висим, Тура.

И как отмечает Н. К. Высоцкий (1864-1932): «Наиболее продуктивными районами добычи были: Исовской (районы рек Ис, Туры, Выи) и Нижнетагильский (районы рек Мартьян, Шайтанки, Висим, Бобровки и др.). Только Демидовы за первые 20 лет эксплуатации Нижнетагильских приисков намыли около 30 т платины и попутно 10 т золота.»

Самой замечательной особенностью Нижнетагильских приисков (Нижнетагильского дунитового массива), кроме исключительного богатства элювиальных россыпей, является беспримерное изобилие в последних крупных самородков платины. Как известно, в первые годы (1827-1829) разработки россыпей, расположенных у юго-западного подножия Соловьевой горы (в Александровском Логу), было найдено 3384 самородка, вес которых был от 1 золотника

(4,266 г) до 3 ф. 73 зол. (1540 г). Позже здесь же было найдено несколько крупных самородков и один из них весом 20 ф. 343 зол. (8335 г). С прииска Сыркова горы Соловьевой происходит крупнейший из числа где-либо известных, почти совершенно не окатанный самородок платины массой 9624,5 г, найденный в 1843 г.

В наше время уникальный самородок платины весом в 2 кг 219 г подняли на поверхность старатели артели «Амур», ведущие добычу золота в месторождении «Кондер» в Аяно-Майском районе Хабаровского края. Ранее здесь был найден самородок платины весом в три с половиной килограмма. По свидетельству специалистов в этом столетии такие самородки на территории России найдены впервые.

Ни один из благородных металлов не отличается таким сложным

Прииск Царево-Александровский

П.Соболевский

составом, как самородная платина; в ней кроме примеси железа, по количеству достигающей 5-19 % имеются примеси Yr, Os, Pd, Rh, Ru, золота и меди».

Уральские месторождения платины были исключительно богаты и сразу же вывели Россию на первое место в мире по добыче этого уникального по своим свойствам белого металла. В 1828 г. Россия добывала неслыханное по тому времени количество платины – 1550 кг в год, что примерно в полтора раза больше, чем было добыто в Южной Америке за все годы с 1741 по 1825...

Платина долгое время не находила практического применения, так как ее не умели обрабатывать. Выдающийся инженер своего времени П.Г. Соболевский (1781-1841) вместе с В.В. Любарским (1795-1852) разработали эффективный способ получения ковкой платины.

21 марта 1827 г. в конференц-зале Петербургского горного кадетского корпуса на многолюдном торжественном собрании Ученого комитета по горной и соляной части были показаны изготовленные новым методом первые изделия из русской платины – проволока, чаши, тигли, медали, слиток весом в 6 фунтов. Открытие П.Г. Соболевского и В.В. Любарского получило мировую известность. Им заинтересовался даже царь Николай I, посетивший лабораторию и наблюдавший опыты по очистке платины.

К 1827 г. на С.-Петербургском монетном дворе скопилось несколько пудов платины. Чтобы найти сбыт этому металлу, благодаря предприимчивости, министра финансов, графа Егора Францевича Канкрин (1774-1845) с 1828 г. в России стали выпускать платиновую монету 3-, 6- и 12-рублевого достоинства. За советом граф Канкрин обратился к Гумбольдту. Сверх ожиданий, Гумбольдт высказался против введения этой монеты, но его мнение не поколебало решение Канкрин, и 24

апреля 1828 г. был обнародован «Именной указ о чеканке умеренного количества платиновой монеты». На другой день по выходе указа граф Канкрин послал Гумбольдту письмо, в котором и «поставлял себе за особое удовольствие препроводить ему один из этих белых червонцев» (П. Винклер, 1893).

Это было совершенно своеобразное явление в мировом денежном деле. Выпущено в обращение с 1828 по 1845 гг. почти 1,5 млн. монет на сумму 425 1843 руб., для чего потребовалось около 1250 пудов сырой платины.

Платина – очень редкий химический элемент. На Урале она встречается только в самородном состоянии и надо особо отметить, что из всех благородных металлов природная платина отличается очень сложным составом.

В первую очередь она представляет собою природный сплав с другими благородными металлами (иридий, родий, рутений, осмий, палладий) и неблагородными (железо, медь, никель). В платине уральского происхождения содержание примесей достигает нескольких процентов, особенно много железа.

В 1844 г. Карл Карлович Клаус – профессор Казанского университета открыл в уральской платине новый химический элемент – рутений. Название происходит от «Ruthenia» – Россия в переводе со средневекового латинского.

«Почти 100 лет, начиная с 20-х годов XIX века, Урал поставлял на мировой рынок львиную долю платины, добываемой на Земном шаре. За период с 1824 по 2003 годы здесь добыто около 497 т этого металла, но к концу XX столетия запасы россыпной платины истощены и берутся, возможно, последние килограммы». (Альбрехт, 2004)

Платина – металл, обладающий уникальными свойствами: необычная устойчивость в агрессивных средах, даже при

повышенных температурах, и наконец, это просто красивый металл. Ежегодная добыча платины в России за последние годы – около 150 т (2006 год – 156,4 т).

Вклад Урала в эту цифру ничтожный. По качеству руд разрабатываемых месторождений Россия не уступает таким крупным производителям платиноидов, как ЮАР, Канада и Зимбабве.

Сегодня платина не только драгоценный металл, но – что значительно важнее – один из важных материалов технической революции.

Самые разнообразные области современной науки и промышленности без платины существовать не могут. Она незаменима во многих ответственных узлах современных машин и приборов. Она – один из главных катализаторов современной химической и автомобильной промышленности. Ныне около 90 % потребленной платины используется в промышленности и науке. Важнейшими областями применения платины стали химическая и нефтеперерабатывающая промышленность. Платина – лучший катализатор реакции окисления аммиака до окиси азота при производстве азотной кислоты. Катализатор здесь предстает в виде сетки из платиновой проволоки диаметром около 0,05 мм. В нефтеперерабатывающей промышленности с помощью катализаторов получают высокооктановый бензин и др. продукты. Крупным потребителем платины стала автомобильная промышленность. Ценнейшие технические свойства платины обеспечили её широкое применение в ювелирном деле.

Орест Евгеньевич Звягинцев (1894-1967) – профессор Московского института цветных металлов и золота, ст. химик Института по изучению платины сравнивал значение платины со значением соли при приготовлении пищи: «Нужно немного, но без нее не приготовить обеда».

Михаил ФОНОТОВ
Фото Владимира САДЫРИНА

Белый цветок на воде

Если в озерном заливе или в речной старице найдется чистая спокойная вода, то её наверняка покроют овальные клеенчатые листья кувшинки, среди которых всплывут на поверхность воды ее белые цветы. В лепестках кувшинки есть что-то фарфоровое, но название ей дано по форме плода, а не венчика.

Чистая белизна кувшинки, подчеркнутая золотистой желтизной тычинок, отражение лепестков в зеркале воды, блюдца ее листьев, слегка загнутых по краям, что не мешает воде кое-где затечь на зеленую плоскость,

- всем этим легко объяснить то, что кувшинка одно из самых привлекательных растений. При ней мы настраиваемся на доброджелательность и ласковую созерцательность.

То, что кувшинка растет в воде, конечно, необычно. Необычно то, что она «опускает» солнечную энергию на дно водоема, в толстые корневища. Погруженные в донный ил, они всегда помнят, что за толщей воды, высоко в небе – солнце. Что к нему надо протянуть пористые стебли с листьями на конце и длинные гибкие цветоножки

с цветками, положить их не поверхность воды и подставить светилу.

Ясно, что в воде кувшинке хорошо. Она, подобно тысячам других растений, не вышла из воды на сушу и, я думаю, не жалеет об этом.

У кувшинки несколько знатных родственников из теплых краев: индийский лотос, обитающий кроме Индии, в дельте Волги, египетский лотос, украшающий воды Нила, а также виктория регия из далекой Амазонки. И разумеется, желтая кубышка, ее всегдашняя соседка.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫМ

МАЙСКИЙ ЭКСТРИМ-2010

www.uralstalker.com
uralstalker@mail.ru

Г. Екатеринбург
Плотинка

30 мая

- рыболовные состязания с 8:00
- выставка спортивного снаряжения с 10:00
- веревочные трассы в створе плотины с 12:00
- водные состязания на Плотинке с 14:00
- старт водной гонки с 16:00
- награждение с 19:30

УРАЛЬСКИЙ
СПЕДГОЛЫМ

ISSN 0134 - 241X

www.uralstalker.com

ПОБЕДИТЕЛИ

ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА

«КУРЬИ ЛАПЫ» СУМЬЯХОВ

МЕТАЛЛ ВЕЧНОСТИ

май
2010 (№635)

В ПЛАМЕНИ ВОЙНЫ

Алексей СЛЕПУХИН, Наталья БЕРДЮГИНА
Фото предоставлены авторами

Сумбяхи – избушки на курьих ножках

Наследие многих народов, канувших в небытие и подчас совсем нам неизвестных, оказывается настолько ничтожным, что даже оценить его в полной мере не представляется возможным.

Для человечества идолы острова Пасхи или пирамиды Египта – не столько наследие, сколько «дар божий». Природа сделала нам подарок в виде чудом сохранившихся мегалитических памятников разных времен необычной архитектуры, наскальных рисунков, святилищ, меченых знаками дорог и троп – да мало ли еще чего диковинного в нашем мире! Будем надеяться, что и наши внуки и правнуки смогут соприкоснуться с этими уникальными «дарами».

Но это в большей мере касается «великих народов», «великих цивилизаций», а ведь существовали и небольшие народы и народности, малые цивилизации и культуры. Что же остаётся от них? Как можно оценить их «художественный» вкус и

